

ВЕСТНИК МГЛУ

**СЕРИЯ 1
ФИЛОЛОГИЯ**

№6 (49) / 2010

Серия основана в декабре 1996 года

Редакционная коллегия:

А.М. Горлатов (*главный редактор*),
З.А. Харитончик (*зам. главного редактора*),
П.В. Васюченко, Т.С. Глушак, Т.И. Голикова, Е.В. Зарецкая,
Г.Ф. Лепесская, С.Е. Кунцевич, В.В. Макаров, Т.Ф. Плеханова,
А.Н. Степанова, О.А. Судленкова

*Журнал «Вестник МГЛУ. Серия 1. Филология»
включен Высшей аттестационной комиссией
в перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований*

СОДЕРЖАНИЕ

Проблемы общего и типологического языкознания

<i>Голикова Ж.А.</i> Национально-культурная специфика английских фразеологизмов и проблема их перевода на русский язык.....	7
<i>Гриценко Е.С., Кирилина А.В.</i> Язык и глобализация: задачи и направления социолингвистического анализа.....	14
<i>Кардубан Ю.М.</i> Заканамернасці і спецыфіка абрэвіятурнага словаўтварэння ў англійскай і беларускай мовах.....	22
<i>Крот Л.Г.</i> О соотношении мотивированности и лексического значения слова.....	28
<i>Курбаленко Н.В.</i> Преднамеренная/непреднамеренная каузация и ее реализация в разных языках (на материале немецкого и белорусского языков).....	35
<i>Ниживинская О.В.</i> Взаимодействие языковых и неязыковых средств речевой коммуникации.....	44
<i>Салимова З.Б.</i> Манифестация субъекта речи в литературной коммуникации.....	51
<i>Стахнова О.В.</i> Способы реализации фатической функции в вопросительных речевых актах (на примере драматических произведений испанских авторов второй половины XX в.).....	58
<i>Чиркун А.Б.</i> Универсальные невербальные гендерные стереотипы и их преломление в коммуникативной ситуации речевого конфликта (на материале невербального поведения носителей испанской культуры).....	66

Романское и германское языкознание

<i>Бартош Н.Н.</i> Структура <i>il y a</i> как средство выражения бытийности высказывания во французском языке.....	72
<i>Долматова Е.Д.</i> Идентификация английских согласных в зависимости от позиции в слове и просодической структуре фразы.....	79
<i>Дулина Н.О.</i> Тенденции в восприятии и употреблении стилистически сниженной лексики итальянского языка.....	90
<i>Ефимова Е.В.</i> Просодическая структура фразы как фактор аллофонического варьирования английских гласных.....	98
<i>Кожарина Т.В.</i> Прагматический потенциал топонимических единиц во французском газетном тексте.....	106
<i>Козлова С.В.</i> Использование юридического термина в составе номинативных словосочетаний.....	113
<i>Неборская Л.Н.</i> Способы представления диалогического общения в немецких народных книгах.....	121
<i>Сысоева Т.А.</i> Прагматическая структура малоформатных медийных текстов.....	130

<i>Сытько А.В.</i> Просодическое оформление общих вопросов с эпистемическими предикатами (на материале немецкого языка).....	137
--	-----

Исследования славянских языков

<i>Кугейка Т.П.</i> Аманімія словаўтваральных форм у беларускай мове	147
--	-----

Проблемы прикладной лингвистики

<i>Ефремова А.А.</i> Разрешение многозначности английских юридических терминов при автоматическом переводе на русский язык	156
--	-----

Литературоведение

<i>Букаева Л.С.</i> Р.Д. Бринкман и лирическая традиция в немецкой поэзии в 1970-е годы.....	165
<i>Минина В.Г.</i> Антиутопическая картина мира в романе К. Ишигуро «Не отпускай меня»	175

<i>Наши авторы</i>	183
--------------------------	-----

CONTENTS

General and Typological Linguistics

<i>Golikova Zh.A.</i> The National-Cultural Peculiarities of English Phraselogical Units and the Problem of Their Translation into Russian.....	7
<i>Gritsenko E.S., Kirilina A.V.</i> Language and Globalization: Fasts and Fiends of Sociolinguistic Analysis	14
<i>Karduban Y.M</i> Regularities and Specificity of Abbreviation in English and Belarusian	22
<i>Krot L.G.</i> On the Correlation of Motivation and Lexical Meaning	28
<i>Kourbalenko N.V.</i> Intentional/Non-Intentional Causation and Its Realization in Different Languages (on the Material of German and Belarusian).....	35
<i>Nijivinskaia O.V.</i> Interrelation of Language and Nonlanguage Means of Speech Communication	44
<i>Salimova Z.B.</i> The Manifestation of the Speaker in the Literary Communication	51
<i>Stakhnova O.V.</i> The Ways of Realization of Phatic Function in the Interrogative Speech Acts (on the Base of Spanish Drama Texts of the Second Half of the XX Century).....	58
<i>Chyrkun H.B.</i> The Non-Verbal Universal Gender Stereotypes and Their Interpretation in the Communicative Situation of a Speech Conflict (Based on Spanish Communicative Behaviour).....	66

Romance and Germanic Linguistics

<i>Bartosh N.N.</i> The Structure <i>il y a</i> as a Means of Expressing Existence in the French Language	72
<i>Dolmatova E.D.</i> Identification of English Consonants Depending on Word and Utterance Position.....	79
<i>Dulina N.O.</i> Tendencies of Perception and Use of Italian Substandard Words	90
<i>Efimova E.V.</i> The Prosodic Structure of an Utterance as a Factor of Allophonic Variation in English Vowels	98
<i>Kojarina T.V.</i> Pragmatic Potential of Toponymic Units in French Newspaper Text	106
<i>Kazlova S.V.</i> The Use of Juridical Terms in Word-Groups.....	113
<i>Neborskaya L.N.</i> Representation Methods of Dialogic Communication in German Folk Books.....	121
<i>Sysoyeva T.A.</i> Pragmatic Structure of Small-Sized Media Texts.....	130
<i>Sytko A.W.</i> Prosodic Framing of Questions with Epistemic Predicates (on the material on German Language).....	137

Slavonic Languages

<i>Kuheika T.P.</i> Homonymy of Derivational Forms in Belarusian Language	147
---	-----

Applied Linguistics

<i>Yafremava A.A.</i> Automatic Solving of Ambiguity of English Legal Terms While Translating into Russian.....	156
---	-----

Studies in Literature

<i>Bukaeva L.S.</i> R.D. Brinkman and the Lyric Tradition in the German Poetry of the 1970s.....	165
<i>Minina V.G.</i> Dystopian World of Kazuo Ishiguro's Novel <i>Never Let Me Go</i>	175
<i>Our authors</i>	183

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕГО И ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Ж.А. Голикова

**НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА АНГЛИЙСКИХ
ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ И ПРОБЛЕМА ИХ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК**

Статья посвящена рассмотрению национально-культурной специфики английских фразеологизмов и проблеме их перевода на русский язык. Отмечено, что лингвокультурологическая составляющая фразеологической единицы влияет на преобладание в ее семантике одного из аспектов значения: денотативного, сигнификативного или коннотативного. Установлен характер трудностей, которые возникают при переводе фразеологических единиц и предлагается типология переводческих приемов, задействованных при передаче культурно-специфических реалий англоязычного социума.

«Народ выражает себя всего полнее и вернее в языке своем. Народ и язык, один без другого, представлен быть не может... Народ действует, его деятельностью управляет ум; ум и деятельность народа отражается в языке его» [1, с. 16–17]. Так записал свои размышления о специфике языка И.И. Срезневский еще в 1849 г. Это было изложение реальной взаимосвязи «язык – жизнь народа», которая была впоследствии детерминирована как семантика отражения.

Язык – сокровищница, кладовая, копилка культуры. Он хранит культурные ценности – в лексике, в грамматике, в идиоматике, в пословицах, в поговорках, в фольклоре, в художественной и научной литературе, в формах устной и письменной речи [2, с. 14]. Будучи теснейшим образом связанным с культурой, он прорастает в нее, развивается в ней и выражает ее.

Особое место в нем занимает фразеология. Фразеологические единицы (ФЕ), отражая в своей семантике длительный процесс развития культуры народа, фиксируют и передают из поколения в поколение культурные установки и стереотипы, эталоны и архетипы. Фразеологизмы, по Ф.И. Буслаеву, – своеобразные микромиры, они содержат в себе «и нравственный закон, и здравый смысл, выраженные в кратком изречении, которое завещали предки в руководство потомкам» [3, с. 37]. Это душа всякого национального языка, в которой неповторимым образом выражаются дух и своеобразие нации.

ФЕ всегда обращены на субъекта, т.е. возникают они не столько для того, чтобы описывать мир, сколько для того, чтобы его интерпретировать, оценивать и выражать к нему субъективное отношение. Именно это отличает ФЕ от других номинативных единиц языка.

Фразеология каждого отдельного языка объединяет многоликий класс разнообразных единиц, которые, выступая структурными элементами коммуникативного процесса, вносят в него различную лепту. Характер их

коммуникативной значимости во многом зависит от их структурно-семантической организации: являются ли они номинативными, номинативно-коммуникативными, коммуникативными или междоментными [4, с. 243]. Не следует забывать при этом, что разные типы фразеологизмов по-разному отражают культуру. В большинстве их имеются «следы» национальной культуры, которые должны быть выявлены.

Семантическую структуру ФЕ можно представить как комплексное образование, в котором различимы *денотативный*, *сигнификативный* и *коннотативный* аспекты значения.

Под *д е н о т а т и в н ы м* аспектом значения ФЕ традиционно понимается предмет речи, именуемый данной единицей, под *с и г н и ф и к а т и в н ы м* – закрепляемое за ФЕ понятие, под *к о н н о т а т и в н ы м* – эмоционально-экспрессивная сторона и стилистическая окраска [5, с. 31]. Так же как и в словах, соотношение этих аспектов в различных типах ФЕ бывает различно. Какой-то из факторов может занимать доминирующую позицию, вытеснять другие, и, в зависимости от этой семантической доминанты, ФЕ могут играть различную роль в коммуникативном процессе. Самыми яркими примерами в английском языке могут служить идентифицирующие фразеологизмы, обозначающие конкретных лиц, географические понятия, единичные явления. Например, *the Swan of Avon* ‘прозвище Шекспира’, *Down Under* ‘Австралия’, *Lungs of London* ‘Лондонские парки’. Превалирует денотативный аспект значения и в других ФЕ, обозначающих самые различные предметы и понятия: *a stove-pipe hat* ‘цилиндр’, *Adam's ale* (шотл. *wine*) ‘вода’, *the merry dancers* ‘северное сияние’ и др. Структурно эта группа в основном представлена номинативными ФЕ, хотя в нее входит определенное число коммуникативных оборотов непословичного характера. Последние могут иметь форму повествовательных, побудительных, повелительных предложений, имеющих предельно конкретное значение и используемых с однозначной коммуникативной заданностью: *The old woman is picking her geese* ‘шутл. идет снег’, *How goes the enemy?* ‘который час?’, *More power to your elbow* ‘желаю успеха’.

ФЕ разного структурно-семантического содержания имеют различный «выход» в конкретное речевое функционирование и несут разную коммуникативную нагрузку в структуре связного текста. ФЕ с превалирующим денотативным аспектом значения как единицы языка обладают большей автосемантикой и информативной определенностью, чем единицы с сигнификативной доминантой. Однако, вливаясь в коммуникативный процесс, последние оказываются более действенными его элементами, выступая связующими звеньями текста и объединяя вокруг себя смысловые единства. ФЕ широкой семантики с сигнификативной доминантой, взятые в статике, как единицы языка, менее информативны в силу своей большей неопределенности. Они могут вызвать у нас лишь абстрактные идеи, лишённые какого-либо конкретного материального содержания. Зато их информативность резко возрастает как только они оказываются включенными в коммуникативный процесс, ибо информативность, по

мнению многих авторов, – это снятие неопределенности в каком-либо сообщении. Функционирование подобных выражений в процессе коммуникации, как правило, дает любопытную картину. В некоторых контекстах эти выражения реализуют лишь свое сигнификативное значение, и степень их неопределенности остается достаточно высокой: *everything has been packed in boxes except a few odds and ends* (Longman Dictionary of English Idioms). Свое денотативное наполнение ФЕ с сигнификативной доминантой получают именно в структуре связного текста, и «семантический мост» между денотатом и сигнификатом может выходить за рамки предложения, охватывать сверхфразовые единства и целые блоки.

Культурная информация хранится во внутренней форме ФЕ, которая, являясь образным представлением о мире, придает ей культурно-национальный колорит. Например, во фразеологизмах русского языка запечатлелись названия наиболее употребительных русских блюд и продуктов питания. Перечень их не очень велик: *хлеб, соль, мед, квас, каша, кисель, щи, блины*.

Хлеб – один из главных продуктов питания у русских. О хлебе нередко упоминают древние летописи. Хлеб почитался. Он символизирует собой самое доброе, вот почему дорогих гостей встречали и встречают хлебом-солью, о доброй встрече говорили: *встречать с хлебом-солью*, о тесной дружбе – *делить хлеб-соль*. Пожелание приятного аппетита выражалось краткой формулой: *хлеб да соль*. В составе фразеологизмов хлеб встречается с символическим значением чего-то самого важного, самого необходимого, самого любимого: *хлебом (его) не корми* (только дай что-то), *отбивать хлеб* (т.е. заработок, необходимый для жизни), *сидеть на воде и хлебе* (иметь только самое необходимое), *даром хлеб есть* [6, с. 127].

Каждая ФЕ, независимо от того, каким способом она была образована, первоначально являлась индивидуальным образованием, вызванным к жизни общественной необходимостью, и употреблялась, как правило, в единичном контексте. Прежде чем стать фразеологизмом, словесный комплекс обязательно должен пройти стадию потенциальной фразеологичности. Потенциальный фразеологизм – речевое явление. Выйдя за рамки единичного контекста и употребляясь в бесчисленном множестве контекстов, словесный комплекс постепенно приобретает недостающие ему элементы устойчивости: устойчивости значения, лексического состава и т.п. Таким образом в процессе коммуникации возникает фразеологизм. В этом смысле правомерно говорить о порождающем фразеологическом контексте, хотя установить «рождение» фразеологизма не представляется возможным. В процессе коммуникации шлифуются языковые средства, порожденные общественной необходимостью, и количество переходит в качество [4, с. 99]. Так появились ФЕ *Barkis is willin* ‘Баркис не прочь, мне очень хочется’ (выражение взято из романа Ч. Диккенса «Дэвид Копперфилд»), *the wind of change* ‘ветер перемен’ (впервые было употреблено премьер-министром Великобритании Г. Макмилланом в речи в 1960 г.), *give up the ghost* ‘испустить дух’ (библейский оборот) и др. Иными словами, сначала в мире возникает некая прототипическая ситуация, т.е. ситуация, соответствующая

буквальному значению фразеологизма, например, человек, поскользнувшись, сел на калошу. За ней закрепляется содержание, которое затем переосмысливается, т.е. формируется образ ФЕ на основе первичных значений слов в прототипической ситуации. Именно эти первичные значения слова оставляют в образе свой след. Так возникает внутренняя форма, в которой и содержится основная информация, связанная с культурой. Культурную информацию можно получить из внутренней формы ФЕ, так как в ней присутствуют «следы» культуры – мифы, архетипы, обычаи и традиции, отраженные исторические события и элементы материальной культуры. Таким образом, в самом формировании фразеологизмов, т.е. в отборе образов прослеживается их связь с культурно-национальными стереотипами и эталонами. Уяснение национально-культурной специфики ФЕ тесно смыкается с проблемами осознания человеком мира («живого» и в исторической памяти) и отражением этого осознания в языке [7, с. 84].

Всякая ФЕ – это, по сути дела, текст, т.е. хранитель культурной информации, она прямо (в денотате) или опосредованно несет в себе культурную информацию о мире, социуме. Поэтому ФЕ – кладезь премудростей народа, сохраняющий и воспроизводящий его менталитет, его культуру от поколения к поколению. Особое место в этом плане занимает Библия, являющаяся важнейшим литературным источником ФЕ. Число библейских оборотов и выражений, вошедших в английский язык, так велико, что собрать и перечислить их было бы весьма не легкой задачей. Библия буквально «дышит» фразеологизмами [8, с. 110–111]. Мы постигаем эту сокровищницу мысли народной в чужом языке прежде всего через перевод.

В шкале «непереводимости» или «труднопереводимости» ФЕ занимают едва ли не первое место. Это и понятно, так как они обладают всеми качествами, которые могут представить затруднения для переводчика уже с первых шагов: это и раздельнооформленность, и характер компонентов, как правило, не отличающихся, в силу своего значения, от обычных слов, и трудность восприятия, понимания распознанной единицы, и передача их экспрессивно-стилистических функций, и лингвострановедческого образа [9, с. 145]. Трудности перевода ФЕ порождаются и тем, что они употребляются в литературе с различными отклонениями от их традиционной формы и семантики, что обусловлено двумя их основными свойствами – структурной раздельнооформленностью и устойчивостью в системе языка [10, с. 158].

В процессе перевода важно сохранить национально-культурные особенности ФЕ, потому что культурологический аспект составляет значительную часть не только содержательной, но и эстетической информации оригинала. Но их сохранению препятствуют «лакуны» – отсутствующие в чужой культуре явления и понятия [2, с. 117]. Возникают определенные проблемы при стремлении сохранить лингвострановедческую лакунарность ФЕ. Основной способ передачи внутренней формы ФЕ – это перевод лишенного идиоматичности фразеологизма с опорой на его ключевые слова. Конечно, если внутренняя форма ФЕ не ясна, то сохранить лакунарность не удастся. Например, коммуникативную ФЕ *It's raining cats*

and dogs можно перевести только как ‘идет сильный дождь, льет как из ведра’, перевод *cats and dogs* дословно исключен. Легче всего поддаются переводу ФЕ, в составе которых отсутствуют реалии и которые не относятся к традициям, фактам истории и культуры англоговорящих людей, а также имеют соответствия в русском языке и эти соответствия, как правило, оформляются описательно, а не идиоматично. Сравните: *When guns speak, it is too late to argue* ‘когда начинают говорить пушки, спорить уже поздно’; *Truth is stranger than fiction* ‘правда сложнее выдумки’. Трудности возникают при переводе ФЕ, относящихся к фактам истории и культуры. Сравните: *What will Mrs Grundy say?* ‘Что скажет (свет) княгиня Марья Алексевна?’ *To carry coals to Newcastle* имеет аналог в русском языке – ‘ездить в Тулу со своим самоваром’.

Если связь ФЕ с фактами истории и культуры не слишком усложнена, то ее понимание достигается с помощью приема смыслового развития. Например, *a crooked sixpence* ‘изогнутый на счастье шестипенсовик’ – передается как ‘талисман’. Но гораздо чаще для лингвокультурной дешифровки требуется более развернутое описание культурологической ситуации, что не дает возможность перевести ФЕ с сохранением лингвострановедческой лакуны. Например, *FE Dutch concert, a Joe Miller, according to Cocker* можно перевести с помощью приема целостного преобразования как ‘кошачий концерт, плоская острота и ссылаясь на авторитет’. Следует заметить, что лингвокультурная сложность ФЕ зависит скорее от необычности традиции, нежели от характера имени собственного. Образы могут быть очень близкими, соприкасающимися, например, *гром и молния* и *thunder and lightning* или *тихая вода, тихий омут* и *still waters run deep* ‘в тихом омуте черти водятся’, они могут быть весьма далекими, но логически сопоставимыми, например, похожесть русский видит ‘в двух каплях воды’, а англичанин – ‘в двух горошинах’ – *as like as two peas*. Но образы в исходном языке (ИЯ) и переводном языке (ПЯ) могут не иметь между собой ничего общего как образы, что не мешает эквивалентам исполнять свою функцию в переводе, например, *when the moon turns green cheese* ‘когда луна превратится в зеленый сыр’) переводится как ‘когда рак на горе свистнет’, а *cheese and money should sleep together one night* ‘сыр и деньги должны хотя бы один вечер провести вместе’) переводится как ‘деньги вперед!’

Трансформации образа могут диктоваться как факторами, стоящими за рамками материального окружения и культуры данного народа (экстралингвистические факторы), так и нормами самого ПЯ (внутрилингвистические факторы): 1) давлением системы языка, 2) давлением литературного жанра, 3) давлением текста, 4) внутренней структурой образа. Но эта тема отдельного исследования [5, с. 31–39].

Выбор приема перевода, несомненно, зависит от деления ФЕ на *необразные* и *образные*. Н е о б р а з н а я фразеология переводится обычно эквивалентом, не допуская, как правило, калькирования, и не представляет особых трудностей для переводчика. Перевод о б р а з н о й фразеологии намного сложнее, что обусловлено необходимостью решить: передавать или

не передавать метафоричность и обязательно ли сохранять стилистические и коннотативные особенности переводимой единицы, не упуская из виду ее семантику, а при неизбежности, правильно решить, чем жертвовать – образом или содержанием ФЕ. Перевод образной фразеологии нередко становится «ловушкой» для переводчика.

Возможности полноценного словарного перевода ФЕ зависят, в основном, от соотношения между единицами ИЯ и ПЯ. Существует несколько подходов к переводу ФЕ:

1) ФЕ имеют в ПЯ точное, независящее от контекста полноценное соответствие, и переводятся эквивалентами;

2) ФЕ передаются на ПЯ тем или иным соответствием, обычно с некоторыми отступлениями, и переводятся вариантами (аналогами);

3) ФЕ не имеют в ПЯ ни эквивалентов, ни аналогов, и переводятся нефразеологическими средствами.

Фразеологические эквиваленты и аналоги чаще всего встречаются в следующих группах устойчивых словосочетаний:

а) интернациональная фразеология – к ней принадлежат ФЕ, которые вошли в языки многих народов из исторических, главным образом, античных, мифологических, литературных источников, Библии, заимствовались из языка в язык или возникли вследствие общности человеческого мышления, трудовой деятельности, отдельных моментов социальной жизни, например, *Achilles' heel* 'ахиллесова пята', *Pyrrhic victory* 'пиррова победа', *the die is cast* 'жребий брошен', *out of the frying pan into the fire* 'из огня да в полымя', *the root of all evil* 'корень зла', *a wolf in sheep's clothing* 'волк в овечьей шкуре', *to cast pearls before swine* 'метать бисер перед свиньями';

б) устойчивые сравнения: *as drunk as a lord* 'очень пьян', *as merry as a cricket* 'очень весел';

в) составные термины: *thorax chest* 'грудная клетка';

г) глагольные именные сочетания: *win a victory* 'одержать победу', *lose a battle* 'потерпеть поражение', *meet the requirements* 'удовлетворять потребности'.

Калькирование или дословный перевод предпочитают в тех случаях, когда другими средствами нельзя передать смысл ФЕ, а до «зрения» читателя необходимо довести образную основу. Предпосылкой для калькирования является достаточная мотивированность значения ФЕ значениями ее компонентов, т.е. калькирование возможно только тогда, когда дословный перевод может донести до читателя истинное содержание всей ФЕ. Например, *to bite the hand that feeds you* 'кусать руку, которая тебя кормит', *fish and visitors smell in three days* 'рыба и гости протухают через три дня', *after dinner sleep awhile, after supper walk a mile* 'пообедавши – вздремни, ужин съел – гулять иди'.

Описательный перевод ФЕ сводится, по сути, не к переводу самой ФЕ, а к ее толкованию, как это часто бывает с единицами, не имеющими эквивалентов в ПЯ. Это могут быть объяснения, сравнения, описания – все средства передающие в максимально ясной и краткой форме содержание ФЕ.

Переводя ФЕ, переводчику следует помнить о том, что зачастую адекватность перевода не может быть достигнута ни применением

формально точного соответствия, ни с помощью дословной передачи, что объясняется самой природой ФЕ, стилистическими причинами и расхождениями в культуре и традициях двух народов.

К примеру, ряд фразеологизмов библейского происхождения вообще не имеют соответствий, что нередко приводит к непониманию переводчиками их идиоматической природы и эти обороты воспринимаются и передаются на другом языке аналитически, т.е. как сумма значений всех лексических компонентов. Именно так произошло с ФЕ *to heap coals of fire on smb's head*, которая не имеет ни эквивалента, ни аналога в русском языке и означает 'пристыдить кого-либо, воздав ему добром за зло'. Нередко переводчики прибегали и прибегают к дословному способу ее передачи «сыпать горячие уголья на голову кому-либо», совершая тем самым грубую семантическую и стилистическую ошибку.

Любопытен пример восприятия изучающими английский язык ФЕ *Hear! Hear!* В английском парламенте ее употребляют как возглас, выражающий согласие с выступающим или одобрение, но не свидетельство того, что человек что-то слышит. Ее употребляют в значении 'Правильно! Правильно!'.

Аналогично и восприятие ФЕ *to catch a crab*. Эта ФЕ означает «'поймать леща'», завязить весло, слишком глубоко его погрузив', что никак не связано с ловлей крабов, тем более, когда речь идет о традиции британских студентов Оксфорда или Кембриджа принимать участие в ежегодных соревнованиях на веслах на небольших реках Англии.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что незнание традиций, культуры народа часто чревато для переводчика ошибками в переводе особенно когда приходится иметь дело с фразеологией. Переводчик должен хорошо владеть обоими языками, должен уметь свободно переходить от одного языка к другому, он своего рода посредник между ними и эта способность схватывать языковую информацию возрастает по мере накопления им фоновых знаний о культуре и реалиях изучаемого языка, истории появления той или иной ФЕ.

Проблема переводимости ФЕ исключительно многогранна, как многогранна сама область исследования, называемая фразеологией. Связанные с переводом ФЕ проблемы рассматриваются по-разному, рекомендуются различные методы перевода, встречаются и несовпадающие мнения. И это, пожалуй, в порядке вещей: однозначного, стандартного, одного на все случаи жизни решения здесь быть не может.

ЛИТЕРАТУРА

1. Срезневский, И.И. Мысли об истории русского языка / И.И. Срезневский. – М. : КомКнига, 2007. – 136 с.
2. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. – М. : Слово/Slovo, 2000. – 262 с.

3. Буслаев, Ф.И. Русские пословицы и поговорки, собранные и объясненные / Ф.И. Буслаев. – М.: Высш. шк., 1971. – 472 с.
4. Кунин, А.В. Курс фразеологии современного английского языка / А.В. Кунин. – М.: Высш. шк.; Издат. центр «Феникс», 1996. – 381 с.
5. Коралова А.Л. // Прагматические барьеры в передаче образности в переводе / А.Л. Коралова / Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореца. – М.: МГПИИЯ им. М. Тореца, 1983. – Вып. 213. – С. 31–39.
6. Гвоздарев, Ю.А. Пусть связь речений далека... / Ю.А. Гвоздарев. – Ростов н/Д: Ростов. книж. изд-во, 1982. – 208 с.
7. Кунин, А.В. О порождающем фразеологическом контексте / А.В. Кунин // Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореца. – М.: МГПИИЯ им. М. Тореца, 1985. – Вып. 244. – С. 84–85.
8. Смит, Логан П. Фразеология английского языка / П. Логан Смит. – М.: Учпедгиз, 1959. – 207 с.
9. Маслова, В.А. Лингвокультурология / В.А. Маслова. – М.: Издат. центр «Академия», 2001. – 203 с.
10. Чернов, Г.В. Лингвострановедческий аспект текста и переводческая норма. Перевод и коммуникация / Г.В. Чернов. – М.: Изд-во ИЯ РАН, 1997. – С. 158–165.

The article deals with the analysis of national-cultural peculiarities of English phraseological units and the problem of their translation into Russian.

Поступила в редакцию 05.11.10

Е.С. Гриценко, А.В. Кирилина

ЯЗЫК И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: ЗАДАЧИ И НАПРАВЛЕНИЯ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА*

В статье дана краткая характеристика переживаемого человечеством этапа развития; определены два главных фактора (глобализация и виртуализация общества), воздействующие на состояние и функционирование языка; обоснована необходимость методологических инноваций и определены задачи изучения языка в свете происходящих изменений.

Глубокие преобразования общественно-экономической и культурной жизни практически всех народов мира вследствие крупных социально-политических и технологических изменений, начавшихся со второй половины XX в. и продолжающихся в третьем тысячелетии, влекут за собой существенные изменения в функционировании и взаимодействии языков

* Статья подготовлена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. (Мероприятие 1.1. «Проведение научных исследований коллективами научно-образовательных центров».)

планеты. Эти изменения имеют геополитический (глобализационный) и/или техногенный генезис (в первую очередь связанный с развитием новых информационных технологий, возникновением новой коммуникативной среды – Интернета и виртуализацией жизни человечества), т.е. являются результатом общественной деятельности – социальной практики – и в ней же манифестируются.

Сегодняшнее состояние научного знания обсуждаемой области позволяет заключить, что названные процессы характеризуются рядом особенностей:

- глобализация общества, во всех проявлениях которой выявляются два аспекта – глобальная институционализация жизненного мира и локализация глобальности [1; 2];

- виртуализация коммуникации [3], ведущая к унификации выразительных средств и синтезу ряда языковых подсистем, в том числе разных языков, а также к синтезу различных семиотических кодов и росту удельного веса видеовербальных текстов;

- усиление использования языка как средства идеологического воздействия и конструирования социальной реальности [4; 5; 6; 7; 8];

- трансформация и мощнейшая интенсификация языковых контактов при доминировании американского варианта английского языка, но и при некотором оживлении национальных языков на территориях новых государственных образований, в групповой и других сферах общения; новые результаты языковых контактов определенной длительности, вызванных мощными миграционными процессами в мире (см., например, об арабизмах в современном немецком языке [9]);

- ускорение динамики социальной, экономической и культурной жизни человечества и связанной с ним динамики развития и изменения языка; возникновение модели так называемой динамической синхронии [10; 11];

- скоротечность языковых состояний, ведущая к ослаблению устойчивости межпоколенной трансляции языка – два следующих друг за другом поколения могут существенно различаться по своим лингвистическим характеристикам [12; 13; 14; 15];

- трансформация форм существования языка, размывание границ между ними; «разрыхление» нормы [16].

На фоне изменения методологических принципов гуманитарного знания расширился круг задач, решаемых при помощи лингвистических методов и приемов – так называемый лингвистический поворот всех гуманитарных научных дисциплин [17; 18]. В самой лингвистике произошел прагматический поворот и переориентация от системоцентричности к антропоцентричности – фокусировка на человеке и обществе [19; 20; 21].

Одновременное действие названных факторов обусловило подход к языку как средству доступа к знанию об обществе и объяснению процессов, в нем происходящих. При этом динамика общественных изменений может рассматриваться не только с позиции теорий развития, но и с позиций теории изменений [3; 22] и концентрироваться на так называемых контингентных

сдвигах (скачкообразных изменениях), эвристический потенциал которых в лингвистике практически не задействован.

Таким образом, налицо уникальное сочетание факторов, не встречавшееся ранее и влекущее за собой комплексные, системные трансформации базовой для существования общества триады «человек – язык – коммуникация». Национальные языки вступают в тесные контакты, скорость и интенсивность их взаимодействия возрастает, само взаимодействие в значительной мере происходит при доминирующей роли английского языка. Усилившаяся миграция ведет к мощным изменениям в социальной базе многих языков, а геополитические процессы меняют сферы их функционирования.

В социальной философии, политологии, экономике осмысление новых процессов и тенденций началось с середины 1960 г., когда социальная философия стала активно вводить понятия мировой системы, интернационализации, глобальности. С конца 1980 г. эти поиски в области теории изменений уступили место новому генеральному направлению – разработке теорий глобализации. Однако, несмотря на имеющиеся политические, социологические и другие характеристики глобализации, ее языковая составляющая до настоящего момента все еще не подверглась системному описанию, как и глобализационное содержание (социо) лингвистики, в то время как так называемый лингвистический поворот в гуманитарном знании делает такое писание остро востребованным, позволяет использовать его данные не только в языкознании, но и практически во всех гуманитарных научных дисциплинах.

С учетом сказанного, важнейшими задачами современной лингвистики становятся: рассмотрение обсуждаемых изменений социальной жизни человечества через призму языка; устранение научных лакун, имеющих в отечественном и зарубежном описании взаимодействия языка и глобализационных факторов; введение в научный оборот необходимой методологической инновации – лингвистического измерения глобализации – и разработка междисциплинарно значимых научных методик его описания. Это требует применения новых методов фиксации, сбора и вовлечения в обсуждение языковых фактов, а также их интерпретации в новом ракурсе и при помощи соответствующим образом обновленного понятийного аппарата. Востребованным становится системное научное осмысление происходящих социолингвистических процессов; построение модели описания, которая была бы адекватна ускорившимся процессам развития и интенсификации языковых контактов эпохи глобализации и новых технологий, изменению условий функционирования национальных языков¹.

Анализ показывает, что научная интерпретация современной социолингвистической ситуации – особенно в отечественной лингвистике – характеризуется неполнотой описания, запаздыванием научного осмысления динамических языковых процессов новейшего периода и глубокими разногласиями ученых в оценке фиксируемых процессов и явлений [10; 23; 24].

¹ Ср., например, появление новых, связанных с формированием этнически окрашенных социальных ниш сфер использования некоторых так называемых малых языков, что в ряде случаев позволяет говорить об их арготизации.

В настоящее время сосуществуют диаметрально противоположные взгляды и на статус языковой динамики, и на ее последствия: языковые изменения трактуются и как демократизация языка, и как его вульгаризация, и как прогресс, и как деградация. Дискуссионным остается также вопрос, происходит ли перестройка языковой системы или же наблюдаемые изменения касаются только функционирования языка. Нет единства мнений и в методологических подходах к анализу происходящих процессов. В научном сообществе также наблюдается тенденция к дистанцированию от анализа социолингвистических проблем современности в связи с их социальной остротой.

Указанная проблематика разрабатывается неравномерно.

Не проведена в должной мере и инвентаризация недавно возникших или возникающих социальных факторов, меняющих «координаты существования» человека и открывающих новые векторы взаимодействия языка и общества¹. Освещение проблемы языка и глобализации находится в стадии первого приближения. Новые условия существования языка и ускорение динамики его развития, а также обращение к человеческому фактору в языке и признание его источником важной не только лингвистической, но и социальной информации требуют разработки исследовательских приемов, методологической базой для которых становятся социальнофилософские, а также психо- и социологические и конструкционистские теории, рассматривающие язык как фактор создания социальной реальности, ресурс власти и управления обществом и позволяющие объяснить многие социальные процессы путем анализа процессов языковых [4].

Методологически значимыми для анализа современной социолингвистической ситуации являются также теория повседневности [26], модели, разработанные для изучения языковых контактов и обращение к субъективной оценке носителей языка [27].

Новейшие данные демонстрируют быстрое сближение языков их несимметричный контакт с английским языком [24], однако системное обобщение и сопоставление процессов языкового изменения на материале ведущих европейских языков, рассматриваемых с позиций глобального и локального, к настоящему времени не произведено. Правомерность использования модели повседневности языка при описании среды его существования, отражающей эклектичность и мозаичность восприятия языка индивидом, невычленимость языка из общего бытийного контекста и жизненного потока на настоящий момент лишь обозначены.

В современной социолингвистической науке не дана еще комплексная характеристика геополитической ситуации, необходимая для фиксации

¹ В числе новых «примет времени» отмечают биологизацию и атомизацию общества; люмпенизацию и размывание среднего класса, этнизацию социальных групп; снижение социальной значимости науки и знания; превращение глобальных сетей в субъект управления; возвращение в экономику характерных черт средневековья [25]; превращение обезличенного понятия денег в фактор персонифицированной платежеспособности; трансформацию морали [3]. При всей дискуссионности подобных утверждений представляется, что каждый из этих факторов сам по себе оказывает глубокое воздействие на жизнь и функционирование общества.

и прогнозирования путей развития языков, их взаимосвязи с социальными явлениями, техногенными факторами и виртуализацией общества. Недостаточно разработана тематика трансформации (русского и ведущих европейских) языка/языков под влиянием глобализации. Более того, эта задача сознательно отодвигается из-за ее остроты и потенциально трагических выводов. Неполно описаны и сходства в языковом развитии крупных европейских языков на современном этапе, с одной стороны, и развитии так называемых малых языков в условиях языкового контакта с языком более высокого коммуникативного статуса – с другой стороны.

Наконец, требует уточнения имеющийся понятийный аппарат. Надлежит описать ускорившуюся динамику языковой ситуации, рассмотреть ее содержание и закономерности, которые – также в силу быстрого темпа изменений – требуют немедленной фиксации, а в совокупности позволяют создать динамическую научную модель развития (трансформации) национальных языков в конце второго – третьем тысячелетии, принимая во внимание факторы, ранее на язык не воздействовавшие (глобализация, электронная коммуникация и новые информационные технологии, изменение статуса важнейших социальных институтов – глубокие изменения и даже упадок традиционных и возникновение новых, включая институт семьи, брака, школы, армии, государственной власти, церкви и межконфессионального взаимодействия и др.); расстановка политических сил в мире и связанное с ней изменение системы ценностей и новых идеологий; крупномасштабные миграционные процессы, сопоставимые в историческом масштабе с переселением народов; возникновение новых доктрин, новой экономики; глобализация власти, расширение способов контроля над индивидом со стороны общества.

Более полноценного описания – как методологически, так и эмпирически – ждут трансформации этнического самосознания и социальной идентичности под воздействием мультикультурализма и глобализационной экономики с иными ценностными ориентирами.

Поскольку рассматриваемый период характеризуется, в числе прочих факторов, крупными социальными переменами геополитического масштаба, актуальным становится сопоставление полученных в этот период данных о языке с данными более ранних периодов, касающихся жизни языка в эпоху социальных перемен (войн, революций и т.п.)

Социолингвистическая картина современности характеризуется также разнонаправленностью тенденций, воздействующих на развитие языка, в частности, новых антиномий общественной жизни – таких, как усиление мобильности и миграции населения и унификация его быта, жизненных условий vs повышение этнической разобщенности социума по местам проживания и областям занятости, прежде всего в городах (а также конфликтность этих процессов).

Скорость и масштабность переживаемых человечеством изменений должны изучаться в двух взаимосвязанных *группах* научных задач.

Лингвистические задачи включают выявление, описание и систематизацию происходящих мощнейших трансформаций языка (и в плане естественного языка, и в плане национальных языков). Наиболее важная их черта – формирование зависимости практически всех языковых изменений от техногенных и глобализационных факторов, определяющих коммуникативный статус языка, его социальную востребованность, воздействие на формы его существования, и появление у национальных языков ряда специфических функций (также обусловленных социально – например, уже упоминавшуюся востребованность языка как секретного кода, как средства безопасности при формировании этнически окрашенных ниш и сфер деятельности). В таких условиях, видимо, требуется переосмысление ряда социолингвистических понятий, а также дополнение понятийного аппарата.

Социальные задачи включают использование языка как средства доступа к знаниям о мире и обществе, коллективному бессознательному, индивидуальному “я”. В исторический период, который многим социологам и социальным философам представляется качественным скачком, языковой материал приобретает особую – диагностическую – ценность; возрастает социальная значимость результатов лингвистических исследований. В этом аспекте изучается фиксация трансформаций экзистенциальных категорий, фиксируемых языком, семантические изменения, причины структурных инноваций, изменение категоризации, системы оценок и точек отсчета, определяемых по данным языка.

Для решения названных задач предстоит, совершенствуя и расширяя методологические принципы и теоретическую модель описания языка в новой социолингвистической обстановке, произвести мониторинговый анализ современных тенденций развития языка и их диалектики (глобальные языковые тенденции – локальные языковые практики), выявить и систематизировать основные закономерности языкового изменения в эпоху глобализации и новых информационных технологий *по трем* взаимосвязанным направлениям:

- *социолингвистическому* – глобализационные инновации в языковых контактах, языковой ситуации и коммуникативном статусе языков и связанных с ними языковым варьировании и норме, экспорт тенденций языкового употребления и восприятие этих тенденций разными языками; язык как социальная практика;
- *лингвоантропологическому* – трансформации основных экзистенциальных (*жизнь/смерть, молодость/старость; мужское/женское* и др.), социокультурных (*индивид/общество; свое/чужое, статус/престиж* и др.) и этических (*добро/зло* и др.) дихотомий в языковой картине мира; языковое отражение культурной экспансии и резистентности;
- *социоконструкционистскому* – изменение категоризации в языковых знаках как средство создания новой социальной реальности; языковые средства конструирования социальной идентичности в глобализующемся

мире как отражение смены системы ценностей и социокультурных трансформаций (локализация глобального).

Построение модели описания, учитывающей обсужденные условия, позволит получить как данные о развитии языка, так и информацию о векторе развития общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Waters, M.* Globalisation / M. Waters. – London; – N.Y., 1995.
2. *Robertson, R.* Globalization: Social theory and global culture / R. Robertson. – London, 1992.
3. *Иванов, Д.В.* Виртуализация общества. Версия 2.0 / Д.В. Иванов. – СПб., 2002.
4. Einführung in den Konstruktivismus // B. von Heinz von Foerster, [et.al.] ; Veröff. der C.F. von Siemens Stiftung; hrsg. von H. Gumin, H. Meier. – München Piper Verl. GmbH, 1.Aufl., 1992. – Bd. 5: Einführung in den Konstruktivismus.
5. *Бергер, П.* Социальное конструирование реальности / П. Бергер, Т. Лукман. – М., 1995.
6. *Гриценко, Е.С.* Гендерные аспекты национальной идентичности в российском предвыборном дискурсе / Е.С. Гриценко // J. of Eurasian Research. – 2003. – Vol. 3, № 3. – P. 71–79.
7. *Гриценко, Е.С.* Язык. Гендер. Дискурс / Е.С. Гриценко. – Н. Новгород: ННГУ, 2005. – 267 с.
8. *Гриценко, Е.С.* Гипертолерантность как угроза языковой безопасности, или О либерализме в использовании языка / Е.С. Гриценко // общество – язык – культура: актуальные проблемы взаимодействия в XXI веке: докл. Третьей междунар. науч.-практ. конф., Москва, 26 нояб. 2008 г. / МИЛ – М., 2009.
9. *Жилинская, Л.А.* Национально-культурные и языковые особенности арабизмов в современном немецком языке / Л.А. Жилинская. – М., 2009. – 215 с.
10. *Мокиенко, В.М.* Доминанты языковой смуты постсоветского периода / В.М. Мокиенко // Русистика. – Берлин, 1998. – № 1–2. – С. 37–56.
11. *Крысин, Л.П.* О некоторых изменениях в русском языке конца XX века / Л.П. Крысин // Исследования по славянским языкам. – Сеул, 2000. – № 5. – С. 63–91.
12. *Кронгауз, М.А.* Русский язык на грани нервного срыва / М.А. Кронгауз. – М., 2007.
13. *Кирилина, А.В.* Русский язык в мегаполисе как индикатор изменения языковой ситуации / А.В. Кирилина // Русский язык в условиях культурной и языковой полифонии; под ред. В.В. Ждановой. – München ; Berlin : Verl. Otto Sagner, 2009. – S. 75–87.

14. *Кирилина, А.В.* Изменение социальной базы русского языка в Москве / А.В. Кирилина // Общество – Язык – Культура: Актуальные проблемы взаимодействия в XXI веке: докл. Третьей междунар. науч.-практ. конф., Москва, 28 нояб. 2008 г. МИЛ. – М. : 2009. – Т. 2. – С. 26–41.
15. *Кирилина, А.В.* Некоторые признаки проникновения английского языка в функциональное пространство русского / А.В. Кирилина // Современные лингвистические парадигмы: фундаментальные и прикладные аспекты: сб. науч. ст. по материалам Третьих чтений памяти О.Н. Селиверстовой (17 окт. 2008 г.). – М., 2009. – С. 92–109.
16. Язык и общество в современной России и других странах // Докл. и сообщения Междунар. конф., 21–24 июня 2010 г. – М., 2010.
17. *Демьянков, В.З.* Доминирующие лингвистические теории в конце XX века / В.З. Демьянков // Язык и наука конца 20 века: сб. статей; под общ. ред. Ю.С. Степанова. – М. : РГГУ, 1995. – С. 239–320.
18. *Макаров, М.Л.* Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – М., 2003. – 280 с.
19. Язык и наука конца 20 века // Сб. статей; под ред. Ю.С. Степанова. – М. : РГГУ, 1995.
20. Язык и интеллект: сб. статей; под ред. В.В. Петрова. – М. : Прогресс, 1996.
21. *Залевская, А.А.* Динамика общенаучных подходов к проблеме знания и некоторые задачи психолингвистических исследований / А.А. Залевская // Вопр. психолингвистики. – 2007. – № 5. – С. 4–12.
22. *Müller, H.-P.* Sozialstruktur und Lebensstile. Der neuere theoretische Diskurs über soziale Ungleichheit / H.-P. Müller. – Frankfurt/Mail, 1993.
23. *Вепрева, И.Т.* Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху / И.Т. Вепрева. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2005.
24. Русский язык в условиях культурной и языковой полифонии / под ред. В.В. Ждановой. – München; Berlin: Verl. Otto Sagner, 2009. – 139 с.
25. *Делягин, М.Г.* Кризис человечества: выживет ли Россия в нерусской смуте? / М.Г. Делягин. – М., 2010. – 413 с.
26. Sozialgeschichte, Alltagsgeschichte, Micro-Historie / ed. M. Schulze. – Goettingen, 1994. – S. 65–80.
27. *Сводеш, М.* Социологические заметки о языках, выходящих из употребления / М. Сводеш // Вестн. молодых ученых. Сер. “Филологические науки”. – СПб., 2001. – № 1. – С. 61–67.

The paper characterizes global aspects of the current social situation, defines two critical factors (globalization and virtualization of society) that influence language state and usage. It argues for methodological innovation and outlines the main objectives of language study in the context of globalization and linguistic change.

Поступила в редакцию 24.11.10

ЗАКАНАМЕРНАСЦІ І СПЕЦЫФІКА АБРЭВІЯТУРНАГА СЛОВАЎТВАРЭННЯ Ў АНГЛІЙСКОЙ І БЕЛАРУСКАЙ МОВАХ

У артыкуле разглядаюцца як агульныя заканамернасці, так і моўна-спецыфічныя рысы абрэвіатурнага словаўтварэння ў англійскай і беларускай мовах на структурна-дэрывацыйным і марфалагічным узроўнях. Паслядоўна адлюстраваны вынікі даследавання абрэвіацыі ў англійскай і беларускай мовах на падставе наступных параметраў супастаўлення: словаўтваральныя тыпы і фармальныя мадэлі скарачаных слоў; магчымасці марфалагічнага члянэння такіх вытворных; прадуктыўнасць і актыўнасць вылучаных тыпаў і мадэляў; дэрывацыйны патэнцыял скарачаных лексічных адзінак.

Істотным чыннікам, які ўплывае на працэсы абрэвіацыі ў англійскай і беларускай мовах, выступае марфалагічны лад мовы. Агульнай тэндэнцыяй развіцця абрэвіатурнага словаўтварэння ў супастаўленых мовах з’яўляецца вылучэнне шэрагу абрэвіатурных фрагментаў-марфем. Адметным для супастаўленых моў выступае спосаб сувязі скарачаных элементаў у будове абрэвіатур: скарачаным адзінкам беларускай мовы ўласцівы аглюцінатыўныя рысы; для англійскіх абрэвіатур спецыфічным з’яўляецца фузійны характар далучэння абрэвіатурных марфем.

У параўнанні з лінейнымі словаўтваральнымі працэсамі, якія характарызуюцца дабаўленнем да матывуючай асновы словаўтваральнага фарманта або складаннем асноў, абрэвіацыя па сваёй сутнасці ўяўляе адваротны працэс, звязаны з рэдукцыяй утваральнай асновы (асноў) і выкарыстаннем скарачаных элементаў у складзе вытворнай адзінкі.

Даследаванню з’явы абрэвіацыі прысвечаны шматлікія грунтоўныя працы, аднак дагэтуль у лінгвістычнай літаратуры практычна не закраналіся пытанні тыпалагічнага і супастаўляльнага вывучэння працэсаў скарачэння. Мэта дадзенага артыкула – разгледзець як агульныя заканамернасці, так і моўна-спецыфічныя рысы абрэвіатурнага словаўтварэння ў англійскай і беларускай мовах на структурна-дэрывацыйным і марфалагічным узроўнях. Заўважым, што актуальнасць супастаўляльных даследаванняў, праведзеных на матэрыяле англійскай мовы – мовы міжнародных стасункаў – і беларускай, прадвызначаецца задачамі сучаснай лінгвістычнай навукі, накіраванай на вырашэнне праблем міжкультурнай камунікацыі. У артыкуле паслядоўна адлюстраваны вынікі даследавання абрэвіацыі ў англійскай і беларускай мовах на падставе наступных параметраў супастаўлення: словаўтваральныя тыпы і фармальныя мадэлі скарачаных слоў; магчымасці марфалагічнага члянэння такіх вытворных; прадуктыўнасць і актыўнасць вылучаных тыпаў і мадэляў; дэрывацыйны патэнцыял скарачаных лексічных адзінак. Матэрыялам для аналізу паслужылі абрэвіатуры англійскай і беларускай моў (агульнай колькасцю каля 14 000 адзінак), адабраныя метадам суцэльнай выбаркі з шэрагу тлумачальных і спецыяльных слоўнікаў.

Для паслядоўнага супастаўлення абрэвіатурнага словаўтварэння ў даследуемых мовах неабходна ў першую чаргу абапірацца на пэўную тыпалогію абрэвіатур, паколькі гэта дасць магчымасць правесці сістэмны

аналіз такіх вытворных. Мы лічым мэтазгодным выкарыстаць распрацаваную Л. Соўдэкам структурную тыпалогію скарачаных слоў [1, р. 105]. Намі таксама была скарыстана тыпалогія абрэвіатур А.М. Елдышава [2], пад увагу былі прыняты ўдакладненні даследчыка да прынятай класіфікацыі. Так, галоўнымі крытэрыямі вылучэння асноўных абрэвіатурных тыпаў выступаюць структурная прастата/складанасць скарачаных вытворных адзінак і лінейная працягласць кампанентаў утваральных асноў у складзе абрэвіатур. З улікам згаданых параметраў вылучаюцца тры асноўныя тыпы скарачаных слоў: *складовыя* абрэвіатуры (змяшчаюць рэшткі толькі аднаго слова, не меншыя за двухфанемны склад); *складанаскладовыя* абрэвіатуры (змяшчаюць не толькі рэдукаваныя часткі слоў, па лінейнай працягласці не меншыя за двухфанемны склад, але часам і цэлыя словы); *ініцыяльныя* абрэвіатуры (змяшчаюць пачатковыя гукі/літары ўтваральнай асновы [2, с. 5–6]. Заўважым, што вылучэнне складанаскладовых абрэвіатур у асобны тып паводле згаданай класіфікацыі фактычна супадае з пашыраным выдзяленнем сярод абрэвіатур складанаскарачаных слоў [3, с. 3].

С к л а д о в ы я абрэвіатуры (іншыя тэрміны: *усячэнні, усечаныя словы, clippings, clipped words, stump-words, truncations*) гістарычна з’яўляюцца найбольш ранейшым тыпам абрэвіатур. Гэта ў першую чаргу датычыцца ўтварэння скарачаных антрапонімаў і тапонімаў, якія зафіксаваны ў старажытнаўрэйскай, старажытнагрэчаскай і старажытнаверхненямецкай мовах [4, р. 364; 5, р. 20]. Увогуле працэсы абрэвіацыі ўласных імёнаў варта разглядаць як анамастычную ўніверсальную [6, с. 46], таму распаўсюджванне ў англійскай і беларускай мовах скарачаных антрапонімаў (напрыклад, *Gail, Al, Sam, Jo; Алесь, Наста, Ян*) з’яўляецца заканамернай з’явай.

Што датычыцца складовых абрэвіатур, якія абазначаюць агульныя імёны, то нават колькасная прадстаўленасць такіх адзінак у англійскай і беларускай мовах з’яўляецца паказальнай: калі для англійскай мовы ўсячэнні нахталт *specs, coz, limo, rep, vac, info, gym, lab* – гэта другі па прадуктыўнасці тып абрэвіатур, то беларускія ўсячэнні складаюць менш за 1 % ад усіх скарачаных адзінак нашай выбаркі. Імкненне англійскай мовы да прастаты складовай структуры слова абумоўлена не толькі яго гістарычным развіццём, але таксама спецыфікай марфалагічнага ладу, беднасцю флексій, наяўнасць якіх у іншых мовах значна ўскладняе форму слова.

Аб праявах марфалагічнага ладу беларускай мовы сведчыць адметная прадуктыўнасць с к л а д а н а с к л а д о в а г а тыпу абрэвіатур (у беларускай мове складаюць каля 29 % прааналізаваных скарачаных лексічных адзінак, што ў 2,5 разы перавышае прадстаўленасць англійскіх абрэвіатур гэтага тыпу). У беларускай мове сярод такіх вытворных, акрамя двухкампанентных, шырока прадстаўлены трохкампанентныя і шматкампанентныя абрэвіатуры. Спецыфічным для беларускай мовы з’яўляецца спосаб паслядоўнага далучэння скарачаных частак да асновы шляхам “прыклейвання”: *дзяржспецслужба, прафтэхадукцыя, гарвыканкам, Белаграпрамбанк, Мінфін, хімлеспрамгас*. Даследаванне будовы такіх скарачаных адзінак дае падставы для вылучэння ў складзе падобных абрэвіатур фрагментаў, якія

выступаюць у якасці кампанентаў структуры складанаскарочаных слоў і разглядаюцца як своеасаблівыя марфемныя элементы абрэвіятуры.

Увогуле магчымасці марфемнага дзялення абрэвіатур адзначаюцца ў працах Р.В. Вінакура, Д.І. Аляксеева, Н.А. Янка-Трыніцкай, Г.Н. Аліевай. Абрэвіатурныя марфемы ўяўляюць сабой новы тып марфем, якія нельга ў поўнай ступені назваць ні каранёвымі, ні афіксальнымі. Спецыфіка абрэвіатурных марфем заключаецца ў тым, што яны ўспрымаюцца як усечаныя па сваёй структуры (нават у такіх словах, як *піянерлагер*, *натураплата*), валодаюць здольнасцю да лексікалізацыі, падобна да афіксаў маюць звязаны характар, аднак звычайна паходзяць ад каранёвых марфем [7, с. 22–24].

Вылучэнне абрэвіатурных марфем выступае агульнай тэндэнцыяй развіцця абрэвіатурнага словаўтварэння ў сучасных англійскай і беларускай мовах. Аднак тут назіраюцца пэўныя моўна-спецыфічныя рысы, уласцівыя скарачаным адзінкам у супастаўленых мовах. Так, у англійскай мове абрэвіатурныя марфемы складаюць шэраг словаўтваральных элементаў, якія па сваім характары набліжаюцца да афіксаў. Паводле М.А. Амосавай, сярод суфіксаў, якія з’явіліся ў сучаснай англійскай мове за апошнія 40–50 гадоў, вылучаюцца новыя элементы слоў, утвораныя шляхам абрэвіацыі [8, с. 10–11]. У *Аксфордскім слоўніку новых слоў* англійскай мовы [9] зафіксаваныя як суфіксальныя, так і прэфіксальныя марфемы такога тыпу, напрыклад: *robot* > **-bot** (*adbot*, *knowbot*, *fembot*, *mobot*); *dinosaur* > **dino-** (*dinomania*, *dinostore*, *dinofever*, *dinothriller*); *electronic* > **e-** (*e-mail*, *e-text*, *e-zine*, *e-cash*, *e-money*); *information* > **info-** (*infosphere*, *infotainment*, *infomercial*, *infotech*); *Office* > **Of-** (*Ofel*, *Ofwat*, *Ofnot*, *Ofsted*), *economics* > **-nomics** (*Nixonomics*, *Reaganomics*, *Thatchernomics*, *Clintonomics*). У якасці кампанентаў структуры складана-скарачаных слоў разглядаюцца і такія абрэвіатурныя марфемы, як **-burger**, **-rama**, **-teria**, **-holic**, **-topia** [10, р. 236].

Калі ў англійскай мове абрэвіатурныя марфемы прадстаўлены паасобнымі элементамі, то ў сучаснай беларускай мове, паводле нашых назіранняў, налічваецца каля 350 своеасаблівых кампанентаў абрэвіатур. Сярод найбольш прадуктыўных варта адзначыць наступныя абрэвіатурныя марфемы: **Бел-** (*Белдзяржуніверсітэт*, *Белгрэс*, *Белкаапсаюз*, *Белсельгас-тэхніка*, *БелТА*, *Белдзяржфілармонія*, *Белмедтэхніка*); **-тэх-** (*тэхмінімум*, *тэхдапамога*, *тэхперсанал*, *тэхнагляд*, *тэхпрапаганда*, *тэхкіраўнік*); **-гас** (*калгас*, *лясгас*, *жылкамунгас*, *спецаўтагас*); **-праф-** (*прафзахворванне*, *прафарыентацыя*, *прафпрыгоднасць*, *прафсаюз*); **-спец-** (*спецвыпуск*, *спецкурс*, *спецмедслужба*, *спецвопратка*, *спецслужба*, *спецаўтацэнтр*, *спецшкола*); **-прам-** (*прамтавары*, *прамбудматэрыялы*, *прамвузел*, *Белаграпрамбанк*, *прамфінплан*) і інш.

Шматлікасць прэпазіцыйных фрагментаў-марфем у беларускай мове, а таксама іх здольнасць свабодна спалучацца з вялікай колькасцю самастойных лексічных адзінак абумовілі прадуктыўнасць такіх мадэляў абрэвіатурнага словаўтварэння, вынікам якіх з’яўляюцца частковаскарочаныя словы. Сярод беларускіх абрэвіатур складанаскладовага тыпу частковаскарочаныя

словы ўтвараюць найбольшую групу – складаюць 78,1 % скарочаных лексічных адзінак у межах гэтага тыпу (або 22,7 % прааналізаваных намі абрэвіатур беларускай мовы). У англійскай мове на долю часткова-скарочаных слоў прыходзіцца 18,46 % абрэвіатур складанаскладовага тыпу, што адпавядае 2,05 % усіх англійскіх абрэвіатур нашай выбаркі.

У групе частковаскарочаных абрэвіатур беларускай мовы вылучаюцца наступныя структурныя падтыпы: 1) адзінкі, утвораныя з фрагментаў-марфем першых кампанентаў намінацыйнага словазлучэння і апорнага слова ў форме назойнага склону (структура абрэвіатуры адпавядае структуры словазлучэння): *дзяржбяспека, будтрэст, разведслужба, хімфармзавод, прафтэхвучылішча, студбілет, аблсанэпідэманцыя, ветлабараторыя, гарспажыўсаюз*; 2) абрэвіатуры, утвораныя з усечанай часткі апорнага слова і залежнага кампанента словазлучэння ў форме роднага склону (структура абрэвіатуры адпавядае структуры словазлучэння): *намдырэктара, начштаба, намрэдактара, старвыканкама, намміністра, начцэха*; 3) абрэвіатуры, якія маюць словаўтваральную структуру, неадпаведную структуры зыходнага словазлучэння (змяняецца лінейны парадак кампанентаў, адбываецца апушчэнне не толькі службовых, але і знамянальных слоў): *быткамбінат* (<камбінат бытавога абслугоўвання), *культтавары* (<тавары культурнага прызначэння), *дзяржсортнасенфонд* (<дзяржаўны фонд сартавога насення), *гарспажыўсаюз* (<гарадскі саюз спажывецкіх таварыстваў), *Белдзяржпраект* (<Беларускі дзяржаўны праектны інстытут). Сярод гэтых падтыпаў найбольш прадукцыйнай з’яўляецца першая група (складаюць каля 92 % ад агульнай колькасці частковаскарочаных слоў), другая і трэцяя значнага пашырэння не атрымалі.

Што датычыцца спосабу сувязі элементаў у будове складанаскладовых абрэвіатур увогуле, то тут звяртае на сябе ўвагу аглуцінатыўны характар злучэння абрэвіатурных марфем у беларускай мове: *Інбелкульт, Мінгарвыканкам, Беллегпрам, жылкамгас, фізмат, юрфак, Саўмін*. Сам спосаб сувязі элементаў падобных абрэвіатур шляхам паслядоўнага “прыклейвання”, а таксама празрысты характар марфемных швоў на стыку абрэвіатурных фрагментаў выяўляюць аглуцінатыўныя рысы ў будове такіх скарочаных адзінак беларускай мовы. Адзначым, што для англійскай мовы спецыфічным з’яўляецца фузіённы характар злучэння элементаў у складзе скарочаных слоў: *Amex* ['æmeks] (<American Express), *balun* ['bælən] (<balance to unbalance transformer), *casevac* ['kæzɪvæk] (<casualty + evacuation), *ceramal* [sə'reiməl] (<ceramic alloy), *chromoly* ['krəʊmɒli] (<chromium + molybdenum), *codec* ['kəʊdek] (<coder + decoder), *elint* [ɪ'lɪ nt] (<electronic intelligence), *flox* [flɒks] (<fluid oxygen), *linac* ['lɪnæk] (<linear accelerator).

Калі супаставіць тэндэнцыі развіцця розных тыпаў абрэвіатур у англійскай і беларускай мовах у XX – пачатку XXI ст., то ў першую чаргу назіраецца агульны для даследуемых моў рост актыўнасці і н і ц ы я л ь н а й абрэвіяцыі на фоне значнага спаду ва ўтварэнні складовых скарачэнняў. Так, у беларускай мове 20-я гады мінулага стагоддзя характарызуецца росквітам

складовай абрэвіяцыі, у 30–40-х гадах актывізуюцца працэсы ўтварэння ініцыяльных абрэвіатур, у пасляваенны час мадэлі ініцыяльных абрэвіатур застаюцца найбольш прадуктыўнымі, нягледзячы на спробы рэгламентаваць іх ужыванне. Адметнай рысай, уласцівай ініцыяльным абрэвіатурам беларускай мовы, з’яўляецца адпаведнасць такіх вытворных крытэрыям пэўнага лексіка-граматычнага разраду: наяўнасць катэгарыяльных прыкмет назоўніка і парадгмы словазмянення, напрыклад, *бэр* м., скл. (< біялагічны эквівалент рэнтгена), *ВАК* м., скл. (< Вышэйшая атэстацыйная камісія), *ГПП* м., скл. (< галоўны інжынер праекта), *ЖЭС* м. (ж.), скл. (< жыллёва-эксплуатацыйная служба).

Англіійскія ініцыяльныя абрэвіатуры – таксама з’ява пераважна XX ст., паколькі імпульс развіццю такіх скарачаных адзінак дало ўтварэнне ў першай палове мінулага стагоддзя шматлікіх міжнародных арганізацый, урадавых структур і разнастайных аб’яднанняў бізнес-сферы Вялікабрытаніі і ЗША. Паводле даных слоўніка *20th Century Words* [11], буйны рост ініцыяльных абрэвіатур у англійскай мове зафіксаваны падчас Першай і Другой сусветных войнаў і ў пасляваенны час. Так, калі ў 1900-я гады ініцыяльныя абрэвіатуры складалі 2 % ад усіх скарачаных адзінак розных тыпаў, то ў 20-х гадах доля такіх вытворных адзінак дасягнула 19,2 %, а ў 40–50-х гадах мінулага стагоддзя ініцыяльная абрэвіацыя становіцца найбольш прадуктыўнай (37,5 % і 38,9 % адпаведна). Сярод англійскіх ініцыяльных гукавых абрэвіатур, утвораных у другой палове XX ст., назіраецца тэндэнцыя да росту акронімаў, аманімічных ужо існуючым у мове словам, напрыклад: *SALT* [sɔ:lt] (< Strategic Arms Limitation Talks/Treaty); *BOSS* [bɒs] (< Bureau of State Security); *BASIC* [ˈbeɪsɪk] (< Beginners’ All-purpose Symbolic Instruction Code); *GIFT* [ɪft] (< gamete intrafallopian transfer); *MIDI* [ˈmɪdi] (< musical instrument digital interface); *ACT* [ækt] (< Association of Consumers and Taxpayers); *BRICs* [brɪks] (< Brazil, Russia, India, China: seen collectively).

Развіццё ў 80-х гг. XX ст. вылічальнай і камп’ютарнай тэхнікі выклікала сапраўдны камунікатыўны выбух і абумовіла актывізацыю ініцыяльнай абрэвіацыі ў англійскай мове. Шматлікія скарачаныя тэрміны дадзенай сферы запазычваюцца нацыянальнымі мовамі і фактычна з’яўляюцца інтэрнацыяналізмамі: *PC* (< personal computer), *ROM* (< read-only memory), *CAD/CAM* (< computer-aided design/computer-aided manufacturing), *CD* (< compact disc), *USB* (< universal serial bus), *DOS* (< disk-operating system), *GIF* (< graphic interchange format), *http* (< hypertext transfer protocol), *ADSL* (< Asymmetrical Digital Subscriber Line) і г.д.

Асаблівасцю падобных абрэвіатур-англіцызмаў, што ўвайшлі ў лексічны склад сучаснай беларускай мовы параўнальна нядаўна, з’яўляецца захаванне не толькі зыходнага гукавога складу, але і графічнага выгляду. Паказальным, на нашу думку, з’яўляецца той факт, што ў “Слоўніку новых слоў беларускай мовы” [12] зафіксавана 95 такіх адзінак і вытворных ад іх. Увогуле, беларускім абрэвіатурам уласцівы даволі высокі словаўтваральны патэнцыял;

шэраг словаўтваральных мадэляў характарызуюцца пэўнай рэгулярнасцю (напрыклад, утварэнне адабрэвіатурных прыметнікаў: *прафкамаўскі, філфакаўскі, антыснідаўскі, КВЗ-шны, СНДэўскі, эскавэшыны*). Акрамя актыўных словаўтваральных працэсаў, якія суправаджаюць лексікалізацыю ўласна беларускіх абрэвіатур, заслугоўваюць увагі працэсы лексікалізацыі ў беларускай мове абрэвіатур-англіцызмаў. Запазычаныя абрэвіатуры (як у адаптаванай, так і ў зыходнай графічнай форме) здольны ўтвараць у беларускай мове своеасаблівыя комплексныя адзінкі, што знаходзяцца на стыку словаўтварэння і сінтаксісу: *CIM-карта, FTP-сервер, IT-спецыяліст, PR-тэхналогія, IBM-сумяшчальны, GSM-аператар, WAP-праатакол*. Мяркуем, што ўжыванне запазычаных абрэвіатур у складзе падобных комплексных найменняў адбываецца пад уплывам мовы-крыніцы (англійскай мовы) і з’яўляецца яркай прыкметай аналітызму ў марфалагічным ладзе сучаснай беларускай мовы.

Такім чынам, вынікі супастаўлення скарачаных лексічных адзінак англійскай і беларускай моў сведчаць пра існаванне як агульных заканамернасцяў, так і моўна-спецыфічных асаблівасцяў у падсістэмах абрэвіатурнага словаўтварэння даследуемых моў. Істотным чыннікам, які ўплывае на працэсы абрэвіацыі ў англійскай і беларускай мовах, выступае марфалагічны лад мовы.

Вылучэнне шэрагу абрэвіатурных фрагментаў-марфем з’яўляецца агульнай тэндэнцыяй развіцця абрэвіатурнага словаўтварэння ў сучасных англійскай і беларускай мовах. Адметным для супастаўленых моў выступае спосаб сувязі скарачаных элементаў у будове складаных абрэвіатур: для скарачаных адзінак беларускай мовы ўласцівы аглуцінатыўныя рысы; для англійскіх абрэвіатур спецыфічным з’яўляецца фузіённы характар далучэння абрэвіатурных марфем.

Адаптацыя запазычаных абрэвіатур-англіцызмаў у сучаснай беларускай мове суправаджаецца актыўнымі словаўтваральнымі працэсамі. Ініцыяльным абрэвіатурам мовы-крыніцы ўласціва захаванне сваёй арыгінальнай формы (лацінкі) падчас засваення беларускай мовай. Ужыванне запазычаных абрэвіатур у складзе комплексных найменняў, што адбываецца пад уплывам англійскай мовы, выступае яркай прыкметай аналітызму ў марфалагічным ладзе сучаснай беларускай мовы.

ЛІТАРАТУРА

1. Soudek, L. Structure of Substandard Words in British and American English / L. Soudek. – Bratislava : Slovenska akad. vied, 1967. – 228 p.
2. Елдышев, А.Н. Строение и мотивированность сокращенных слов (к проблеме взаимодействия формально-содержательных признаков в слове): автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А.Н. Елдышев ; Моск. гос. пед. ин-т иностр. языков. – М., 1985. – 22 с.

3. Горшунов, Ю.В. Структурно-семантические особенности сложно-сокращенных слов современного английского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Ю.В. Горшунов ; Моск. гос. пед. ин-т. – М., 1984. – 16 с.
4. Marchand, H. The Categories and Types of Present-Day English Word-Formation: A Synchronic-Diachronic Approach / H. Marchand. – Alabama : Univ. of Alabama Press, 1966. – 379 p.
5. Aronoff, M. Word-Formation in Generative Grammar / M. Aronoff. – London : MIT Press, 1981. – 134 p.
6. Ярмашевич, М.А. Особенности образования и функционирования аббревиатур в разных стилях и жанрах речи / М.А. Ярмашевич. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2002. – 194 с.
7. Алексеев, Д.И. Аббревиация в русском языке : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Д.И. Алексеев; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 1977. – 33 с.
8. Амосова, М.А. Новые словообразовательные элементы в английском языке / М.А. Амосова // Теория языка и практика преподавания : сб. ст. / сост. и отв. ред. В.Я. Мыркин. – Архангельск : Поморский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2001. – С. 10–16.
9. The Oxford Dictionary of New Words / ed. E. Knowles, J. Elliott. – Oxford ; N.Y. : Oxford Univ. Press, 1997. – 357 p.
10. Bauer, L. English Word-Formation / L. Bauer. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1983. – 311 p.
11. Ayto, J. 20th Century Words / J. Ayto. – N.Y. : Oxford Univ. Press, 1999. – 626 p.
12. Уласевіч, В.І. Слоўнік новых слоў беларускай мовы / В.І. Уласевіч, Н.М. Даўгулевіч. – Мінск : ТетраСистемс, 2009. – 448 с.

The article focuses on discovering common and specific features of abbreviation in English and Belarusian. Abbreviations in both languages are analysed from the point of view of derivation and morphology. Not only the influence of the language structure on abbreviation processes is examined but also some instances of inverse effect that abbreviation has in English and Belarusian are revealed.

Поступила в редакцию 22.11.10

Л.Г. Крот

О СООТНОШЕНИИ МОТИВИРОВАННОСТИ И ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА

В статье рассматривается проблема соотношения мотивированности лексических единиц и лексического значения. Дается краткий обзор основных подходов к трактовке данной проблемы, предлагаемых различными исследователями. Проведен компонентный анализ словарных дефиниций; выявлены наборы мотивировочных признаков; выделены компоненты структуры лексического значения наименований лиц, животных, растений и артефактов в современном английском языке. Представлен их сравнительный анализ.

Ставится задача определения характера соотношения мотивировочных признаков с многокомпонентной иерархически организованной структурой лексического значения. Автор описывает принципы разграничения конкретных типов связи мотивировочных признаков со структурой лексического значения в изучаемых лексико-семантических группах, определяет их количественные и качественные характеристики. Наличие разных типов указанной связи является основанием для создания принципиально новой типологии мотивированности.

Мотивированность, под которой мы понимаем такую связь между формой имени и его содержанием, при которой в структуре наименования закрепляются некоторые признаки или свойства именуемого, и *мотивация* как процесс, в результате которого мотивированность возникает – важные и весьма сложные явления в языке [1, с. 3]. Начиная со времен античности (см., например, работы Платона [2], Лукреция [3] и других мыслителей древности, заложивших основы учения о мотивации, а также труды В. фон Гумбольдта [4], А.А. Потебни [5], Ф. де Соссюра [6]), ученые пытаются дать определение мотивации и мотивированности, раскрыть их природу и механизмы, выявить значимость данных явлений для овладения языковой системой, для распознавания смысла языковых единиц и в целом для декодирования текста в процессе коммуникации, установить роль мотивации и мотивированности в ходе номинации и других когнитивных процессах.

Не прекращается интерес к проблеме мотивированности лексических единиц как сложного и противоречивого языкового явления и в настоящее время. Об этом свидетельствуют работы О.И. Блиновой [7], Т.А. Демешкиной [8], Е.К. Иванцовой [9], З.А. Харитончик [10], Л.Г. Крот [11], О.И. Гавриловой [12] и многих других ученых.

Особенно важным в лингвистических исследованиях является обращение к проблеме связи значения и мотивированности лексических единиц. Изучение данного аспекта усложняется тем обстоятельством, что не всегда мотивировочный признак находит свое отражение в лексическом значении. Мотивировочный признак как определенный квант знания, который кладется в основу категории, может входить в концепт-максимум [13], иными словами в концептуальное содержание, закрепленное за языковой единицей. На этом основании еще в начале 70-х годов прошлого столетия ставился вопрос о неправомерности отождествления или полного разграничения лексического значения и мотивированности [14]. В толкованиях же другой группы ученых указывалось на несомненную связь мотивированности и значения слова [15], [16], [17]. Продолжением линии исследования семантики и мотивированности с начала 90-х явилась разработка новой типологии мотивированности на основании установленной корреляции мотивировочных признаков с компонентами лексического значения [18], [1].

Цель данной работы заключается в синхронном исследовании мотивированности и выявлении основных ее параметров – мотивировочных

признаков, которые зафиксированы в структуре анализируемых имен существительных, с тем, чтобы установить характер их соотношения с многокомпонентной структурой лексического значения.

Материалом для исследования послужили имена существительные – наименования лиц, животных, растений и артефактов в современном английском языке.

На основе наиболее авторитетных словарей современного английского языка: словаря Лонгмана [19], А.С. Хорнби [20], Н. Уэбстера [21], путем сплошного просмотра и методом случайной выборки в результате компонентного анализа словарных дефиниций был определен корпус лексических единиц – общим объемом 3081 лексическая единица.

В качестве отправной точки нашего исследования мы принимаем теорию М.В. Никитина, ориентированную на отражение когнитивного содержания языкового знака, наиболее полно, на наш взгляд, характеризующую сложную универсалию значения.

Согласно наиболее широко распространенной в современной семасиологии теории, в лексическом значении слова различают две части: *содержательное ядро*, или *интенционал*, и *периферию семантических признаков*, или *импликационал*. *И н т е н с и о н а л* лексического значения – “это совокупность семантических признаков, наличие которых полагается обязательным для денотатов данного класса” [22, с. 110]. Интенциональные признаки могут предполагать наличие или отсутствие других признаков у денотатов данного класса, которые в совокупности составляют *и м п л и к а ц и о н а л* лексического значения. Импликация признаков может быть жесткой (обязательной), слабой и отрицательной. Соответственно в структуре импликационала выделяются такие разделы, как сильный, слабый и отрицательный импликационал – негимпликационал [22, с. 110].

По внешним, формальным свойствам слова в языке также обладают морфемной структурой, в которой зафиксирован мотивировочный признак наименования: *comedian* ‘комик’, *woodpecker* ‘дятел’, *egg-plant* ‘баклажан’, *drilling machine* ‘сверлильный станок’.

Сложность лексического значения, с одной стороны, и комплексность формальной структуры, с другой, определяют правомерность постановки вопроса о соотношении мотивировочных признаков, зафиксированных в поверхностной структуре слова, и компонентов его лексического значения.

Анализ словарных дефиниций с целью определения соотношения мотивировочных признаков с семантическими компонентами в структуре лексического значения приводит к выводу о том, что связь мотивированности и значения слова не столь прямолинейна, проста и однозначна, как кажется на первый взгляд, но достаточно сложна (таблица).

Характер соотношения мотивировочных признаков со структурой лексического значения

Тип соотношения	Признак входит в интенционал		Признак входит в импликационал		Признак вскрывается, но не входит в значение		Признак не вскрывается и не входит в значение		Общее количество
	количество единиц	%	количество единиц	%	количество единиц	%	количество единиц	%	
ЛСГ									
Наименования лиц	1332	75	238	13,4	61	3,4	145	8,2	1776
Наименования животных	83	50	46	27,7	28	16,9	9	5,4	166
Наименования растений	65	38,7	53	31,6	9	5,3	41	24,4	168
Наименования артефактов	181	64,1	55	19,5	25	8,9	21	7,5	282

Во-первых, мотивировочный признак может входить в ядро значения, или интенционал. Этот тип связи наиболее релевантен для лексико-семантической группы наименований лиц и составляет 75 %. Данным типом соотношения характеризуются такие наименования, как *astrologer* ‘астролог’: *a person who studies astrology* *hatter* ‘торговец шляпами’: *one who sells hats* и им подобные.

Высокой количественной представленностью анализируемого типа связи характеризуются также наименования лексико-семантической группы наименований артефактов – 64,1 %, например: *canceller* ‘компостер’: *one that cancels, esp. a machine for cancelling postage stamps*.

Доля лексем с интенциональным типом соотношения в лексико-семантической группе наименований животных падает до 50 %. Примером может служить наименование *japanese ape* ‘японская обезьяна’: *a small brownish ape (Macaca speciosa) of Japan that has a naked face and red callosities*.

Кроме того, упомянутый тип связи имеет место и в лексико-семантической группе наименований растений и характеризуется минимальной количественной представленностью – 38,7 %. Данный тип корреляции зафиксирован в наименованиях типа *chinese rose* ‘роза китайская’: *a shrubby chinese rose (Rosa chinensis) called also Bengal rose*.

Во всех представленных примерах мотивировочный признак является частью интенционала, структура которого, как правило, отличается простотой семного состава. В состав интенционала входит прежде всего родовая часть, называемая гиперсемой, или архисемой, и видовая часть – гипосема, или дифференциальные признаки. Так, в интенционале наименования *deceiver* ‘мошенник’: *one who deceives*, местоимение *one* указывает на обобщенное значение лица, а мотивирующий глагол *deceive* выражает действие, совершаемое данным лицом.

Наряду с наименованиями, в которых мотивировочный признак входит в интенционал, т.е. содержательное ядро лексического значения, выделяются единицы, в которых мотивировочный признак входит в импликационал, т.е. периферию его информационного потенциала. Например, *crier* ‘чиновник суда, публично объявляющий что-либо’: *an official in a court of law who makes public announcements*. В их дефинициях, точнее, лексических значениях, отражаются сопутствующие основному значению признаки, которые могут носить вероятностный характер, входить в состав ассоциаций и устанавливаться логическим путем. Так, в наименовании *crier* публичные выступления чиновника, делающего объявления на суде, ассоциируются с громким голосом, даже криком.

Как известно, импликация признаков может быть сильной (обязательной, необходимой, высоковероятностной), слабой (свободной) и отрицательной. В первых двух случаях интенционал значения имплицитно включает признаки с вероятностью, равной или близкой к 1. Совокупность таких признаков, как указывает М.В. Никитин, образует *сильный* импликационал значения [22, с. 59–60]. Разновидностью его является четкий импликационал – “совокупность признаков особенно сильной импликации с вероятностью равной 1, т.е. с необходимостью имплицитно включаемых из интенционала. Признаки сильного импликационала близки к интенциональному ядру, составляя почти неперемещаемую часть лексического значения, поэтому они часто попадают в словарные статьи толковых словарей” [22, с. 61–62]. Поясним сказанное на примере наименования лица *bearer* ‘предъявитель’: *a person who brings a letter or a message, or who presents a cheque at a bank for payment*, признак *bring*, имплицитно включаемый из интенционала, находит свое выражение как в структуре лексического значения, так и в дефиниции.

Наконец, помимо сильной и отрицательной импликации остается обширная область признаков, о совместной встречаемости которых можно судить предположительно: их наличие или отсутствие одинаково вероятно и проблематично, они могут быть, а могут и не быть или, точнее говоря, могут быть по данному основанию то одними, то другими. Эта область признаков по отношению к интенционалу какого-то значения образует его свободный или *слабый* импликационал. К таким признакам мы относим признак *as by serving food on an airplane* в наименовании лица *flight attendant* ‘стюардесса’: *a person who attends passengers (as by serving food on an airplane)*, находящийся в выделенной скобками части дефиниции, так как он носит вероятностный характер, т.е. не является обязательным.

Сравнительный анализ лексико-семантических групп показывает, что им в разной степени присущ данный тип соотношения. В количественном отношении импликациональный тип связи наиболее активно проявляется у наименований растений – 31,6 %, несколько менее активно – у наименований животных и наименований артефактов – 27,7 % и 19,5 % соответственно. Наименования лиц в этом плане малоактивны – 13,4 %.

Наряду с описанными интенциональным и импликационным типами корреляции мотивировочных признаков со структурой лексического

значения, нами в ходе анализа было выявлено такое соотношение, при котором мотивировочный признак прослеживается, но не входит в лексическое значение того или иного слова.

Возьмем для примера наименование растения *gooseberry* ‘крыжовник’: *a small round berry*. Мотивировочный признак здесь явно прослеживается и легко реконструируется, хотя в словарном толковании нет никакого упоминания о наименовании *goose*, отраженном в названии.

Наиболее часто мотивировочный признак отсутствует в дефинициях наименований животных (16,9 %) и наименований артефактов (8,9 %). Промежуточное положение занимают наименования растений (5,3 %). Наименее редко такая связь прослеживается в наименованиях лиц (3,4 %).

И, наконец, на нашем материале были зарегистрированы случаи, при которых мотивировочный признак не вскрывается и не входит в структуру лексического значения, что можно подтвердить дефиницией наименования лица: *blue jacket* ‘матрос’: *a sailor on the navy*.

Чаще всего мотивировочный признак невозможно реконструировать и соотнести со структурой лексического значения в лексико-семантической группе наименований растений (24,4 %), а также в лексико-семантической группе наименований лиц (8,2 %). Третьей по количеству невскрываемых признаков стала лексико-семантическая группа наименований артефактов – 7,5 %, и лишь 5,4 % данного типа соотношения зарегистрировано в лексико-семантической группе наименований животных.

Завершая анализ и сравнение типов корреляции мотивировочных признаков со структурой их лексического значения, т.е. семантическими компонентами, формирующими это значение, мы приходим к выводу о том, что в каждой лексико-семантической группе количественные характеристики каждого типа соотношения различны, причем ведущим является интенциональный тип соотношения.

Наблюдаемая в подавляющем большинстве исследуемых наименований лиц, животных, растений и артефактов связь мотивировочных признаков с содержанием данных лексических единиц, может проходить по линии разных – интенциональных, импликациональных и др. частей лексического значения, что дает нам основания для создания принципиально новой типологии мотивированности: интенциональной, импликациональной (сильноимпликациональной, слабоимпликациональной). Выявленная же типология мотивированности является базой для установления степени мотивированности лексических единиц.

Таким образом, новые данные о корреляции мотивировочных признаков и семантических компонентов в структуре лексического значения способствуют более глубокому проникновению в семантические аспекты языковых знаков, процессы номинации и мотивации, в те мыслительные процессы, которые лежат в основе языковых прототипов, фреймов, сценариев, обобщающих и структурирующих определенным образом человеческое знание об окружающем нас мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Крот, Л.Г.* Мотивированность лексических единиц и структура лексического значения (на материале имен существительных современного английского языка) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Л.Г. Крот. – Минск. гос. лингв. ун-т. – Минск, 2002. – 105 л.
2. *Платон.* Кратил / Платон // Собр. соч.: в 3 т. – М. : Мысль, 1968. – Т. 1. – С. 413–491.
3. *Лукреций, Т.К.* О природе вещей / Т.К. Лукреций. – М.: Мысль, 1958. – 260 с.
4. *Гумбольдт, В. фон.* О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие всего человечества / В. фон. Гумбольдт // Избранные труды по языкознанию. – М. : Прогресс, 1984. – С. 36–298.
5. *Потебня, А.А.* Мысль и язык / А.А. Потебня. – Киев: СИНТО, 1993. – 192 с.
6. *Соссюр, Ф. де.* Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр // Труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1977. – 696 с.
7. *Блинова, О.И.* Русская мотивология : учеб.-метод. пособие / О.И. Блинова. – 3-е изд., перераб. и доп. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. – 68 с.
8. *Демешкина, Т. А.* Теория диалектного высказывания. Аспекты семантики / Т.А. Демешкина. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000. – 190 с.
9. *Иванцова, Е.В.* Феномен диалектной языковой личности / Е.В. Иванцова. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002. – 312 с.
10. *Харитончик, З.А.* Платон и его теория номинации / З.А. Харитончик // Вестн. МГЛУ. Сер. 1, Филология. – 1999. – №5. – С. 61–71.
11. *Крот, Л.Г.* Мотивационные характеристики современного английского языка / Л.Г. Крот // Вестн. МГЛУ. Сер. 1, Филология. – 2009. – № 6. – С. 113–120.
12. *Гаврилова, О.Ю.* Корреляция семантических и мотивировочных признаков лексических единиц как способов языковой репрезентации знаний (на материале наименований животных в современном английском языке) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02. 04. / О.Ю. Гаврилова. – Минск. гос. лингв. ун-т. – Минск, 2008. – 143 л.
13. *Wierzbicka, A.* Lexicography and Conceptual Analyses / A. Wierzbicka. – Ann Arbor : Karoma, 1985. – 368 p.
14. *Сафарова, К.А.* Соотношение мотивированности и значения слова / С.А. Сафарова // Учен. зап. Ташкент. гос. ун-та, 1972. – Т. 94 : Вопросы романо-германской филологии. – С. 248–256.
15. *Блинова, О.И.* Явление мотивации слов : Лексикологический аспект / О.И. Блинова. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1984. – 191 с.
16. *Торопцев, И.С.* Язык и речь / И.С. Торопцев. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. – 200 с.
17. *Шмелев, Д.С.* О третьем измерении в лексике / Д.С. Шмелев // РЯШ. – 1971. – № 2. – С. 6–11.

18. Харитончик, З.А. Мотивированность как когнитивный признак языковых знаков / З.А. Харитончик // Когнитивная лингвистика конца XX века : материалы Междунар. науч. конф., 7–9 окт. 1997 г. : в 3 ч. / Минск. гос. лингв. ун-т; редкол. : Н.П. Баранова (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 1997. – Ч. 3. – С. 216–217.
19. Mc Arthur, T. Longman Lexicon of Contemporary English / T. Mc Arthur. – 5th impr. – London : Longman, 1982. – 910 p.
20. Hornby A.S Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / A.S. Hornby. – 5th ed. – London : Oxford Univ. Press, 1995. – 1431 p.
21. Webster's Third International Dictionary of the English Language (unabridged). – Springfield : Merriam – Webster Inc, Publishers, 1981. – 2662 p.
22. Никитин, М.В. Курс лингвистической семантики: учеб. пособие для студентов, аспирантов и преподавателей лингв. дисциплин в школах, лицеях, колледжах и вузах / М.В. Никитин. – СПб. : Науч. центр: проблемы диалога, 1996. – 757 с.

The aim of the article is to determine the correlation between the motivation of lexical units and the components of their lexical meaning structure in English. The types of such correlation are revealed and classified. A new typology of lexical unit motivation in English is created.

Поступила в редакцию 14.10.10

Н.В. Курбаленко

**ПРЕДНАМЕРЕННАЯ/НЕПРЕДНАМЕРЕННАЯ КАУЗАЦИЯ
И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ В РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ
(на материале немецкого и белорусского языков)**

В зависимости от компонентного состава немецкие каузативные конструкции с глаголом *lassen* способны выражать как преднамеренную, так и непреднамеренную каузацию. На реализацию того или иного каузативного значения влияют не только одушевленность/неодушевленность субъекта каузации, но и обобщенно-семантические характеристики объекта каузации. Наличие между субъектом и объектом каузации отношений притяжательности приводит к тому, что каузативные конструкции с одушевленным субъектом каузации могут отражать не только преднамеренность, но и непреднамеренность действий своего субъекта. Такая способность является отличительной чертой немецких каузативных конструкций и причиной трудностей перевода данных конструкций на белорусский язык. Сохраняя значение преднамеренности/непреднамеренности действия, немецкие каузативные конструкции при переводе на белорусский язык подвергаются значительным структурным и семантическим преобразованиям вплоть до утраты ими значения собственно побуждения к действию.

Преднамеренная/непреднамеренная каузация, или в другой терминологии *активная/пассивная каузация* становилась предметом исследования многих отечественных и зарубежных лингвистов – Н.Д. Арутюновой [1], Г.А. Золотовой [2], Т.А. Князевой [3; 4], Л. Талми [5] и др. Выделение

данного типа каузативных отношений основывается на том, является ли воздействие на объект каузации со стороны субъекта каузации целенаправленным или носит характер непроизвольного действия. В этой связи предлагается разграничение субъекта-инициатора (при наличии преднамеренности действия) и субъекта-каузатора (при отсутствии преднамеренности) [4, с. 28; 6, с. 78–79] и др.

Многие лингвисты считают, что преднамеренная каузация возможна только при субъекте, выраженном одушевленным именем существительным, так как понятие каузатора связывается прежде всего с признаками воли, преднамеренности, целенаправленности. Как пишет Т.Б. Алисова, компонент 'намеренность' является одним из признаков «активности» и включает в себя компоненты 'сознательности, добровольности и целенаправленности', именно поэтому 'намеренность' всегда связана с лицом» [7, с. 56]. Аналогичным образом Г.А. Золотова отмечает, что «каузатор действия обычно представляет собой лицо, агенс, каузативное действие которого произвольно, целенаправлено. Если же место каузатора занимает имя отвлеченного понятия, каузативная конструкция выступает в своей разновидности – непроизвольной каузации» [2, с. 284]: *Хозяйка вынудила нас покинуть дом; Болезнь хозяйки вынудила нас покинуть дом.*

На семантические свойства субъекта каузации обращает внимание и Н.Д. Арутюнова, которая утверждает, что понятие активной каузации актуально только для глаголов, субъект которых обозначает живое существо, так как у неодушевленных предметов не может быть намерений: «Событийные и предметные имена в функции субъекта действия предполагают непроизвольную каузацию или являются частью осложненной каузативной конструкции, когда действительный источник намеренных действий обозначается в тексте иным способом» [1, с. 178]. Согласно Г.А. Золотовой, «каузатор, выраженный отвлеченным именем (события, явления, качества, состояния), самим своим существованием или осуществлением вызывает непроизвольную реакцию лица – объекта каузатора и вместе с тем субъекта каузируемого состояния» [2, с. 292]. По мнению же С.Г. Савичюте, каузативные конструкции с неодушевленным объектом хотя и не содержат компонент 'сознательность действия', однако в них остается значение активного воздействия как каузирующего действия [8, с. 546].

Иной точки зрения на эту проблему придерживается Л.М. Ковалева, которая считает, что употребление в роли субъекта одушевленных имен существительных само по себе не гарантирует наличия у него признаков преднамеренности, целенаправленности, воли, поскольку «реальное лицо многое делает бессознательно, автоматически, по чужой воле» [6, с. 78].

Т.А. Князева, анализируя немецкие каузативные конструкции с глаголами каузации волевого действия, также приходит к выводу, что каузативные конструкции с одушевленным субъектом нельзя считать маркированными по признаку преднамеренности/непреднамеренности действия,

поскольку они ни сигнализируют о наличии преднамеренности, ни отрицают ее. По ее словам, «употребление в качестве субъекта одушевленных имен существительных само по себе не гарантирует наличие признака преднамеренности действия» [4, с. 27], а лишь «является первым условием того, чтобы конструкция начала формироваться в конструкцию с семантикой преднамеренной каузации» [3, с. 134]. На значение преднамеренности указывает наличие в предложении косвенного дополнения, обстоятельства, модального глагола: *Man muss ihn immer zur Arbeit antreiben* [3, с. 133–134].

Аналогичным образом С.Г. Савичюте пишет о том, что «компонент сознательности каузирующего действия может отсутствовать и при одушевленном субъекте-каузаторе, главным образом, при негативном действии или при достижении неожиданного, нежелательного результата» [8, с. 546]. В этой связи интересно исследование Л.Г. Дюндика, устанавливающего взаимосвязь между положительным/отрицательным или нейтральным, желательным/нежелательным событием и выбором каузативного глагола. По мнению Л.Г. Дюндика, для события может быть семантически релевантным разграничение значений следствия и результата. Результат – более широкое и нейтральное понятие, чем следствие, так как «событие₁, представляющее результат события₂, может быть и желательным, и нежелательным, и положительным, и отрицательным, в то время как следствие имеет в основном отрицательные коннотации...» [9, с. 6]. Однако, как признает сам исследователь, граница между понятиями *результат* и *следствие* недостаточно четкая и не всегда ясная [9, с. 7].

Обзор лингвистических работ, посвященных преднамеренной/ непреднамеренной каузации, делает очевидным как разные авторские позиции, так и различные результаты исследований. Несмотря на обширную литературу по данной проблематике, вопрос о каузативных значениях преднамеренности/непреднамеренности остается открытым.

Цель данной работы состоит в выявлении особенностей выражения преднамеренной/непреднамеренной каузации в немецкой синтаксической каузативной конструкции (СК) с глаголом *lassen*, а также в установлении эквивалентных данной СК белорусских языковых единиц путем сопоставления оригинальных и переводных текстов.

Согласно имеющимся исследованиям, для разграничения преднамеренной/непреднамеренной каузации релевантен прежде всего субъект каузации, а именно такие его характеристики как одушевленность/неодушевленность. Становится, однако, очевидным, что деления субъектов каузации по данному признаку при установлении того или иного типа каузации недостаточно, поскольку имеют место спорные ситуации. На наш взгляд, необходимо рассмотреть и обобщенно-семантические свойства объекта каузации, а также выяснить характер взаимодействия семантики объекта с семантикой субъекта каузации. С этой целью проанализируем средства выражения субъекта и объекта каузации в СК немецкого и белорусского языков.

Как показывает наш материал, в немецких СК с глаголом *lassen* субъект каузации может быть выражен одушевленным или неодушевленным именем существительным, а также личным местоимением, заменяющим соответствующее имя существительное, которое легко может быть восстановлено по контексту. В белорусском языке данной конструкции соответствуют СК с глаголами *даць, дазволіць* и *прымусіць*, в которых в качестве субъекта каузации также возможны одушевленные и неодушевленные имена существительные: 1. *Die Herren... ließen sich nur aus Höflichkeit noch ihrer Ruhe stören* (F. Kafka. Die Verwandlung); *Кватаранты ... толькі праз сваю ветлівасць дазвалялі яшчэ турбаваць свой пакой* (Ператварэнне. – Пер. Л. Баршчэўскага); 2. *...denn selbst das kleine Geräusch... hatte alle verstummen lassen* (F. Kafka. Die Verwandlung); *...бо нават слабы стук... прымусаў усіх адразу сцішвацца* (Ператварэнне. – Пер. Л. Баршчэўскага).

Более широкий набор средств языкового выражения демонстрируют немецкие СК с глаголом *lassen* в отношении своего объекта каузации. Это могут быть одушевленные и неодушевленные имена существительные, предложно-именные группы с предлогами *von, durch* и реже *bei*, личные и возвратные местоимения. Отметим, что в немецкой СК с глаголом *lassen* и позиция субъекта каузации, и позиция объекта каузации может быть замещена неодушевленным именем существительным, в то время как белорусские СК с неодушевленным субъектом каузации не могут иметь неодушевленное имя в качестве своего объекта каузации. Следовательно, такие непреднамеренные СК немецкого языка не имеют аналогий среди СК белорусского языка, поэтому при переводе значение каузативности (*сделать так, чтобы определенная ситуация имела место*) утрачивается: 1. *...das [das Vermögen] die nicht angerührten Zinsen in der Zwischenzeit ein wenig hatten anwachsen lassen* (F. Kafka. Die Verwandlung); *...з даўніх часоў захаваліся невялікія грошы, якіх трохі наболела праз нечэпаныя пэўны час працэнты* (Ператварэнне. – Пер. Л. Баршчэўскага); 2. *...klebte ich sie alle fest auf den Sockel, der das weiche Wachs schnell hart werden ließ...* (H. Böll. Kerzen für Maria); *...я ставіў іх на халодны пастамент, дзе мяккі воск хутка цвярдзеў...* (Свечкі для Марыі. – Пер. Л. Баршчэўскага).

Рассмотрим более подробно немецкие СК с глаголом *lassen* и одушевленным субъектом каузации. Способность *lassen* в составе таких СК выражать самые разные оттенки значения побуждения (от категорического приказа до вежливой просьбы) приводит к тому, что в белорусском языке в качестве эквивалентных СК с *lassen* структур получают широкое распространение сочетания с полнозначными каузативными глаголами типа *загадаць, прасіць, папрабаваць* и др.: 1. *Wir... ließen... nicht nur unseren Tisch, sondern auch die Nachbartische für das bevorstehende Matsch im voraus reservieren* (S. Zweig, Schachnovelle); *Мы... папрабавалі пакінуць нам на матч не толькі наш столік, але і ўсе суседнія...* (Шахматная навела. – Пер. У. Чапери); 2. *Er selbst – ein jovialer Bursche mit rotem Gesicht – ließ mich Platz nehmen...* (H. Böll. Kerzen für Maria); *Сам гаспадар – гжэчны мужчына з чырвоным тварам – папрасіў мяне сесці...* (Свечкі для Марыі. – Пер. Л. Баршчэўскага).

Необходимо также упомянуть, что немецкие СК с глаголом *lassen* способны к расширению не только за счет синтаксического распространения основных компонентов конструкции, но и благодаря введению в свой состав дополнительных объектов – объекта каузируемого действия и объекта-адресата каузации. При наличии объекта каузируемого действия в немецких СК с глаголом *lassen* возможен эллипсис объекта каузации. Опускание объекта каузации характерно и для белорусских каузативных конструкций, эквивалентных СК с глаголом *lassen*: 1. *Dorthin also ließen wir unsere Sachen bringen...* (Th.Mann. Mario und Zauberer); *Вось туды мы і сказалі перанесці нашыя рэчы...* (Марыё і Штукар. Пер. В. Сёмухі); 2. *Sie... ließ sich zum Tanz verleiten...* (H. Böll. Unsere gute alte Renée); ... [Рене] *ахвотна дазваляла запрашаць сябе да танцаў...* (Наша старая, добрая Рене. Пер. Л. Баршчэўскага).

Если объект каузации находит языковое выражение в многокомпонентных СК с *lassen*, то это происходит посредством предложно-именной группы, оформленной предлогами *von* или *durch*. Данный способ выражения объекта каузации помогает избежать недоразумения, возникающего в случае выражения обоих объектов (объекта каузации и объекта каузируемого действия) именами существительными в винительном падеже: ...*als wir uns zum Diner im Speisesaal einfanden und uns von dem zuständigen Kellner einen Tisch anweisen ließen* (Th.Mann. Mario und Zauberer); ...*калі [мы] спуściлiся паабедаць у рэстаран і папрасiлi мэтрдатэля паказаць нам вольны столiк* (Марыё і Штукар. Пер. В. Сёмухі).

При переводе многокомпонентных СК с глаголом *lassen* на белорусский язык возникают определенные трудности, поскольку белорусским СК, эквивалентным рассматриваемой СК немецкого языка, не присуще такое многообразие средств выражения объекта каузации. В подобных случаях при переводе может произойти изменение количественного состава СК, как это имеет место в следующих примерах: 1. *Und so ließ sie [Grete] sich von ihrem Entschlusse durch die Mutter nicht abbringen...* (F. Kafka. Die Verwandlung); *Гэтак вось яна [Грэта] не дазволiла мацi змянiць першапачатковае сваё рашэнне...* (Ператварэнне. Пер. Л. Баршчэўскага); 2. *Nachdem er Mirko bei dem Dorfbarbier die struppigen strohblonden Haare hatte schneiden lassen...* (S. Zweig, Schachnovelle); *З дапамогай вясковага цырульнiка Мiрку прывялi ў больш-менш прыстойны выгляд...* (Шахматная навела. Пер. У. Чапегі).

В нижеприведенном примере немецкая преднамеренная СК со значением пермиссивности превратилась в белорусскую преднамеренную СК со значением ассистивности (помощи): *Vor einem der großen Wandspiegel läßt sich eine junge, vornehme Dame von ihren Brüdern, zwei Leutnants, Abendmantel und Pelzschuhe anlegen* (Th. Mann. Das Wunderkind); *А перад высокiм люстрам два лейтэнанты – браты маладой свецкай дамы – памагаюць ёй надзець вячэрняе манто і футравыя чаравiкi* (Вундэркiнд. Пер. В. Сёмухі).

Несмотря на наличие в белорусском языке СК, эквивалентных немецкой СК с глаголом *lassen*, многокомпонентные СК с *lassen* могут переводиться на белорусский язык и при помощи других языковых средств, сохраняя при этом значение преднамеренности действия субъекта: *Ein Agent namens Koller... erklärte sich bereit... den jungen Menschen in Wien von einem ihm*

bekannten ausgezeichneten kleinen Meister fachmäßig in der Schachkunst ausbilden zu lassen (S. Zweig. Schachnovelle); *Імпрэсарыю на прозвішчы Колер... заявіў, што ён згодзен арганізаваць хлапцу на працягу года ўрокі ў свайго венскага знаёмага, небалага знаўцы шахматнай гульні* (Шахматная навела. Пер. У. Чапегі).

В результате каузативные отношения получают весьма своеобразное отражение при переводе на белорусский язык, поскольку переводчики прибегают к помощи специальных лексем, чтобы выразить значение преднамеренности действий субъекта: 1. *Sie [die Kinder]... lachten von Herzen über die Sprünge, die der Herr des Abends die Leute machen ließ* (Th. Mann. Mario und Zauberer); *Яны [дзеці]... ад душы рагаталі з выбрыкаў дарослых дзядзькоў, якія скакалі на волі валадара вечара* (Марыё і Штукар. Пер. В. Сёмухі); 2. *...das [das Publikum] es darauf ankommen zu lassen schien, zu spät zu kommen...* (Th. Mann. Mario und Zauberer); *... курортная публіка лянотна, быццам каб наўмысна прыйсці са спазненнем, запаўняла партэр...* (Марыё і Штукар. Пер. В. Сёмухі); 3. *...und nur eines Luftstreiches der Peitsche bedurfte es, um ihn dort oben „Step“ tanzen zu lassen...* (Th. Mann. Mario und Zauberer); *...і даволі было раз шчоўкнуць плёткай, як ён з загаду кавальерэ пачаў скакаць “стэп”...* (Марыё і штукар. Пер. В. Сёмухі).

Таким образом, компоненты ‘преднамеренность’, ‘целенаправленность’ и ‘воля’ сохраняются в переводах, однако само значение каузативности, т.е. значение побуждения объекта со стороны своего субъекта совершить определенное действие или изменить исходное состояние, выражаемое немецкими СК с глаголом *lassen*, может вообще не быть переданным при переводе на белорусский язык: 1. *Aber Czentovic ließ sich keineswegs drängen* ‘Но Чентович не позволял никому себя торопить’ (S. Zweig, Schachnovelle); *Чэнтавіч, аднака, не хацеў спяшацца* (Шахматная навела. Пер. У. Чапегі); 2. *...Cipolla ließ auf sich warten* ‘Чипола заставлял других себя ждать’ (Th. Mann. Mario und Zauberer); *Чыпола хацеў, каб яго чакалі* (Марыё і штукар. Пер. В. Сёмухі); 3. *Diese zwei Minuten gehören mir, mir ganz allein, und ich lasse sie mir nicht nehmen* ‘я не дам никому их у себя отнять’ (H. Böll. An der Brücke); *Гэтыя дзве хвіліны належаць мне, адному мне, і я не аддаю іх нікому* (Каля маста. Пер. Л. Баршчэўскага).

Как показывает наше исследование, другие возможности перевода на белорусский язык применяются и в отношении немецких СК с *lassen* и объектом каузации, выраженным неодушевленным именем существительным. На наш взгляд, это связано часто с тем, что СК белорусского языка с одушевленным субъектом каузации не способны, как правило, управлять неодушевленным объектом каузации: *...er hat ... alles daranzusetzen, ... um die Familie das geschäftliche Unglück ... möglichst rasch vergessen zu lassen* (F. Kafka. Die Verwandlung); *...ён павінен... зрабіць ўсё, каб сям’я як найхутчэй забылася пра фінансавыя няшчасці* (Ператварэнне. Пер. Л. Баршчэўскага).

Отдельно рассмотрим СК с *lassen*, в которых реализуется так называемая субъектная каузация. Объектом каузации в такой СК является ее субъект, выражаемый при помощи возвратного местоимения *sich*: *Nun ließ er sich*

gegen die Rücklehne eines nahen Stuhles fallen... (F. Kafka. Die Verwandlung);
Цяпер ён дазволіў сябе ўпасці на спінку крэсла... (Ператварэнне. Пер. Л. Баршчэўскага).

Как показывает наше исследование, перевод СК с *lassen* на белорусский язык посредством эквивалентной ей СК с *дазволіць*, как это имеет место в приведенном примере, не относится к основным способам передачи данной разновидности СК с *lassen* на белорусский язык. Как правило, такие употребления СК с *lassen* вообще не переводятся на белорусский язык при помощи каузативных конструкций: *Der Vater wankte mit tastenden Händen zu seinem Sessel und ließ sich hineinfallen...* (F. Kafka, Die Verwandlung); *Бацька вобмацкам давалося на свайго фатэля і зваліўся ў яго...* (Ператварэнне. Пер. Л. Баршчэўскага).

Объектом каузации в немецких СК с глаголом *lassen* может быть не только сам субъект каузации, но и обозначения его частей тела (голова, руки, ноги и т.д.), а также различные предметы, принадлежащие субъекту. Привлекает внимание, что несмотря на одушевленность субъекта каузации, в таких СК может реализовываться как преднамеренная, так и непреднамеренная каузация. Так, в следующих примерах субъект каузации действует сознательно и целенаправленно, т.е. каузация преднамеренная: 1. *...ließ er [Cipolla] seine kleinen strengen Augen, mit schlaffen Säcken darunter, mustern durch den Saal schweifen, nicht rasch, sondern indem er hie und da auf einem Gesicht in überlegener Prüfung verweilte – verkniffenen Mundes, ohne ein Wort zu sagen* (Th. Mann. Mario und Zauberer); *...ён [Чыпола] маленькімі строгімі вочкамі з прыпухлымі над імі мяшэчкамі аглядаў залу, няспешна, то тут, то там выпрабавальна-фанабэрыста затрымліваючыся на чым-небудзь твары – і ўсё гэта з’едліва сцяўшы губы і не кажучы ні слова* (Марыё і штукаар. Пер. В. Сёмухі); 2. *Cipolla... ließ von Zeit zu Zeit, halb rückwärts, die Peitsche gegen einen Zappler pfeifen, der im Vergnügen nachlassen wollte* (Th. Mann. Mario und Zauberer); *Чыпола... час ад часу, амаль нават не наварочваючыся назад, ляскаў плёткай перад якім-небудзь танцорам, якому наўмелася было спыніць асалоду* (Марыё і штукаар. Пер. В. Сёмухі).

Многие действия подобного рода субъект СК делает непроизвольно: *...denn wenn er [Gregor] sich schließlich so fallen ließ, mußte geradezu ein Wunder geschehen, wenn der Kopf nicht verletzt werden sollte* (F. Kafka. Die Verwandlung); *...бо калі б ён [Рыгор] нарэшце так зваліўся долу, павінен быў бы здарыцца цуд, каб галава засталася непашкоджанаю* (Ператварэнне. Пер. Л. Баршчэўскага).

При переводе описанных СК на белорусский язык возникают значительные трудности, поскольку в белорусских СК субъект и объект каузации не могут быть связаны отношениями притяжательности друг с другом. Стремясь раскрыть соотношения между субъектом каузации и его объектом, переводчики подчеркивают намеренность или непроизвольность действий при помощи соответствующих лексем: 1. *...du läßt deine Füße durch das nasse Laub schleifen...* (H. Böll. Wiedersehen in der Allee); *...ты наўмысна шоргаеш сандалямі па мокрай лістоце...*

(Спатканне ў алеі. Пер. Л. Баршчэўскага); 2. *Manchmal... ließ [Gregor] den Kopf nachlässig gegen die Tür schlagen...* (F. Kafka. Die Verwandlung); ...і **страціўшы пільнасць**, [Рыгор] **стукаўся галавою аб дзверы**... (Ператварэнне. Пер. Л. Баршчэўскага).

Однако часто при употреблении объекта, связанного с субъектом каузации отношениями притяжательности, каузативные значения побуждения/понуждения либо допущения/позволения, иными словами, значение ‘сделать так, чтобы некая ситуация имела место’, вообще не находят своего отражения в переводе. Ср. следующие переводы немецких СК на белорусский язык: 1. *Sie... ließ die Schlüssel auf einen kleinen Hocker hinter der Theke gleiten...* (H. Böll. Unsere gute alte Renée); Яна [Рене] **паставіла... міску – на невялікі зэдлік за стойкаю**... (Наша старая, добрая Рене. Пер. Л. Баршчэўскага); 2. *...machte jetzt der Prokurist im Nebenzimmer ein paar bestimmte Schritte und ließ seine Stiefel knarren* (F. Kafka. Die Verwandlung); ...**выканаўчы дырэктар у суседнім пакоі цяпер зрабіў некалькі рашучых крокаў; пры гэтым зарыпелі яго лакараваныя боты** (Ператварэнне. Пер. Л. Баршчэўскага); 3. *...daß ich leise das Geräusch nachahmte, mit dem Cipolla seine Reitpeitsche hatte durch die Luft fahren lassen* (Th. Mann. Mario und Zauberer); ...я **міжволі паўтарыў губамі гук, з якім Чыполава плётка рассякала наветра** (Марыё і штукаар. Пер. В. Сёмухі).

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. Каузативные конструкции, организуемые глаголом *lassen*, могут выражать как преднамеренную, так и непреднамеренную каузацию. Реализация того или иного каузативного значения в СК с *lassen* обусловлена не только обобщенно-семантическими свойствами субъекта каузации, т.е. его одушевленностью/неодушевленностью, но и семантическими характеристиками объекта каузации, а именно его принадлежностью к той или иной лексико-семантической группе. Так, в СК с объектом каузации, связанным с субъектом отношениями притяжательности, каузация может быть и преднамеренной, и непреднамеренной.

2. В белорусском языке имеются различные синтаксические каузативные конструкции с глаголами *даць*, *дазволіць*, *загадаць*, *патрабаваць*, *прымусіць* и др., способные выражать преднамеренную/непреднамеренную типы каузации, и являющиеся эквивалентами некоторым из разновидностей немецкой СК с глаголом *lassen*. Несмотря на это, перевод СК с *lassen* с каузативными значениями преднамеренности/непреднамеренности на белорусский язык вызывает определенные трудности, обусловленные структурно грамматическими и лексико-семантическими особенностями СК белорусского языка, в частности, их неспособностью управлять неодушевленным объектом каузации. Как следствие, СК с *lassen* передаются в белорусском языке при помощи других языковых средств.

3. Используя иные языковые средства при переводе СК с глаголом *lassen* на белорусский язык, переводчики сталкиваются с проблемой сохранения и передачи значения преднамеренности/непреднамеренности действия.

С целью выражения данного значения в белорусские варианты вводятся специальные лексические маркеры типа *na voli*, *z naгаду*, *naўмысна* и др., при этом исходные каузативные конструкции немецкого языка подвергаются значительным преобразованиям, вплоть до полной утраты ими самого значения побуждения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова, Н.Д. Предложение и его смысл / Н.Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1976. – 383 с.
2. Золотова, Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка / Г.А. Золотова. – М. : Наука, 1976. – 351 с.
3. Князева, Т.А. Семантическая интерпретация различных вариантов с глаголами каузации волевого действия в современном немецком языке / Т.А. Князева // Лексико-синтаксические связи. – Иркутск : Иркут. гос. пед. ин-т, 1987. – С. 131–140.
4. Князева, Т.А. Семантическая структура предложений с глаголами каузации волевого действия в современном немецком языке / Т.А. Князева // Проблемы семантики простого предложения. – Иркутск: Иркут. гос. пед. ин-т, 1985. – С. 22–31.
5. Talmy, L. Semantic causatives types / L. Talmy // Syntax and Semantics 6. The Grammar of Causative Constructions / ed. by M. Shibatani. – N.Y. : Academic Press, 1976. – P. 43–116.
6. Ковалева, Л.М. О понятии агенса: К проблеме семантических актантов / Л.М. Ковалева // Функциональный анализ синтаксических структур. – Иркутск: Иркут. гос. пед. ин-т, 1982. – С. 70–85.
7. Алисова, Т.Б. К вопросу о так называемых «стативных предикатах» / Т.Б. Алисова // Всесоюз. науч. конф. по теоретическим вопросам языкознания. – М. : Наука, 1979. – С. 55–60.
8. Савичюте, Г.С. Предикаты цели и предикаты каузации / Г.С. Савичюте // Изв. АН СССР. Сер. “Литература и язык”. – 1980. – Т. 39. – № 6. – С. 539–548.
9. Дюндик, Л.Г. О синонимии каузативных предикатов / Л.Г. Дюндик // Семантическая интерпретация простого предложения. – Иркутск : Ирк. гос. пед. ин-т, 1980. – С. 4–11.

This paper is devoted to the peculiarities of rendering of causative meanings (such as intentional/non-intentional causativity) through the causative constructions in German and *Belarusian* and to the problem of translation of German syntactic causative constructions with the causative verb *lassen* into *Belarusian*. The character of components of causative constructions in both languages predetermines the type of causation expressed.

Поступила в редакцию 25.10.10

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЯЗЫКОВЫХ И НЕЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье рассматриваются современные подходы к толкованию предмета паралингвистики как отдельной области научных знаний. Дается обзор теоретической литературы по проблеме невербальных средств коммуникации с целью соотнесения основных понятий, различия в обозначении которых, так же как и в определении их содержания, во многом затрудняют использование выработанных к настоящему времени теоретических положений в исследованиях, направленных на дальнейшее изучение названной проблемы. Описываются методика и некоторые результаты проведенного нами экспериментального исследования, посвященного взаимодействию невербальных и просодических средств в медийном британском дискурсе. Наибольший интерес представляют количественные данные, которые подтверждают соотнесенность невербальных (жестовых) и просодических характеристик речевого акта со смысловой сегментацией высказывания, и, в частности, с ее базовыми единицами – акцентной и интонационной группой.

Начиная со второй половины прошлого столетия центр внимания лингвистики переносится с изучения преимущественно одной из двух взаимосвязанных сторон языка/речи – языковой системы, на другую сторону этого единства – речь и речевую деятельность. Смещение научного интереса выявило необходимость включения в лингвистические исследования всех средств, используемых для осуществления коммуникации, как языковых, так и невербальных [1; 2; 3; 4; 5]. Теоретические основы такого подхода предопределяют направленность исследований на выявление различного рода средств, участвующих в создании речевого высказывания с учетом выражения не только его пропозиционального, но и модально-прагматического (коннотативного) плана.

Обращение к живому речевому общению не могло не привлечь внимание исследователей к различным «невербальным» (несловесным) явлениям, сопровождающим речь. Особое место исследований таких явлений, обусловленное спецификой средств коммуникации, ставших предметом изучения, привело к выделению новой области научных знаний – паралингвистики.

Традиционно считается, что термин *паралингвистика* (от греч. *пара* ‘около’) был предложен в 1970-х гг. американским лингвистом А. Хиллом [6]. В то же время изучение литературы свидетельствует о том, что этот термин был введен несколько ранее, а именно, Дж. Трейгером в 1939 г. [5]. В этой связи нужно подчеркнуть, что изучение паралингвистических явлений, хотя и не обозначаемых таким образом, началось еще с античных времен. Так, Аристотель писал в своем трактате «Риторика» в IV в. до н.э. о необходимости использования в речи определенного выражения лица и голоса для лучшего достижения поставленной цели [7], а Цицерон в I в. до н.э. писал: «Каждое движение души имеет свое естественное выражение в голосе, жесте, мимике. Движения должны отвечать диалогу и смыслу слов»

[8, с. 62]. Другой древнеримский теоретик ораторского искусства Квинтилиан в I в. н.э. в своем сочинении «Об образовании оратора» указывал на практическую необходимость обучения некоторым жестам [9].

В российской лингвистике основания для выделения паралингвистики как научного направления были сформулированы Г.В. Колшанским, который писал, что данная наука является «новой языковедческой дисциплиной, занимающейся изучением факторов, сопровождающих речевое общение и участвующих в передаче информации» [3, с. 6]. Вопросы паралингвистики рассматривались также и в трудах многих зарубежных лингвистов [1; 2; 4; 5].

Вместе с тем, несмотря на большое количество публикаций по проблемам паралингвистики, на сегодняшний день не существует однозначного определения предмета данной научной области. Обобщая различные точки зрения, мы можем выделить два подхода к толкованию ее содержания и употреблению самого термина *паралингвистика*: *узкий* и *широкий*.

В *узком* смысле к паралингвистическим явлениям относят либо только звуковые (фонационные) [5; 10; 11; 12], либо только кинесические средства [2; 13]. Семиотика последних изучается в рамках направления, получившего название «кинесика», которая определяется как «совокупность значимых жестов, мимических и пантомимических движений, входящих в коммуникацию в качестве невербальных компонентов при непосредственном общении коммуникантов» [6, с. 221]. Данный термин был предложен американским лингвистом Р. Бердвистелом, по мнению которого кинесические средства являются предметом изучения паралингвистики, а ее единицами – кины, кинемы, киноморфы и киноморфные структуры (по аналогии с лексическими единицами) [2].

В *широком* смысле термин *паралингвистика* обозначает все неязыковые явления, сопровождающие речевую деятельность. Разнородный характер этих средств приводит к выделению в паралингвистике различных сфер. Так, например, Г.В. Колшанский, Т.М. Николаева и ряд других исследователей выделяют три такие сферы: *фонационную* (тембр, темп, громкость, заполнители пауз, особенности произношения, мелодические явления), *кинетическую* (жесты, поза и мимика) и *графическую* (тип написания букв, пунктуационных знаков, символов) [3; 4]. В ряде работ выделяются две основные группы паралингвистических средств: *кинесические* и *просодические* [1; 14]. Р.К. Потапова помимо данных двух групп выделяет *фонационно-артикуляторные* средства [15].

Анализ литературы показывает, что проблема состоит не только в определении объема понятия паралингвистики, но и в определении объема и состава невербальных средств. Многие ученые считают, что невербальная коммуникация охватывает любую несловесную коммуникацию и включает в себя, таким образом, паралингвистику. Н.И. Смирнова, в частности, делит невербальные средства на *паралингвистические* и *кинесические*, или *кинетические*, т.е. паралингвистика выступает в качестве составляющей невербальных средств [12]. И.С. Каспарова, помимо паралингвистических средств, характеризующих устное общение, в невербальную коммуникацию

включает также и *параграфические* средства, функционирующие в письменном общении [16]. Широкое толкование объема невербальных средств предлагает Г.Е. Крейдлин, который рассматривает невербальную семиотику как науку, включающую в себя наряду с паралингвистикой (к которой он относит дополнительные звуковые средства, передающие в процессе коммуникации определенную информацию), кинесику, окулесику (наука о языке глаз и визуальном поведении), гаптику (наука о языке касаний, тактильной коммуникации) и проксемику (наука о пространстве коммуникации) [10]. Большинство исследователей тем не менее используют термин *невербальный* как синонимичный термину *паралингвистический*. Ученые указывают также на то, что паралингвистические средства следует отличать от невербальных средств, функционирующих в рамках невербальных (жестовых) языков [10; 16; 17].

Несмотря на отсутствие единства во взглядах на состав невербальных средств, большинство исследователей считают функции этих средств вторичными, полностью соглашаясь с Г.В. Колшанским, который писал: «Все неязыковые факторы играют вспомогательную роль в общении, язык — же главную, причем для него всегда открыта возможность использовать для сообщения только собственные средства» [3, с. 6]. Однако факультативность невербальных средств, по-видимому, можно признавать лишь в теоретическом плане, прежде всего в силу того, что, как подчеркивается в целом ряде работ, нет ни одного коммуникативного акта, осуществляемого в рамках устного общения, где говорящие не использовали бы невербальные средства [14; 16]. С целью установления надежных количественных оценок реального функционирования невербальных средств в устно-речевом дискурсе нами был проведен предварительный эксперимент на материале избранного для исследования вида дискурса, а именно на материале медийного дискурса типа ток-шоу. Непосредственным объектом анализа служили 15 видеоэпизодов из программы британского телевидения на канале БиБиСи “Hard Talk” (“Серьезный разговор”), общим временем звучания 37 мин. По результатам обработки видеоэпизодов 62 % общего времени звучания было занято жестом (в широком смысле). При этом все 100 % эпизодов и 100 % фраз внутри каждого эпизода имели жестовое сопровождение на всем протяжении или на части общего времени звучания. Таким образом, несмотря на факультативность данного компонента речевого акта, невербальные средства тем не менее обнаруживают устойчивую тенденцию к «участию» в его осуществлении, сопровождая его с разной экстенсивностью и интенсивностью.

Изучение литературы по рассматриваемой проблеме убеждает в том, что исследователи единодушны также в признании важности изучения взаимодействия различных вербальных средств с невербальной составляющей коммуникативного процесса [3; 4; 9; 14 и др.]. Раскрытие механизмов взаимодействия вербальных и невербальных средств коммуникации находится в русле синергетического подхода — одного из принципов, определяющих методологию современной науки [18; 19].

При изучении взаимодействия вербальных и невербальных средств устной коммуникации наибольший интерес, несомненно, вызывает соотносительность невербальных средств с просодией. Предметом изучения в имеющихся работах явилось взаимодействие просодических и невербальных средств речи в условиях социально-ролевой симметрии и асимметрии партнеров по диалогу [20], в выражении эмоциональных значений радости, гнева, удивления в сценической речи [21], в монологической речи представителей среднего и высшего класса английского общества [22], в академической публичной речи [23]. Изучалось взаимодействие акцентирующего жеста и ударения в русском языке [24], а также реализация языка жестов и просодических модификаций в речи слабослышащих [17].

Один из наиболее сложных вопросов, возникающих при изучении взаимодействия невербальных и просодических средств, состоит в дискуссионности лингвистического статуса речевой просодии, точнее, в лингвистическом статусе отдельных просодических характеристик и функций [3; 12; 15]. Основным полем дискуссии является вопрос о том, всегда ли просодические характеристики выполняют сугубо лингвистические функции, или наряду с ними они выполняют функции, которые должны быть определены как паралингвистические [3].

К паралингвистическим традиционно относят просодические средства, используемые в процессе коммуникации для выражения эмоционально-модальных (модально-прагматических) значений [15]. Одновременно признается важность просодии для выражения данного типа значений и, более того, подчеркивается ее ведущая роль в этом плане. Указанные значения и, соответственно, паралингвистические функции просодии могут рассматриваться сторонниками данного подхода дифференцированно – как эмотивные, модальные и эмотивно-модальные [15]. В то же время четкое определение данных функций отсутствует, что непосредственно связано с отсутствием четких критериев разграничения просодических характеристик речи по их функциональному назначению. Некоторые характеристики самого речевого голоса, такие, как, например, «звонящий голос», «юношеский голос» и т.п., со всей очевидностью относятся к паралингвистике [25, с. 397], в то время как разграничение высотномелодических, динамических и темпоральных характеристик в рассматриваемом плане представляет значительную трудность.

Наиболее категорично решает вопрос о лингвистичности эмоционально-модальной функций просодии (интонации) Г.В. Колшанский, который отказывает ей не только в лингвистическом статусе, но и в паралингвистическом. «Совершенно очевидно, – пишет автор, – что вся область экспрессивной интонации функционально не входит во внутреннюю структуру языка, а является надстроечной и не включается в собственно лингвистическую проблематику. <...> Эмоциональные факторы... выходят за рамки не только языковых средств, но даже паралингвистических» [3, с. 41]. Диаметрально противоположная позиция в обсуждаемом вопросе представлена в монографии А.А. Калиты «Актуализация эмоционально-прагматического потенциала высказывания». Автор считает, что в

реализации эмоционально-прагматического потенциала высказывания принимают участие как паралингвистические, так и лингвистические средства. Она подчеркивает, что все, что выполняют звуковые средства языка («фонетические средства»), относится к лингвистике, а к паралингвистике относятся только жесты, мимика и телодвижения [19]. Более правомерен, на наш взгляд, широкий подход к предмету паралингвистики, согласно которому, она включает и ряд фонационных средств. Определение списка данных средств представляет сложность прежде всего с точки зрения их отделения от языковых просодических характеристик.

Определенные шаги в решении названной проблемы были сделаны уже в работах Дж. Трейгера в 40-х годах прошлого века. К паралингвистическим характеристикам, или к параязыку, по терминологии данного автора, относятся побочные явления звукового характера, сопровождающие речевое высказывание, а именно *голосовая установка* (voice set), зависящая от социального положения, а также от состояния здоровья и пола говорящего; *голосовые модификаторы*, или *голосовые качества* (voice qualifiers), куда включены изменения голоса, придающие высказыванию какую-либо звуковую специфику (хриплость голоса, темп речи, особенности артикуляции звуков), и *вокализации* (vocalisations): плач, смех, шепот, степень интенсивности произношения, различные комбинации звуков [5]. Д. Кристал в 70-х годах прошлого века, рассматривая паралингвистические фонационные средства как не относящиеся к подсистемам просодических «контрастов», включает в них контролируемое использование таких качеств голоса, как хриплость, скрипучесть, эмоциональные проявления, такие, как хихиканье во время разговора, а также использование побочной артикуляции (округление губ, назализация и др.) для специальной окраски голоса, сигнализирующей определенное отношение, социолингвистические или другие специфические для языка модификации [11].

Рассмотрение названных признаков как паралингвистических не вызывает дискуссии в литературе. Основные разногласия возникают по поводу отнесенности к паралингвистике тех фонационных явлений, которые составляют часть фразовой просодии и практически трудно отделимы от языковых параметров (признаков), традиционно включаемых в просодическую структуру как единицу языка. Теоретически возможность отделения каких-то характеристик основана на том, что они не участвуют в дифференциации собственно языковых значений: синтаксических связей, коммуникативного типа высказывания и его актуально-коммуникативного членения. Именно поэтому в разряд паралингвистических и попадают средства, служащие для выражения эмоционально-модальных значений. При анализе присущих реальной речи просодических характеристик, однако, отграничить их от других, языковых, оказывается практически неразрешимой задачей. Наиболее однозначным в этом плане является тембр, который как бы находится в особом положении, не участвуя непосредственно в формировании элементов просодической структуры [25].

Обобщая вышесказанное, подчеркнем, что широкое понимание лингвистических функций просодии, при котором эмоционально-модальные, или модально-прагматические, функции и реализующие их средства относятся к лингвистическим, отражает общепризнанный подход и может рассматриваться в качестве ведущей тенденции для современного состояния супraseгментной фонологии. Такая трактовка проблемы определяет теоретико-методологические основы предпринятого нами исследования в области взаимодействия просодии и невербальных средств речевого общения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова, О.С. Экстралингвистические и внутрилингвистические факторы в функционировании и развитии языка / О.С. Ахманова // ВЯ. – 1963. – № 4. – С. 44–49.
2. Birdwhistell, R.L. Kinesics and Context / R.L. Birdwhistell. – Philadelphia : Univ. Press, 1970. – 338 p.
3. Колшанский, Г.В. Паралингвистика / Г.В. Колшанский. – М. : Наука, 1974. – 82 с.
4. Николаева, Т.М. Языкознание и паралингвистика / Т.М. Николаева, Б.А. Успенский // Лингвистические исследования по общей и славянской типологии / Ин-т славяноведения АН СССР. – М. : Наука, 1966. – С. 63–74.
5. Trager, G. Paralanguage Aspect of Speech Current / G. Trager. – San Francisco: Chandler, 1939. – 128 p.
6. Лингвистический энциклопедический словарь / Ин-т языкознания АН СССР; редкол. : В.Н. Ярцева (гл. ред.) [и др.]. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 685 с.
7. Аристотель. Риторика / Аристотель. – 2-е изд., перераб. – М. : Лабиринт, 2005. – 253 с.
8. Цицерон, М.Т. Об ораторе : в 3 т. / М.Т. Цицерон. – М. : Наука, 1981. – Т. 2 – С. 49–66.
9. Kendon, A. Gesticulation and Speech. Two Aspects of the Process of Utterance / A. Kendon // The Relationship of Verbal and Nonverbal Communication. – 1980. – Vol. 2. – P. 207–227.
10. Крейдлин, Г.Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык / Г.Е. Крейдлин. – М. : Новое литературное обозрение, 2002. – 592 с.
11. Crystal, D. Prosodic Systems and Intonation in English / D. Crystal. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1969. – 381 p.
12. Смирнова, Н.И. Невербальные аспекты коммуникации: На материале русского и английского языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Н.И. Смирнова ; Ин-т языкознания АН СССР. – М., 1973. – 22 с.
13. Argyle, M. Bodily Communication / M. Argyle. – London : Methuen, 1975. – 403 p.
14. Горелов, И.Н. Невербальные компоненты коммуникации / И.Н. Горелов. – М. : Наука, 1980. – 104 с.

15. *Потапова, Р.К.* Язык, речь, личность / Р.К. Потапова, В.В. Потапов. – М. : Языки слав. культуры, 2006. – 496 с.
16. *Каспарова, И.С.* Паралингвистические средства коммуникации, их функции в коммуникативном акте : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / И.С. Каспарова. – Минск, 1999. – 100 л.
17. *Евчик, Н.С.* Просодические аналогии средств выражения в языке жестов / Н.С. Евчик, М.С. Сырец // Материалы ежегод. науч. конф. преподавателей и аспирантов ун-та, 22–23 апр. 2008 г.: в 5 ч. / Минск. гос. лингв. ун-т ; редкол.: Н.П. Баранова [и др.]. – Минск, 2008. – Ч. 3. – С.17–19.
18. *Тонкова, М.М.* Коммуникация и синергетический подход: взаимодействие вербальной и невербальной подсистем: на материале англоязычной художественной прозы : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 ; 10.02.04 / М.М. Тонкова ; Ленингр. гос. ун-т. – Л., 1989. – 16 с.
19. *Калита, А.А.* Актуалізація емоційно-прагматичного потенціалу висловення / А.А. Калита. – Тернопіль: Підручники і посібники, 2007. – 320 с.
20. *Верещагина, Л.В.* Взаимодействие просодических параметров и кинесических средств речи в условиях социально-ролевой симметрии и асимметрии партнеров по диалогу: Экспериментально-фонетическое исследование на материале английского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Л.В. Верещагина. – Саранск, 2000. – 186 л.
21. *Корлыханова, Е.Л.* Взаимодействие просодических и кинесических средств в выражении эмоциональных значений радости, гнева, удивления в сценической речи : На материале английского языка : дис. ...канд. филол. наук : 10.02.04 / Е.Л. Корлыханова. – М., 2000. – 178 л.
22. *Сухова, Н.В.* Взаимодействие просодии и невербальных средств в монологической речи: На материале английских документальных фильмов : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Н.В. Сухова. – М., 2004 – 166 л.
23. *Ковпак, Н.А.* Взаимодействие вербальных и невербальных средств в реализации смысловой структуры академической публичной речи: Фонетическое исследование на материале британских публичных выступлений : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Н.А. Ковпак. – М., 2004. – 178 л.
24. *Беликов, А.П.* Функциональное взаимодействие речи и жеста (инструментальное исследование) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / А.П. Беликов. – М., 1991. – 160 л.
25. *Кодзасов, С.В.* Общая фонетика: учебник / С.В. Кодзасов, О.Ф. Кривнова. – М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. – 592 с.

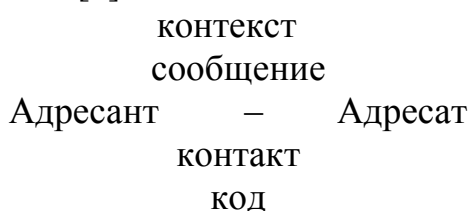
The article deals with one of the most controversial issues of modern phonetics – paralinguistics and its interrelation with speech prosody. A survey of current approaches to the problem is presented as well as some results of an experimental study carried out by the author.

Поступила в редакцию 05.10.10

МАНИФЕСТАЦИЯ СУБЪЕКТА РЕЧИ В ЛИТЕРАТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье анализируются способы манифестации автора как субъекта речи в литературной коммуникации. Особое внимание уделено определению термина *литературная коммуникация*, под которым понимается особый тип общения между автором и читателями посредством художественного текста, и формулированию основных параметров литературной коммуникации. Проводится разграничение терминов *автор*, *писатель*, *повествователь*, *рассказчик*, *наблюдатель* на основании типов повествования. В ходе проведенного анализа выявлены языковые средства репрезентации авторского пространства, ограниченного координатами «я–здесь–сейчас»: прямая обращенность к читателю, временные формы нинегоцентрической серии и эгоцентрические элементы.

Проблема коммуникации и роль субъекта речи в ней относятся к актуальным проблемам современной лингвистики. Известная схема, предложенная Р.О. Якобсоном [1]

является, естественно, упрощенной, поскольку отношения между адресантом и адресатом нельзя свести к механическому кодированию и декодированию информации. Однако как канал прямой связи она отражает исходную сущность первичного общения и общее положение об антропоцентрической природе языка как основного средства коммуникации. В зависимости от реального наличия адресата выделяют два вида коммуникации [2, с. 14]:

- коммуникация, в которой адресат непосредственно реагирует на высказывание адресанта, что специфично для устного – прямого – общения;
- коммуникация, в которой адресат (потенциальный либо воображаемый) физически отсутствует. Несмотря на пространственно-временной разрыв между коммуникантами, адресант строит сообщение исходя из своих представлений об адресате. Данный тип свойствен, например, письменной коммуникации, и, в частности, такой ее разновидности, как *литературная коммуникация*.

Проблемы художественного текста привлекают внимание многих исследователей тем, что его «язык... в значительной степени уже преднаходится художником слова, глубоко эстетизован, мифологичен и антропоморфичен, тяготеет к ценностному центру – человеку» [3, с. 30]. Причем литературная коммуникация, в отличие от прямой, включает три антропоцентра: адресант, адресат и персонаж. Тексту как звену литературной коммуникации позволяет видеть в нем самый гармоничный тип общения, дающий адресату возможность «наращивать свой гуманистический,

интеллектуальный, эмоциональный, жизненный и др. потенциал» [4, с. 88]. В отличие от живого, прямого диалога, в тексте имеет место «диалог» читателя с автором – его современником или с «давно уже неживым автором» [5, с. 12].

Литературная коммуникация выносится в отдельный вид многими исследователями: текст определяется как «упакованная» коммуникация, включающая элементы коммуникативного акта и сигналы для их дешифровки» [6, с. 45]. На коммуникативный характер художественного текста указывает и его определение как вербального сообщения, служащего «для передачи по каналу художественной литературы предметно-логической, эстетической, образной, эмоциональной и оценочной информации, объединенной в идейно-художественном содержании текста в одно сложное целое» [7, с. 157].

Для обозначения литературной коммуникации [3; 2; 8; 9] используются различные термины: *текстовая коммуникация*, основной единицей которой является текст [10, с. 79]; *письменная, текстовая коммуникация* как условное психологическое общение, участниками которого являются «дискурсивный говорящий/автор», а также – «дискурсивные личности или персонажи» и читатель [11, с. 14]; *текстовое общение* [12]; *художественная коммуникация* [13]. Однако термин *художественная коммуникация* является очень общим, поскольку включает в себя не только общение между персонажами, автором и читателем, но и между художником, режиссером и зрителем, композитором и слушателем и т.д., т.е. термин охватывает все возможные виды общения между творцом и адресатом. Термин *текстовое общение* подразумевает общение, единицей которого может быть любой текст, в том числе, например, и научный. Наиболее адекватным для описания взаимодействия адресанта и адресата на всем пространстве художественного текста представляется термин *литературная коммуникация* – «общение, предполагаемое формой литературного текста» [9, с. 178].

Анализ научных концепций по проблемам изучения художественного текста в рамках коммуникативного подхода дает основание сформулировать наиболее важные параметры литературной коммуникации:

- вторичный, производный характер от первичной ситуации общения, которая тем не менее сохраняет «следы» прямой коммуникации;
- число потенциальных адресатов не детерминировано, но необходимое представление об адресате имеется и определяет природу текста;
- разрыв пространственно-временных отношений коммуникантов, результатом которого становится постоянство роли адресата и полное право адресанта/автора на текстопостроение;
- опосредованный характер литературной коммуникации, единицей которой является текст, имеет своим результатом общение автора и читателя через текст, что можно выразить схемой: автор – текст – читатель.
- литературная коммуникация имеет многоуровневую структуру: коммуникация может осуществляться между автором/повествователем; автором, персонажами и читателем.

Несмотря на динамичное развитие лингвистики, вопросы и специфика литературной коммуникации требуют дальнейшей разработки. К этому следует добавить, что полное и всестороннее изучение литературной коммуникации невозможно без комплексного исследования: необходимо привлечение результатов таких дисциплин, как коммуникативная лингвистика, литературоведение, лингвистика текста, теория речевых актов, стилистика. Интерес к изучению литературной коммуникации связан прежде всего с установлением параллелизма между художественным текстом и речевым актом: «Литературной коммуникации, так же, как и повседневному человеческому общению, присущи такие прагматические параметры, как автор речи, его коммуникативная установка, адресат и связанный с ним перлокутивный акт (эстетическое воздействие)» [14, с. 365]. Другими словами, параметры диалогичности заложены в самой структуре художественного текста, однако она многопланова, поскольку предполагает разные уровни общения и его адресованности. В данной статье речь идет о прямой обращенности адресанта/автора к адресату/читателю.

Художественный текст, таким образом, является посредником и объектом когнитивной деятельности адресанта и адресата. Через текст осуществляется связь автора с читателем. Причем термины *автор* и *писатель* не являются тождественными друг другу.

В данной статье представлен анализ повествовательных типов художественного текста как литературной коммуникации от первого лица. Как правило, в научной литературе выделяются разные типы повествования: традиционные (повествование от первого и третьего лица) и нетрадиционные (свободный косвенный дискурс). Адресантом сообщения/текста может быть автор (инклюзивный либо эксклюзивный в перволичном нарративе), повествователь (безличный в третьеличном нарративе), персонаж.

Существует точка зрения, отрицающая деление на типы повествования от первого либо от третьего лица, поскольку «всякая наррация, по определению, реально осуществляется от первого лица», а повествователь применяет «некое лицо для обозначения одного из своих персонажей» [15, с. 253]. В соответствии с этой позицией выделяются гетеродиегетический (с повествователем, отсутствующим в рассказываемой им истории) и гомодиегетический (с повествователем, присутствующим в качестве персонажа в рассказываемой им истории) типы повествования. В последнем случае повествователь может быть как персонажем собственного повествования (автодиегетический повествователь), так и исполнителем роли наблюдателя или очевидца [15].

Под термином *повествователь* понимается субъект речи/я, сообщающий о событиях, действиях, мыслях, имевших место в прошлом либо разворачивающихся в момент речи, субъектом действий или наблюдателем которых является он сам. Термины *автор* и *повествователь* употребляются как синонимичные в повествовании от первого лица (автор-повествователь). В повествовании от третьего лица место автора занимает

повествователь. Литературная коммуникация предполагает, что художественный текст – это единое целое высказывание, единица коммуникативного акта, нацеленная на ответную (перлокутивную) реакцию. Адресантом является автор, а адресатом – читатель. С этих позиций наиболее очевидным способом манифестации автора в литературной коммуникации становится прямая обращенность при написании истории к читателю (либо воображаемому слушателю), которая является свидетельством того, что субъект речи уверен: его мысли, идеи достигают цели. Например, *Je vous ai promis la vérité, je vide mon cerveau devant vous comme un grenier* [J, p. 110].

Автор спрашивает мнение у читателя: *Je raconte bien, hein?* [S.-A., p. 28].

Автор обращается к читателю с просьбой набраться немного терпения и уделить ему внимание: *Vous venez d'avoir une pensée humaine . Mais c'est bien rare... Prenez donc un peu de patience et accordez-moi votre attention...* [L, p. 15].

На прямую обращенность к присутствующему читателю указывают формы местоимения второго лица (*vous/tu*), существительные в функции обращения (*camarade, lecteur, messieurs-dames*), повелительное наклонение (*prenez, fais*), вопрос.

Субъект речи предугадывает мысли адресата: *Vous devez penser: ah, cette histoire est enfin finie. Mais non, elle continue encore* [L, p. 837],

стремится вызвать улыбку у читателя, сравнивая себя с классиками французской литературы: *Le Zola du pauvre, San-Antonio. Le Balzac vermotien. La seule différence entre moi et Flaubert, c'est que je ne suis pas normand* [S.-A., p. 28].

Манифестация автора в литературной коммуникации находит свое проявление во временах нинегоцентрической серии (Présent, Futur simple, Passé composé): *Je me penche sur son visage, j'effleure son front de mes lèvres... J'écris ces quelques mots au présent. Ça aide à revivre* [G, p. 11].

В данном высказывании автор непосредственно объясняет читателю, с какой целью осуществляется смещение временных планов (*Ça aide à revivre*).

Автор раскрывает перед читателем сам процесс текстопорождения, с собственными комментариями по поводу только что написанного:

Un jour, j'aimerais retourner à Saint-Brieur avec Martin. Ça fait monter les larmes aux yeux, des phrases pareilles. Un jour, virgule, j'irai fleurir la tombe avec mon frère. Non, il faudrait le dire autrement. Un jour, virgule, j'irai avec Martin sur la tombe de notre père. La tombe de Roger Nimier. Un jour, virgule, nous irons mon frère et moi, un jour, virgule, mais quand je laisse des messages sur son répondeur il ne me rappelle jamais [N, p. 14–15].

Повтор *un jour* как зачина истории и существительного *la tombe* позволяет отобразить продуманность сюжета, поиск необходимого слова или выражения, сопровождающегося самоисправлениями (*non, il faudrait le dire autrement*). Синтаксические поиски пунктуации (*virgule*), использование присоединения (*La tombe de Roger Nimier*) также раскрывают логичность мыслительных операций автора.

В литературной коммуникации при производстве сообщения (высказывания/текста) как прямого речевого акта субъект речи (автор) ограничивает личное пространство координатами «я–здесь–сейчас», т.е.

указанием на момент речи и местоположение, что передается особыми грамматическими средствами – эгоцентрическими элементами.

Местоимение первого лица идентифицирует «я» субъекта речи как автора предлагаемой истории, что подтверждается указательным детерминантом перед существительными: *cette histoire, ces quelques mots (ces notes, ces pages, ces chapitres, ces lignes etc)*, обозначающими продукт письменной (или речевой) деятельности, и глаголы типа *écrire* или *recopier, parler, raconter, commencer, continuer, finir, laisser, reprendre etc*. Например, *J'ai écrit cette histoire en mémoire d'une jeune fille qui fut malgré elle une héroïne à vingt ans* [C1, p. 207].

Субъект речи открыто заявляет о своем участии в создании истории (*j'ai écrit cette histoire*). Такое «обнажение» я/автора производит впечатление непосредственного общения с читателем, которому он объясняет причину написания этой истории.

«Играя» с читателем, субъект речи может отрицать свое авторство:

P.S. Est-il utile de préciser que je refuse entièrement les rumeurs qui ont été diffusées les mois suivants et qui ont prétendu que j'étais l'auteur véritable de la Fascination du pire? [Z, p. 213].

Субъект речи/автор «Fascination du pire», обращаясь с риторическим вопросом к читателю, как бы опровергает слухи о том, что именно он является автором этого романа.

Идентификация субъекта речи/автора раскрывается и в его воспоминаниях о событиях, сохранившихся в памяти: *je me rappelle, je songe à cet instant, je me souviens, je pense souvent à, je ressens, je sens, je vois, etc*. Например,

Je me souviens d'une phrase merveilleuse que j'avais entendue à une réception, après une réunion du Conseil de l'Europe [G, p. 16].

Или же, наоборот, не сохранившихся, что передается сказуемыми типа *j'ai oublié* или отрицательной формой *je ne m'en souviens plus*. Например,

J'ai oublié ce qui s'est passé jusqu'à la fin des vacances [B, p. 110].

Est-ce le directeur qui me reçoit et m'accompagne? Je ne m'en souviens plus. Je me rappelle seulement qu'il fallait se presser [B, p. 157].

Глагольные маркеры указывают на момент воспоминаний автора, сообщая о событиях, действиях, мыслях, субъектом которых он был.

В литературной коммуникации функцию указания на момент воспоминаний (координата «сейчас») способны выполнять те же временные дейктики, типа *aujourd'hui (à présent, maintenant, etc)*, которые ограничивают личное пространство субъекта речи в прямом общении. Например,

*Ce que je trouve **aujourd'hui** le plus difficile à expliquer c'est que je me croyais entièrement le maître de la situation* [G, p. 205].

Противопоставленность временных дейктиков *autrefois – aujourd'hui* со всей очевидностью разграничивает временные планы прошлых событий и момент воспоминания:

*Autrefois je pensais qu'il fallait écrire avec des cailloux blancs afin de pouvoir retrouver son chemin. **Aujourd'hui** je vois qu'un peu de mie de pain suffit et qu'il faut avancer dans l'obscurité...* [B, p. 168].

Идентификация места написания истории (координаты «здесь») не имеет однозначных показателей. В литературной коммуникации находит отражение близкое субъекту речи пространство: *bureau, tiroir, fenêtre, table de chevet, mur*, позволяющее читателю получить общее представление об обстановке (писатель в своем кабинете за рабочим столом):

Je me suis levé à cinq heures pour aller au bureau, finir ces notes... [G, p. 30].

Je prétendais dans un chapitre précédent que je n'étais pas une collectionneuse – le contraire de la collectionneuse – et pourtant s'est constituée dans la premier tiroir de mon bureau une drôle de collection... [N, p. 130].

Описание собственного состояния, тех мучений, которые испытывает автор/создатель истории, встречается гораздо чаще:

Je n'ai plus mal. Plus vraiment? Pourtant la douleur est là, dans l'écriture et elle pèse sur ma plume de toutes ses forces [B, p. 210].

Cela m'épuise, et puis cela m'ennuie, et vous aussi sans doute. Combien de pages ai-je écrit déjà alignées sur ces péripéties bureaucratiques sans intérêt? Continuer comme cela, non, je ne peux plus: la plume m'en tombe des doigts, le stylo plutôt [L, p. 715].

Je ne sais pas quoi faire des premières pages. Je me dis parfois qu'il faudrait tout effacer, une fois de plus, tout reprendre [N, p. 21].

Субъект речи делится с читателем своими переживаниями, трудностями написания своей (чужой) истории, словно приобщает его к этому процессу и состоянию (*vous aussi sans doute*). Есть и указание на современность автора: в отличие от такого «инструмента» как *plume* 'перо' (*elle pèse sur ma plume, la plume m'en tombe des doigts*), глагол *effacer* 'стирать, удалять' указывает на более современную технику написания – компьютер.

Таким образом, литературная коммуникация представляет собой важное звено как особый вид более общего процесса – человеческой коммуникации. В данном случае на пространстве художественного текста осуществляется общение автора и конкретного читателя. Причем эгоцентрическое авторское пространство «я–здесь–сейчас» манифестируется ярко и однозначно: это прямая обращенность к читателю, временные формы нинегоцентрической серии (*Présent, Futur simple, Passé composé*) и эгоцентрические элементы. Изучение способов репрезентации я/автора литературной коммуникации позволяет воссоздать модели ситуаций наррации и тем самым приблизить читателя к чувственному восприятию и более глубокому пониманию текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Якобсон, Р.О.* Избранные работы / Р.О. Якобсон. – М. : Прогресс, 1985. – 455 с.
2. *Сидоров, Е.В.* Онтология дискурса / Е.В. Сидоров. – М. : URSS : Изд-во ЛКИ, 2008. – 228 с.

3. *Бахтин, М.М.* Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук / М.М. Бахтин. – СПб. : Азбука, 2000. – 336 с.
4. Антропоцентризм современной лингвистической ситуации : сб. науч. ст. / Мин-во образования Российской Федерации; Липецкий гос. пед. ун-т. – Липецк : ЛГПУ, 2002. – 214 с.
5. *Богин, Г.И.* Филологическая герменевтика : учеб. пособие / Г.И. Богин ; Калинин. гос. ун-т. – Калинин : КГУ, 1982. – 86 с.
6. *Дымарский, М.Я.* Проблемы текстообразования и художественный текст: на материале русской прозы XIX–XX вв. / М.Я. Дымарский. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : УРСС, 2001. – 326 с.
7. *Арнольд, И.В.* Семантика. Стилистика. Интертекстуальность / И.В. Арнольд. – СПб. : Изд-во СПбУ, 1999. – 443 с.
8. *Лотман, Ю.М.* Об искусстве: структура художественного текста / Ю.М. Лотман. – СПб.: Искусство. – СПб., 1998. – 704 с.
9. *Щирова, И.А.* Многомерность текста: понимание и интерпретация / И.А. Щирова, Е.А. Гончарова ; учеб. пособие. – СПб. : ООО «Книжный Дом», 2007. – 472 с.
10. Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис : сб. науч. ст. / Ин-т языкознания РАН; редкол.: Н.Д. Арутюнова [и др.]. – М. : Наука, 1992. – 280 с.
11. *Воронова, Е.В.* Смещение темпоральности как основа полифоничности художественных текстов во французском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / Е.В. Воронова ; Минск. гос. лингв. ун-т. – Минск, 2005. – 21 с.
12. *Богданов, В.В.* Текст и текстовое общение : учеб. пособие / В.В. Богданов. – СПб. : СПбГУ, 1993. – 68 с.
13. *Гронская, О.Н.* Лингвистические средства реализации образа автора
14. в тексте немецких романтических сказок (В. Гауфф, Э.Т.А. Гофман, К. Брентано) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / О.Н. Гронская ; МГПИ им. А.И. Герцена. – Л., 1987. – 16 с.
15. *Арутюнова, Н.Д.* Фактор адресата / Н.Д. Арутюнова // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – М., 1981. – Т. 40. – № 4. – С. 356–367.
16. *Женетт, Ж.* Фигуры / Ж. Женетт ; пер. с фр. Е. Васильевой и др. – М. : Изд-во им. Сабашниковых, 1998. – Т. 2. – 469 с.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

- Cl – *Le Clézio, J.M.G.* Ritournelle de la faim / J.M.G. Le Clézio. – Paris : Gallimard, 2008. – 224 p.
- Z – *Zeller, Florian.* La Fascination du pire / Florian Zeller. – Paris : Flammarion, 2004. – 224 p.
- G – *Gary, R.* Au-delà de cette limite votre ticket n'est plus valable / R. Gary. – Paris : Gallimard, 1975. – 248 p.

- B – *Bauchau, H.* Le boulevard périphérique / H. Bauchau. – Paris : Actes Sud, 2008. – 256 p.
- L – *Littell, J.* Les bienveillantes / J. Littell. – Paris : Gallimard, 2006. – 908 p.
- N – *Nimier, M.* La reine du silence / M. Nimier. – Paris : Gallimard, 2004. – 176 p.
- S.-A. – *San-Antonio.* Un os dans la noce / San-Antonio. – Paris : Fleuve Noir, 1974. – 254 p.
- J – *Jauffret, Régis.* Asiles de fous / R. Jauffret. – Paris : Gallimard, 2005. – 214 p.

The article deals with the study of literary communication. Special attention is paid to the definition of this term as a special kind of communication, as an interaction between an author and his readers through a literary text. The obtained results demonstrate different ways of manifestation of the speaker and put special emphasis on his role in the structure of literary communication.

Поступила в редакцию 18.10.10

О.В. Стахнова

**СПОСОБЫ РЕАЛИЗАЦИИ ФАТИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ
В ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ РЕЧЕВЫХ АКТАХ**
(на примере драматических произведений испанских авторов
второй половины XX в.)

В статье рассматриваются способы реализации фатической функции в вопросительных речевых актах как разновидности косвенных речевых актов. В круг изучения входят как вопросительные речевые акты, взятые во вторичных функциях, так и повествовательные речевые акты с иллюкутивной силой вопроса. Отражается один из этапов исследования связи фатической функции и не прямой коммуникации на материале испанского языка. Делается вывод о том, что вопросительные высказывания часто ориентируются на фатические цели, диагностируя личностные свойства коммуникантов и характер их взаимоотношений при соблюдении принципа вежливости и такта. Определяются маркеры фатического выражения на уровне как иницирующих, так и реагирующих реплик.

Одной из характерных особенностей фатической функции является возможность ее актуализации в речи лишь при помощи не прямых средств. Значительная часть этих средств принадлежит косвенным речевым актам (КРА). Важным показателем КРА является то, что для его первичной иллюкутивной составляющей может быть найден эквивалент среди прямых способов выражения тех же интенций.

Среди КРА особое внимание обращают на себя вопросительные как по форме, так и по содержанию речевые акты (РА).

Вопросительные по форме РА, выступая во вторичных функциях, ориентированы на передачу позитивной информации [1, с. 395]. Эта информация имеет прямое отношение к реализации фатической функции, так как направлена на установление коммуникативного контакта между адресантом и адресатом.

Совершая РА вопроса, адресант вступает в сферу существования адресата и в некотором роде нарушает правило непосягательства на его права, а также ограничивает его свободу выбора действий. Кроме того, вопрос может поставить адресата в затруднительное положение тогда, например, когда ему неизвестен ответ или он не намерен оглашать имеющуюся у него информацию. В таких случаях адресант делает дополнительные усилия, чтобы найти выход из создавшегося положения, и в этом случае прибегает к непрямым средствам. Адресат, меняясь коммуникативными ролями с адресантом и становясь говорящим, использует вопросительную форму с целью поддержания коммуникативного контакта с собеседником, ибо односложные ответы, а также ответы, связанные с предоставлением адресанту информации, требуемой в буквальном содержании иницирующей реплики, не дают развития беседы и лишают речь всякой эмоциональности. Другая причина – соблюдение принципа вежливости, так как реакция в прямой форме может быть расценена как бестактная.

И н и ц и и р у ю щ и е р е п л и к и

Некоторые общие по форме вопросы в действительности предполагаются говорящим для запроса конкретной информации. Вопросительное слово присутствует в них имплицитно, как бы в зашифрованном виде. С точки зрения выполняемой ими функции их можно назвать предварительными, направленными на проверку канала связи, т.е. имеющими фатическое начало. Происходит своеобразная коммуникативная игра: адресант и адресат на основании принципа максимальной кооперации [2] знают, что именно имплицитируют подобные вопросы. Если канал связи установлен, то адресат реагирует на скрытый смысл РА, если нет, то им воспринимается только то, что эксплицитно сказано.

N i n e t t e . – *¿Va a estar aquí mucho tiempo, monsieur?*

A n d r é s . – *Unos quince días* [Mh. 1, p. 153].

(Н: – *Вы здесь долго пробудете, господин?*/А.: – *Около пятнадцати дней.*)

Общий вопрос *¿Va a estar aquí mucho tiempo, monsieur?* имплицитирует смысл $\approx$ [*¿Cuánto tiempo va a estar aquí? – Сколько времени вы здесь пробудете?*]. Поскольку положительный контакт с реципиентом установлен, ответ дается именно на имплицитное содержание вопросительного высказывания.

В испанском языке маркерами фатического начала могут выступать неопределенные местоимения *algo/alguno/alguien* (что-то/кто-то) в общем вопросе, имплицитирующие специальный вопрос.

T o s h o . – *¿Pasa algo, Leandro?*

L e a n d r o . – *Ha venido la vieja y se ha llevado a la niña* [AS., p. 53].

(Т: – *Что-то происходит, Леандро?*/Л: – *Пришла старуха и увела малышку.*)

Имплицитная составляющая РА адресанта $\approx$ [*¿Qué pasa, Leandro? – Что происходит, Леандро?*]. Этот смысл облекается в форму общего вопроса для того, чтобы не ограничивать свободу адресата и дать последнему возможность при желании не реагировать на имплицитное содержание высказывания. Такое проявление вежливости со стороны адресанта по отношению к адресату правомерно считать одним из способов реализации фатической функции.

РА вопроса может быть осуществлен не только с помощью вопросительного предложения, но и с помощью предложений, относящихся к другим синтаксическим типам. И в этом случае, вторгаясь в сферу существования адресата, адресант проявляет заботу о «смягчении» такого вторжения.

Рассмотренные неопределенные местоимения заключают в себе семантику приблизительности, которая выступает богатым источником порождения вторичных смыслов, а также средством соблюдения вежливости. Так, специальный вопрос может быть задан посредством утвердительного РА при наличии в нем неопределенных местоимений, которые создают «диалогическую напряженность».

A s e l . – (*Risueño.*) *Algo más comentarías con él, novelista. A ti te gusta charlar.*

T o m á s . – (*Ríe.*) *Le hablé de Berta, y de lo simpáticos que sois todos...* [BV. 1, p. 78].

(А: – (*Весело.*) *Ты с ним что-то еще обсуждал, романист. Тебе нравится болтать.*/Т: – (*Смеется.*) *Я ему рассказал о Берте и о том, какие вы все милые...*)

Коммуникативный контакт между собеседниками представляется установленным. Это подтверждает ответная реплика адресата, которая выступает в качестве реакции на имплицитный адресантом специальный вопрос $\approx$ [*¿Qué comentarías con él? – Что ты с ним обсуждал?*]. В случае отсутствия контакта имплицитный смысл мог бы быть проигнорирован, а вербальная реакция и вовсе отсутствовать, так как высказывание, по сути, является повествовательным.

Маркером наличия фатической функции может выступать глагол *suponer* (*полагать*) в сочетании с другим глаголом в одном из будущих времен: Futuro simple, Futuro compuesto, Potencial simple, взятом в модальном значении. Такая комбинация в утвердительном высказывании имплицитно обозначает общий вопрос, при этом практически всегда глагол в будущем времени сопровождается отрицательной частицей *no*.

E l e n a . – *Supongo, además, que no habrás creído una sola palabra de todo lo que ha dicho de mí.*

A l f r e d o . – *En absoluto* [Mh. 2, p. 498].

(досл. Э: – *Полагаю, кроме того, что ты не поверил ни одному слову из всего, что он сказал обо мне.*/А: – *Ни в коем случае.*)

Первое, что обращает на себя внимание в реплике адресанта, – это имплицитный вопрос, содержащийся в утверждении $\approx$ [*¿Has creído lo que ha dicho de mí? – Ты поверил тому, что он сказал обо мне?*]. Представляется, что помимо имплицитного вопроса высказывание содержит информацию индексического характера. «Индексическая информация – это социально-психологическая информация о личности коммуникантов, их взаимоотношениях, психофизическом состоянии» [3, с. 7]. В данном случае индексическая информация связана с личной позицией адресанта по поводу предмета обсуждения $\approx$ [*Ты не должен верить тому, что он говорит обо мне. Это – ложь*]. Дальнейшее развитие коммуникации зависит от адресата. Он либо поддерживает позицию адресанта, гармонизируя отношения с ним, либо противоречит ей.

В испанском языке существует ряд грамматических времен, обладающих модальным значением. Глаголы в этих временах, входя в состав утвердительного высказывания, создают диалогическую напряженность, воспринимаемую как вопрос. Наиболее распространенными среди таких грамматических времен являются *Potencial simple*, *Futuro simple/Futuro compuesto*.

R u i z. – *Usted, naturalmente, al entrar en la casa y ver lo que vio no tocaría nada...*

M a r í a. – *No, señor. Me asusté tanto que salí corriendo, y entonces...* [Mh. 3, p. 430].

(Р : – *Вы, естественно, войдя в дом и увидев то, что увидели, ничего не трогали...* / М : – *Нет, сеньор. Я так испугалась, что выбежала и тогда...*)

Реплика адресанта может быть $\approx$ [*Вы к чему-нибудь прикасались в доме, когда вошли?*]. Этот вывод напрашивается на основании реплики-реакции адресата, которая представляет собой ответ на общий вопрос. Помимо имплицитного вопроса, на наш взгляд, в высказывании содержится информация, связанная с позицией самого адресанта $\approx$ [*Я надеюсь, что вы ни к чему не прикасались*], которая имеет отношение к фатической функции.

В испанском языке есть ряд грамматических времен, не имеющих модального значения. Среди них *Presente de indicativo*, *Pretérito perfecto de indicativo*, *Imperfecto*, *Indefinido*, которые, находясь в повествовательных или восклицательных РА, способны через имплицитную стадию вопроса производить фатические значения.

J u l í a. – *Te vas porque tú y yo no podemos ya vivir en el mismo barrio.*

G e r m a n. – *Puede que sea por eso... O puede que no... Tú no te preocupes de nada; no te preocupes de lo que yo pueda hacer, de lo que a mí pueda ocurrirme...* [BV. 2, p. 46].

(Х : – *Ты уходишь, потому что ты и я больше не можем жить в одном районе.* / Г : – *Может быть, поэтому... Или нет... Ты ни о чем не беспокойся; не беспокойся о том, что я могу сделать, о том, что со мной может произойти.*)

В приведенном примере утвердительное высказывание адресанта имеет иллокутивную силу вопроса, так как в нем содержится имплицитная просьба подтвердить или опровергнуть информацию. Этот вывод напрашивается на основании ответной реплики адресата такого сообщения. Отметим, что запрашиваемая информация не является когнитивно значимой, а служит для поддержания контакта между коммуникантами, т.е. носит фатический характер. Повествовательное высказывание обладает большим потенциалом к созданию КРА, в частности, к созданию вопроса.

Представляется, что главным мотивом использования повествовательного высказывания в функции вопроса является соблюдение принципа вежливости, который, как отмечает Г. Лич, зачастую играет решающую роль в формировании высказывания и в отборе языковых форм выражения коммуникативной цели. Вежливость выступает как принцип социального взаимодействия, в основе которого лежит уважение к личности партнера [4, с. 58].

Риторический вопрос (РВ) относится к тем языковым структурам, смысл которых не всегда идентичен их вербальному содержанию [5, с. 3]. В большинстве случаев РВ определяется как вопросительное по форме высказывание, содержащее уверенное экспрессивно-окрашенное утверждение или отрицание, побуждение или оценку. Цель РВ – «вызвать у адресата отрицание того, что кажется очевидным» или «добиться согласия адресата» [6, с. 156].

Среди РВ в испанском языке наиболее способным к производству фатических значений оказывается вопрос с *¿Es que...? (Неужели...?)*.

A r m a n d o . – Pero ¿qué dices, hombre? Pero ¿qué dices? ¿Es que en España tú no comes?

A n d r é s . – Bueno, más que aquí, sí. Pero yo sé de cada caso... [Mh. 1, p. 169].

(досл. Ар: – Что ты такое говоришь? Что ты говоришь? Неужели в Испании ты не ешь?/Ан: – Ну, больше, чем здесь, да. Но я ведь не знаю о каждом случае.)

Значение РВ выявляется путем семантической трансформации. В приведенном примере оно $\approx$ [‘Claro que en España tú comes también. – Конечно же, в Испании ты тоже ешь’]. Подобным вопросом адресант передает адресату информацию, связанную с позицией самого адресанта в отношении предмета обсуждения: желание услышать подтверждение своей мысли. Дальнейшее развитие диалога в русле унисона или диссонанса будет зависеть от того, примет ли эту позицию адресат.

РВ имитируют вовлеченность собеседника в обмен мнениями, но в то же время интеллектуально и эмоционально ориентируют получателя речи на согласие/несогласие с отправителем речи. Таким образом, о РВ правомерно говорить как об инструменте воздействия, посредством которого реализуется фатическая функция.

Р е а г и р у ю щ и е р е п л и к и

В репликах-реакциях вопросительное высказывание, выступая во вторичной функции, способно выполнить роль утверждения/отрицания. Так, при ответе на общий вопрос адресанта адресат может использовать общий вопрос с имплицитным значением $\approx$ [Да/Нет]. Через эту имплицит-

ную стадию утверждения/отрицания передается также информация индексического характера, связанная с психологическим состоянием адресата.

R o s a u r a . – *¿Se ha dormido la señora?*

T e r e s a . – *¿No lo estás viendo? Igual que siempre* [Mh. 4, p. 300].

(Р: – *Сеньора поспала?*/Т: – *Разве ты не видишь? Как обычно.*)

Значение реплики-реакции $\approx$ [‘Claro, que me he dormido. – Конечно же, я уснула’]. Помимо имплицитного смысла в высказывании содержится некоторая степень недовольства подобным вопросом, граничащая с раздражением. Эта информация связана с реализацией фатической функции.

Ответ на общий вопрос адресанта может также иметь вид специального вопроса и имплицировать значение $\approx$ [Да/Нет].

D u a s o . – *Entonces, ¿también usted corre peligro?*

A r r i e t a . – (*Se encoge de hombros.*) *¿Quién no?* [BV. 3, p. 428].

(Д: – *Так вы тоже подвергаетесь опасности?*/А: (*Съежившись.*) *А кто ей не подвергается?*)

Вопреки распространенному упрощенному представлению, значение КРА в большинстве случаев не сводится только к выражению какого-то другого РА (с некоторыми коннотациями вежливости, резкости, эмоциональности и т.п.); часто, особенно в случае с вопросом, это значение представляет собой гораздо более сложное образование. Так, вопросительная по форме реплика адресата *¿Quién no?* может обозначать $\approx$ [‘Конечно, я тоже подвергаюсь опасности. Сегодня все так или иначе ей подвергаются, и я не являюсь исключением’]. Подобный ответ содержит также информацию, связанную с нежеланием говорящего развивать дальше тему разговора, свидетельствующую о некотором недоверии к собеседнику, т.е. информацию фатического характера.

Часто вопросительное высказывание используется при ответе на специальный вопрос адресанта.

F e r n a n d o . – *¿Qué buscas?*

M a n o l í n . – *¿No traéis nada?*

F e r n a n d o . – *Ya ves que no* [BV. 2, p. 132].

(Ф: – *Что ты ищешь?*/М: – *А вы ничего не принесли?*/Ф: – *Ты же видишь, что нет.*)

Формально здесь реплика адресата представляет собой вопрос, а по подлинному коммуникативному намерению она является объяснением, ответом на предыдущий вопрос. Из семантики общего вопроса вычитывается $\approx$ [Смотрю, что вы мне принесли]. При ответе на специальный вопрос использование общего вопроса может служить для вуалирования, например, причины и восприниматься как более вежливая форма по сравнению с прямым ее объяснением. Вежливость связана с фатической функцией.

В то же время подобная форма ответа на специальный вопрос адресанта может использоваться и для выражения диаметрально противоположной информации индексического характера: отсутствия желания поддерживать коммуникативный контакт.

C o s m e . – *¿Quién puede ser?*

N u r i a . – *¿Quién quieres que sea?* [Mh. 5, p. 25].

(К: – *Кто это может быть?*/Н: – *И кто ты хочешь, чтобы это был?*)

В реплике адресата, кроме имплицитного ответа $\approx$ [*Claro, que es Federico. – Конечно же это Федерико*], который становится очевидным на основании контекста (ремарки автора в скобках), содержится информация, связанная с реализацией фатической функции $\approx$ [*‘Твой вопрос неуместен, так как ответ на него очевиден, и ты это знаешь не хуже меня’*].

В репликах-реакциях может встречаться модальное значение грамматических времен *Potencial simple*, *Futuro simple*, *Futuro compuesto* в утвердительных высказываниях, выполняющее роль предположения. Если в диалоге предположение высказывает адресат сообщения, вероятно, он хочет получить подтверждение или отрицание своего предположения от собеседника, то есть, по существу, получить ответ на вопрос. Такое выражение предположения связано с реализацией фатической функции на том основании, что оно менее категорично, чем прямое выражение суждения, предполагает ответ собеседника, следовательно, способствует развитию диалога и поддержанию контакта между коммуникантами на заданной волне.

L i n o . – *Le vi un día hablando con un guardián. Se reían.*

T o m á s . – *Le llevaría el aire.*

L i n o . – *Él siempre lleva el aire. También a ti te lleva el aire mejor que nadie, hasta que dijo que ya no te creía...* [BV. 1, p. 165].

(досл. Л: – *Я видел однажды, как он разговаривал с охранником. Они смеялись.*/Т: – *Должно быть, он просто принаравливался к нему.*/Л: – *Он всегда принаравливается. К тебе он тоже принаравливается лучше, чем кто-либо другой, пока не сказал, что больше тебе не верил.*)

Значение реплики адресата может быть $\approx$ [*‘¿A lo mejor le llevaba el aire? – (Может быть, он к нему принаравливался?)’*]. Такая форма выражает ненавязчивое, тактичное стремление последнего изменить точку зрения адресанта или, по крайней мере, предложить иные, отличные от эксплицитно выраженного, взгляды на проблему.

Вопросительные по форме высказывания, выступая как КРА, способны выполнять фатическую функцию, обеспечивая успешность коммуникации. Повествовательные высказывания реализуют фатическую функцию через имплицитную стадию вопроса. Вопросительные высказывания в целом, выступающие в качестве не прямых средств воздействия и взаимодействия, представляются широким полем для реализации фатической функции. В случае вопросов основными аспектами проявления фатической функции являются выражение вежливости и передача индексической информации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Русская грамматика: в 2 т. / Ин-т рус. яз. АН СССР; редкол.: Н.Ю. Шведова (гл. ред.) [и др.]. – М.: Наука, 1980. – Т. 2: Синтаксис. – 709 с.

2. *Грайс, Г.П.* Логика и речевое общение / Г.П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1985. – Вып. 16: Лингвистическая прагматика / под общ. ред. Е.В. Падучевой. – С. 217–237.
3. *Азнабаева, Л.А.* Критерии выделения фатических высказываний и особенности их функционирования в художественном тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Моск. гос. ин-т иностр. яз. им. М. Тореца. – М., 1989. – 17 с.
4. *Leech, G.P.* Principles of Pragmatics / G.P. Leech. – London ; N.Y. : Longman, 1981. – 250 p.
5. *Котовская, С.С.* Прагматический потенциал немецкого риторического вопроса / С.С. Котовская. – Минск : Минск. гос. лингв. ун-т, 1998. – 16 с. (Препринт № 30)
6. *Leech, G.A.* Communicative Grammar of English / G. Leech, J. Svartvik. – London ; N.Y. : Longman. 1994. – 423 p.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

Mh. 1 – *Mihura, M.* Ninette y un señor de Murcia / M. Mihura // Melocotón en almíbar. Ninette y un señor de Murcia. – Madrid: Espasa Calpe, S. A., 2007. – 294 p.

AS. – *Alonso de Santos, J. L.* La estanquera de Vallecas / J. L. Alonso de Santos. – Madrid: A. Machado Libros, S. A., 2005. – 64 p.

BV. 1 – *Buero Vallejo, A.* La fundación / A. Buero Vallejo. – Madrid: Espasa Calpe, S. A., 2008. – 242 p.

Mh. 2 – *Mihura, M.* A media luz los tres / M. Mihura // Teatro completo. – Madrid : Catedra, 2009. – 1632 p.

Mh. 3 – *Mihura, M.* Una mujer cualquiera / M. Mihura // Teatro completo. – Madrid : Catedra, 2009. – 1632 p.

BV. 2 – *Buero Vallejo, A.* Historia de una escalera / A. Buero Vallejo // Teatro español actual. – La Habana : Inst. del libro, 1970. – 338 p.

Mh. 4 – *Mihura, M.* El caso de la mujer asesinadita / M. Mihura // Teatro completo. – Madrid : Catedra, 2009. – 1632 p.

BV. 3 – *Buero Vallejo, A.* El sueño de la razón / A. Buero Vallejo // Obras selectas. – Madrid: Espasa Calpe S. A., 2002. – 644 p.

Mh. 5 – *Mihura, M.* Melocotón en almíbar / M. Mihura // Melocotón en almíbar. Ninette y un señor de Murcia. – Madrid: Espasa Calpe, S. A., 2007. – 294 p.

The article is dedicated to the problem of the relationship between the phatic function and indirect communication. Here the ways of realization of phatic function in the interrogative speech acts are *examined*. The phatic function is taken in the following aspects: politeness and information related with the personality of the participants of communication.

Поступила в редакцию 01.11.10

А.Б. Чиркун

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ НЕВЕРБАЛЬНЫЕ ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ И ИХ ПРЕЛОМЛЕНИЕ В КОММУНИКАТИВНОЙ СИТУАЦИИ РЕЧЕВОГО КОНФЛИКТА

(на материале невербального поведения носителей испанской культуры)

Статья посвящена выявлению специфики преломления кинесических, параязыковых и проксемических универсальных гендерных стереотипов в невербальном поведении носителей испанской коммуникативной культуры при актуализации речевых конфликтогенов. Инверсия кинесических и параязыковых универсальных гендерных стереотипов происходит в однополых конфликтах, в частности, когда во взаимодействие вступают женщины. Нарушение же сложившихся стереотипов, связанных с проксемическим поведением партнеров по общению, также характерно для женского невербального поведения, однако наблюдаются данные нарушения не только в однополых, но и в смешанных конфликтах.

Общеизвестно, что наряду с гендерной маркированностью речевого компонента коммуникации, невербальная составляющая акта общения также варьируется в зависимости от пола коммуникантов [1; 2; 3; 4; 5]. Исследования гендерных различий, отраженных в коммуникативном поведении партнеров по общению, привели не только к интерпретации отдельных особенностей речи, а также определенных жестов, поз и т.п. как (более) характерных для женщин либо как (более) характерных для мужчин, но и к дифференциации двух стилей коммуникативного поведения, в частности мужского/маскулинного и женского/фемининного (в терминах Г.Е. Крейдлина), отличающихся друг от друга формами и типами речевого и невербального поведения [6; 7; 8; 9]. Результаты исследования гендерной специфики коммуникативного взаимодействия представителей различных культур позволили ученым выделить так называемые *гендерные универсальные стереотипы* межличностного взаимодействия [1; 2].

Целью данной работы является выявление специфики преломления универсальных гендерных стереотипов, связанных с *кинетическим*, *параязыковым* и *проксемическим* поведением коммуникантов, в невербальном поведении носителей испанской коммуникативной культуры при актуализации речевых конфликтогенов.

Материалом исследования послужили извлеченные из современной испанской художественной литературы фрагменты диалогов, в которых представлены однополые и смешанные бытовые конфликты.

Анализ ряда работ, посвященных проблеме исследования содержания, структуры и стилей невербальной коммуникации полов, позволяет выделить следующие основные универсальные стереотипы маскулинного и фемининного стилей невербального диалогического взаимодействия [9]: *кинесические*, *параязыковые* и *проксемические* универсальные гендерные стереотипы.

В рамках данной работы мы остановимся лишь на тех разновидностях кинесических, параязыковых и проксемических универсальных гендерных стереотипов женского и мужского стилей невербального коммуникативного поведения, которые оказываются наиболее релевантными и для анализируемой коммуникативной ситуации.

Универсальные кинесические гендерные стереотипы

Учеными выделяются определенные жесты, позы, касания, характерные для маскулинного и фемининного стилей невербального поведения. Так, например, в случае «умственного затруднения или недоумения мужчины разных географических и культурных регионов потирают рукой подбородок или чуть тянут вниз мочки ушей, трут лоб, щеки или тыльную сторону шеи. Находящиеся в тех же самых интеллектуальных и психологических состояниях женщины пользуются совсем другими жестами. Например, они, несколько приоткрыв рот, прикладывают указательный палец к нижним передним зубам либо приставляют его к подбородку» [9].

Среди кинесических невербальных средств, использование которых традиционно соотносится с мужским стилем конфронтационного коммуникативного поведения, выделяются, например, стукнуть по столу, трясти кого-то, наброситься на кого-то, хватать (за руку), делать грубые/неприличные жесты и т.д. В качестве универсальных манифестаций женского стиля агрессивного кинетического поведения выступают следующие невербальные средства: скрестить на груди руки, оттолкнуть, дать пощечину и др. [2; 9].

Результаты анализа невербальных средств реализации речевых конфликтогенов в испанской коммуникативной культуре, с одной стороны, подтверждают наличие доминирующих стереотипов маскулинного и фемининного стилей кинетического поведения, а с другой – позволяют выявить определенную специфику данной разновидности невербального взаимодействия в исследуемой коммуникативной культуре.

Среди универсальных маскулинных форм кинетического поведения при конфликтном взаимодействии с женщинами в испанской коммуникативной культуре зачастую используются такие невербальные действия, как трясти женщину и хватать ее. Ср.: *La cogí por los hombros, la sacudí hasta que la hice daño. – Eres una insensata, tú eres la que debía tener miedo* (С.М. Gaite). ‘Я схватил ее за плечи, я тряс ее до тех пор, пока не причинил ей боль: – Да ты просто бестолочь, это ты должна была бояться’ (здесь и далее перевод наш. – А. Ч.). Кроме того, как в смешанных, так и в однополых конфликтах испанские мужчины зачастую стучат по столу. Ср.: *...el padre se levantó y dio un golpe terrible en la mesa: – Si vuelvo a oír... hablar de toro, o de santo, o de toro santo, ese mismo día rompo la mesa con el hacha, y a la casa le prendo fuego con un mixto* (L. Landero). ‘...отец встал и со страшной силой ударил по столу: – Если я еще хоть раз услышу разговоры о быке, о святом или о священном быке, в этот же самый день я разобью топором стол и подпалю дом спичками’.

Традиционно интерпретируемые как фемининные разновидности кинетического поведения, в частности поза со скрещенными руками, отталкивания и пощечины характерны для испанских женщин в смешанных конфликтах. Ср.: ...*Imperia daba vueltas alrededor de la mesa, con los brazos cruzados*. <...> – *No me han gustado nada tus comentarios* (Т. Моix). ‘Империя ходила вокруг стола **со скрещенными руками**: – Мне совершенно не понравились твои комментарии’; ...*ella levantó la mano para abofeterale*. – *¡Eres un chulo de lo más vulgar!* (Т. Моix). ‘...она подняла руку, чтобы **дать ему пощечину**: – Ты – наглец, каких свет не видывал!’’. Кроме того, в данной ситуации общения как в смешанных, так и в однополых конфликтах для испанских женщин весьма распространенной формой кинетического поведения являются такие позы и жесты, как *cabeza en alto* ‘высоко поднятая голова’, *cuerpo erguido* ‘распрямленное тело’, *dar un portazo* ‘хлопать дверьми’. Ср.: *Ella levantó la cabeza, con la extrema dignidad de una mujer juez*: – *No le contesto como debería porque tengo modales* <...> (Т. Моix). ‘Она подняла голову с достоинством женщины-судьи: – Я не отвечаю Вам, как стоило бы ответить, только потому, что я хорошо воспитана’.

Интересно отметить, что в однополых женских конфликтах зачастую происходит нарушение сложившихся гендерных стереотипов, связанных с кинетическим поведением женщин. Так, нами были зафиксированы отдельные случаи так называемой инверсии универсальных кинетических стереотипов, заключающейся в данном случае в использовании женщинами невербальных средств, традиционно соотносящихся с маскулинным стилем агрессивного поведения. Например, делать неприличные жесты, хватать друг друга и т.п. Ср.: *Regina saltó de la cama, agarrando a Judit por el borde del escote de su vestido*. <...> *Cuéntame, ¿qué le cotorreaste a Blanca durante las numerosas conversaciones que sostuvisteis a mis espaldas?* (М. Торрес). ‘Регина вскочила с кровати, **схватив Худит** за край воротника платья: – Расскажи мне, что ты накаркала Бланке во время многочисленных разговоров, которые вы вели за моей спиной?’. Данные наблюдения коррелируют со следующим замечанием Г.Е. Крейдлина: «хотя женщины в определенных типах диалога с мужчинами и в определенных типах социальных ситуаций (которые, видимо, по общей численности преобладают) занимают подчиненную позицию, те же женщины в других ситуациях предстают как доминантные, более агрессивные и менее уступчивые, чем мужчины» [1, с. 143].

Универсальные параязыковые гендерные стереотипы

К числу гендерных стереотипов, связанных с параязыковым поведением, как правило, относятся:

- а) более низкий тембр голоса у мужчин, чем у женщин;
- б) в состоянии волнения голос у женщин дрожит, часто становится громче обычного, доходит до крика [9].

Результаты исследования параязыковой реализации речевых конфликто-генов в испанской коммуникативной культуре подтверждают сложившиеся стереотипы относительно того, что в разнополых и в однополых конфликтах женщины чаще, чем мужчины срываются на крик. Кроме того, такая модуляция голоса, как дрожь, также свойственна в первую очередь женщинам. Ср.: *Ella le contestó con un grito feroz: – ¿Mejorarte para que te aproveche otra? ¡Que te eduque ella!* (Т. Моix). ‘Она ответила ему с неистовым криком: – Сделать лучше тебя, чтобы ты достался другой? Пусть тогда она занимается твоим воспитанием!’. *Te prohibo que me llames así – sentía que me temblaba la voz.* (М.Р. Janer). ‘Я запрещаю тебе так называть меня, – я чувствовала, что у меня дрожал голос’.

Между тем при исследовании высоты тона голоса мы обнаружили, что в однополых женских конфликтах зачастую происходит нарушение сложившихся стереотипов относительно высоты тона голоса, и женщины говорят в данной ситуации общения низкими голосами. Ср.: *Se gira brutalemente hacia su madre y le grita en voz baja: – ¿Por qué le quieres?* (М. Castro). ‘Она поворачивается резко к матери и выкрикивает ей низким голосом: – За что ты любишь его?’

Универсальные проксемические гендерные стереотипы

Традиционно считается, что мужчины обладают большими по сравнению с женщинами пространственными привилегиями [1, с. 110]. Тем не менее, как отмечает Г.Е. Крейдлин, на проксемию поведение коммуникантов влияет не только (а, может быть, даже и не столько) пол коммуникантов, сколько множество других факторов, в частности, степень знакомства, намерения партнеров по общению, тип их характера, физическое и психическое состояние, социальный ранг собеседников, наличие или отсутствие при их встрече посторонних лиц [1, с. 111].

В ходе анализа коммуникативной ситуации речевого конфликта было установлено, что испанские женщины демонстрируют большее разнообразие в способах проксемического взаимодействия, чем мужчины. Среди наиболее распространенных форм проксемического поведения женщин в однополых и смешанных конфликтах выделяются такие невербальные действия, как *separarse* ‘отодвинуться, отстраниться’, *apartarse* ‘отсесть, пересесть, отбежать’, *salir* ‘выходить’ и т.п. Ср.: *Tarsi se dirigió a la puerta, puso la mano en el pestillo, y preguntó seca: – ¿Has terminado ya?* (С.М. Gaite). ‘Тарси направилась к двери, положила руку на щеколду и сухо спросила: – Ты закончила?’

Что же касается мужчин, то как в смешанных, так и в однополых конфликтах нами были зафиксированы лишь единичные случаи проксемической манифестации невербального поведения, сводящейся, как правило, к такому невербальному действию, как *ir de prisa/ arrancar a andar* ‘быстро пойти’. Ср.: *Ten cuidado. Tú no dominas este mundo. Podría aplastarte*

antes de lo que esperas. – Ramón arrancó a andar sin volverse a mirarle (М.Р. Janer). ‘Берегись. Ты – не хозяин этого мира. Я мог бы раздавить тебя раньше, чем ты думаешь. – Рамон **быстро пошел**, не оглянувшись на него’.

Таким образом, очевидно, что на характер преломления универсальных невербальных гендерных стереотипов в коммуникативном поведении носителей определенной культуры влияет целая совокупность факторов, в том числе и национально-культурные нормы невербального коммуникативного взаимодействия, закрепленные за тем или иным этносом, и ситуация общения, в рамках которой взаимодействуют коммуниканты, а также так называемая гендерная составляющая акта общения, т.е. участие в речевом взаимодействии однополых или разнополых партнеров по коммуникации. Результаты проведенного анализа характера преломления универсальных невербальных гендерных стереотипов в испанской коммуникативной культуре при актуализации речевых конфликтогенов между разнополыми и однополыми партнерами по общению позволили, с одной стороны, подтвердить универсальность определенных кинесических и параязыковых стереотипов для испанского конфронтационного невербального поведения (например, традиционное соотнесение с маскулинным стилем невербального поведения таких действий, как удар по столу и т.д.), с другой стороны – выявить определенную гендерную специфику невербального поведения в анализируемой ситуации общения (инверсия универсальных кинесических и параязыковых гендерных стереотипов при взаимодействии в конфликте женщин). Кроме того, нам удалось продемонстрировать нерелевантность для испанского коммуникативного поведения в ситуации речевого конфликта проксемического гендерного стереотипа, связанного с большими пространственными привилегиями мужчин по сравнению с женщинами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крейдлин, Г.Е. Мужчины и женщины в невербальной коммуникации / Г.Е. Крейдлин. – М. : Языки слав. культуры, 2005. – 224 с.
2. Баженова, И.С. Экспрессия эмоций в контексте гендерных исследований / И.С. Баженова // Разноуровневые характеристики лексических единиц: Сб. науч. ст. / СГПУ. – Смоленск, 2001. – Вып. 4 : Слово в тексте. – С. 99–104.
3. Стернин, И.А. Некоторые жанровые особенности мужского коммуникативного поведения / И.А. Стернин // Жанры речи. – Саратов, 1999. – Вып. 2. – С. 178–185.
4. Барышникова, Г.В. Гендерные различия эмоционального коммуникативного поведения художественных партнеров (на материале французской литературы XVII–XX веков) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Г.В. Барышникова. – Волгоград, 2004. – 145 л.
5. Коноваленко, И.В. Роль гендерного фактора в коммуникативном поведении мужчин и женщин : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / И.В. Коноваленко. – Омск, 2003. – 145 л.

6. Земская, Е.А. О чем и как говорят женщины и мужчины / Е.А. Земская, М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова // Русская речь. – 1989. – №1. – С. 42–46.
7. Земская, Е.А. Особенности мужской и женской речи / Е.А. Земская // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект / О.П. Ермакова, Е.А. Земская. – М. : Наука, 1993. – С. 90–136.
8. Barloy, D.H. Sex role motor behavior: A behavioral check list : in 3 v. / D.H. Barloy // Behavioral assessment. – 1979. – V. 1. – P. 119–138.
9. Крейдлин, Г.Е. Мужчины и женщины в диалоге: невербальные гендерные стереотипы / Г.Е. Крейдлин // Диалог 2003 докл. междунар. конф. [Электронный ресурс]. – 2003. – Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/Archive/2003/Krejdlin.htm>. – Дата доступа: 12.02.2010.

This article is dedicated to the analysis of non-verbal universal gender stereotypes and their specific manifestation in the phonation, kinesis and proxemic communicative behaviour of representatives of Spanish culture in the communicative situation of a speech conflict.

Поступила в редакцию 11.11.10

РОМАНСКОЕ И ГЕРМАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Н.Н. Бартош

СТРУКТУРА *IL Y A* КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ БЫТИЙНОСТИ
ВЫСКАЗЫВАНИЯ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье затрагивается проблема определения семантического статуса высказываний, включающих безличную структуру *il y a*, во французском языке. Изучение различных точек зрения на данную проблематику показало, что наиболее распространенным является разграничение высказываний исследуемого типа на экзистенциальные (бытийные) и презентативные, что определяется не только общей семантикой предложения, но и референциальным статусом имени существительного, находящегося в постпозиции к *il y a*.

Анализ информационной структуры различных высказываний позволил прийти к заключению о преобладании в них значения бытийности (экзистенциальности) вне зависимости от референциальных характеристик именной группы. При этом референтное имя, как правило, включается в состав комплексной ремы, объединяющей значения бытийности и событийности, что позволяет квалифицировать высказывания такого типа как бытийно-событийные (экзистенциально-событийные).

Бесконечность высказываний об окружающей действительности (материальной и идеальной) и об отношениях предметов в мире можно свести к двум основным типам: в одних сообщается о существовании/несуществовании объектов, феноменов, индивидов, а в других факт существования последних является предпосылкой, что явно или имплицитно присутствует в содержании высказывания. Иными словами, в смысловую структуру таких высказываний уже входит *пресуппозиция существования* [1, с. 205–207]. Например, обмениваясь информацией о том, что *Mot ami a séché la classe*, участники диалога уже знают, что ‘есть некий ученик, который пропустил уроки’. Если мы говорим: *Michel est beau*, имя собственное называет известного нам человека, в противном случае высказывание было бы лишено всякого смысла. Пресуппозиция существования референта, выступающего в роли субъекта суждения, является, таким образом, необходимым условием его последующей характеристики [Там же, с. 359]. В высказываниях же типа (1) *Il existe des roses sans épines*; (2) *Il y a des touristes dans la rue* содержится информация о существовании референта в мире (1) и о его наличии (присутствии) в некоторой части мира (2). Данный тип высказываний получил название *бытийных*, или *экзистенциальных*. Их семантическая структура включает три компонента: *область бытия* или *пребывания*, зафиксированная по пространственным или временным параметрам (локализатор), *имя бытующего* в этой области *объекта* (предмета) и *факт* (показатель) *бытия* или *наличия* (бытийный предикат) [Там же, с. 212].

В современной лингвистике бытийность рассматривается как функционально-семантическая категория, «представляющая собой языковую интерпретацию мыслительной категории существования, и функционально-семантическое поле (ФСП), охватывающее разноуровневые средства языка, взаимодействующие при выражении отношений существования» [2, с. 10]. В ФСП бытийности традиционно включаются такие основные варианты значения бытия как существование – общее свойство всех объектов реального мира «быть действительными» без указания на их пространственную локализацию и наличие – «существование/нахождение в определенном месте» [3, л. 20]. Данная категория является универсальной, применимой ко всем естественным языкам, однако в каждом находит свои уникальные лексико-грамматические способы выражения. В этом проявляются как неповторимость языкового сознания народа-носителя языка, так и веками сложившиеся мировоззренческие и культурно-религиозные стереотипы нации.

Во французском языке таким исключительным способом репрезентации бытийного значения являются высказывания, включающие безличную структуру *il y a*. Эта структура уникальна уже потому, что не имеет точных аналогов ни в одном из европейских языков. По этой причине ее причисляют к так называемым *галлицизмам* (фр. *gallicisme*)¹. Она состоит из безличного местоимения *il*, имеющего синтаксический статус формального подлежащего (*sujet explétif*), местоимения-клитики *y* (когда-то используемого для указания места и потерявшего это значение в современном языке) и глагола *avoir* ‘иметь’ в форме 3-го лица единственного числа.

Исторически первичным значением глагола *avoir* было выражение обладания. Однако уже в старофранцузский период он стал использоваться в значении ‘иметься, находиться в каком-либо месте’, составив, таким образом, конкуренцию глаголу *быть* (*être*). Обязательным условием реализации бытийного значения *avoir* было наличие обстоятельства места. Имя, указывающее на объект бытия, могло стоять как в препозиции, так и в постпозиции к глаголу благодаря сохранившейся в то время двухпадежной парадигме склонения имен существительных (*cas sujet* и *cas régime*). При этом позиция подлежащего оставалась незаполненной. С утратой падежной парадигмы становится обязательным употребление местоимения *il* в позиции подлежащего. Местоимение *y* (*i*) использовалось только в случае отсутствия в предложении конкретного указания места и, таким образом, являлось полноценным анафорическим местоимением, имевшим референтный статус. Однако, постепенно утратив свою однозначность, *y* стало обязательным компонентом безличной формы глагола *avoir* со значением наличия и существования [5].

Регулярность использования этой формы некоторые лингвисты восприняли как появление самостоятельной лексической единицы – глагола *y avoir*, реализующего значение, отличное от *avoir*: «De nos jours, *y avoir* peut

¹ Галлицизм (от лат. *gallicus* ‘галльский, французский’) – в широком смысле: некоторая фонетическая или грамматическая особенность или элемент (слово, словосочетание, оборот речи, конструкция и т. п.) французского языка, отличающие его от других [4].

sémantiquement être considéré comme un verbe unique, absolument indépendant du verbe *avoir* au point de vue lexicologique. Ce verbe *y avoir* s'emploie beaucoup plus couramment que *il est* pour exprimer qu'une chose existe» [6, с. 511]. Эту же позицию разделяют М. Гревисс и А. Гус, причисляющие *y avoir* к собственнo-бeзличным глаголам, поскольку его можно рассматривать как «verbe distinct d'*avoir*» [7, с. 227].

Другая точка зрения нашла отражение в использовании термина *оборот* (*locution*) как идиоматической конструкции («*construction idiomatique*») [8, с. 80]. Е.Е. Корди поясняет, что конструкции подобно *il y a* являются «лексикализованными», «несвободными синтаксически» и не имеют «в системе языка соответствующей личной конструкции, в которой тот же самый глагол употреблялся бы как личный». Поэтому статус *il y a* определяется как «бытийный безличный оборот, так называемый презентатив» (фр. *présentatif*¹) [9, с. 121].

Данные термины отражают наиболее распространенные точки зрения на семантику *il y a*, встречающиеся в лингвистической литературе. Так, М. Рижель, Ж.-К. Пелла и Р. Риуль пишут о наличии двух значений у *il y a* – *презентативного* и *экзистенциального*: «*il y a joue le rôle d'un présentatif, analogue à voici, mais il exprime aussi l'existence et équivaut dans ce cas à il existe*» [11, с. 454–455]. Ж.-К. Анскомбр также разграничивает «*il y a existentiel*» в значении «имеется, существует» («*il existe*») и «*il y a présentatif*», служащий для высказывания о ранее упомянутом предмете или лице («*qui sert à introduire un propos sur un thème antérieur*»). При этом отмечается, что экзистенциальная семантика *il y a* допускает употребление только неопределенных детерминантов перед именем бытующего объекта: *Il y a (des/beaucoup de/plusieurs) conducteurs qui sont potentiellement dangereux*, в то время как после *il y a*-презентатива имя без проблем может сочетаться как с неопределенными, так и с определенными детерминантами: *Il y a (des/peu de/tous les) conducteurs de taxi qui font grève* [12, с. 95–96].

Ж.-М. Леар выделяет три семантических подтипа *il y a*: «*tours locatifs*», «*tours existentiels*» и «*tours clivés*»². Первые синонимичны «*il se trouve/on aperçoit*» и требуют обязательного наличия локативного элемента: *Sur l'autre trottoir, il y a quelques hommes*. Синонимами вторых являются «*il existe/on trouve*»: *Il y a désormais des usines qui traitent efficacement l'uranium/de traitement d'uranium/dans lesquelles on traite l'uranium*. И, наконец, последние («*tours clivés*») строятся по модели *il y a ...que/qui* и включают

а) высказывания с количественным ограничением (*quantification partitive*): *Il n'y a qu'avec toi que je me sens en sécurité*;

¹ Лингвистический словарь Larousse дает следующее определение термина *présentatif*: «on appelle *présentatifs* les mots ou les expressions qui servent à désigner quelqu'un ou quelque chose pour le mettre en rapport avec la situation» и в качестве примера приводит *c'est, voici, voilà* [10, p. 378].

² Некоторые лингвисты используют также термин *tour*, говоря об *il y a* (например, G. Kleiber, R. Le Bidois, J. Damourette, E. Pichon и др.). Такое употребление представляется не совсем оправданным в силу лексического значения слова *tour* – «манера писать, изображать, говорить; оборот речи» [13, с. 1098].

б) высказывания с событийной ремой (*énoncés événementiels rhématiques*): *Il y a le chien qui court après un lapin*. [14, с. 31].

В данной классификации несомненная заслуга лингвиста состоит в указании на событийный характер высказываний (б).

Ж.-К. Шевалье, называя конструкцию презентативом наравне с *c'est*, *voilà* и *voici*, отмечает значимость *il y a* в выражении значения бытийности: «*il y a marque l'émergence d'un phénomène; dans une perspective ontologique, il atteste l'existence ou la non-existence d'un phénomène, lequel n'a pas toujours besoin d'être déterminé et, encore moins, référé*» [15, с. 85].

Различные подходы к определению семантического статуса структуры *il y a* необходимо обобщить следующими, на наш взгляд, важными моментами. Во-первых, в вышеперечисленных классификациях «экзистенциальными» («бытийными») считаются только высказывания со значением 'существования в мире или его части', а высказывания со значением 'наличия' рассматриваются как «презентативные» или «локативные». Во-вторых, учеными учитывался и денотативный статус именной группы: экзистенциальные высказывания отражают нереферентный (экзистенциальный) или неопределенный референтный статус именной группы, а остальные – преимущественно определенный или слабо определенный референтный статус имени¹. Вместе с тем такое разграничение различных функционально-семантических подтипов высказываний с *il y a* не исключает их единой (общей) семантики. Анализ показывает, что их доминирующим значением остается выражение бытийности.

Употребление после *il y a* имени с неопределенным/слабо определенным референтным статусом или нереферентного имени, как правило, не вызывает сомнений в бытийном характере высказываний. Высказывания такого типа чаще всего используются как сообщения о существовании того или иного референта, и их относят к собственно-бытийным. Ср., например: *Il y a de la neige. Il y a des élèves dans la salle de classe. Il y a des gens allergiques à l'aspirine*, где констатируется наличие разных явлений/лиц в предметном мире. Указание на место не обязательно, если оно известно, выводится из контекста (например, в первом примере: снег – снаружи, на улице, в лесу и т.п.) или областью бытия является мир в целом (последний пример).

¹ При определении референциального статуса именной группы мы опираемся на классификацию типов соотносения именной группы с действительностью, разработанную Е.В. Падучевой, где устанавливаются различия между следующими денотативными статусами: 1) р е ф е р е н т н ы й статус, к которому относятся *определенный* (объект известен говорящему и адресату), *слабо определенный* (объект определен только для говорящего) и *неопределенный* (объект неизвестен говорящему) и 2) н е р е ф е р е н т н ы й статус, включающий *родовой* (соотнесенность объекта с типичным (эталонным) представителем класса), *экзистенциальный* (соотнесенность с объектом/множеством неиндивидуализированных объектов какого-либо класса), *универсальный* (соотнесенность с любым, всяким представителем класса), *атрибутивный* (номинация обобщающего характера, семантически связанная с предикатом и выполняющая характеризующую функцию) [16, с. 87–98].

Отдельным подтипом собственно-бытийных высказываний являются так называемые интродуктивные¹ высказывания, используемые в качестве зачина, завязки. Стандартное начало любой сказки, повествования – это бытийное предложение, которое вводит необходимую информацию о важных для развития событийной линии референтов: *Il y avait une fois un jeune seigneur nommé Federigo, beau, bien fait, courtois et débonnaire, mais de mœurs fort dissolues* (P. Mérimée).

Принято считать, что наличие конкретного референтного обозначения бытийного объекта противоречит главному требованию экзистенциальных предложений – констатации наличия референта, о котором еще не было речи, поскольку референтному имени «со статусом определенности соответствует презумпция существования и единственности объекта в общем поле зрения говорящего и слушающего» [16, с. 87]. Проанализируем данное положение на примере следующих высказываний: *Il y a le plombier à la porte. Il y a Jean dans le bus. Il y a ton sac par terre*. Как отмечают авторы «Grammaire méthodique du français», важным компонентом высказываний такого типа является обстоятельство места [11, с. 455] (*à la porte, dans le bus, par terre*). Ср.: **Il y a le plombier. *Il y a Jean. *Il y a ton sac*. Однако целью говорящего является не сообщение о местонахождении предмета/лица. Для этого логичнее было бы употребить локативную конструкцию (*Le plombier est à la porte*). Не является целью и сообщение о самом предмете/лице: они заранее известны адресату, и их единственность для собеседников задается предшествующими знаниями о них. Говорящий информирует адресата не просто о сантехнике, Жане, сумке, а о сантехнике, приход которого ожидался и который в данный момент стоит у двери, о Жане, который находится в автобусе и которого знают участники коммуникации, о сумке, которую говорящий неоднократно видел у адресата (тебя) и которая сейчас лежит на земле.

Обстоятельство места не выполняет идентифицирующей (индивидуализирующей) функции в отношении объекта: область бытия (*à la porte, dans le bus, par terre*) и имя бытующего объекта/референта (*le facteur, Jean, ton sac*) являются равноправными компонентами одного положения дел – события, которое вводится при помощи *il y a*. Информативность именной и локальной групп создает, таким образом, монорему высказывания. Можно предположить следующую ситуацию: один участник диалога просит другого открыть дверь. Вполне логичен вопрос адресата: «Зачем? Для чего? В чем дело? Что происходит?» (вопрос событийного характера) – «*Mais à quoi bon (Pour quoi faire)? Qu'est-ce qu'il y a? (= Qu'est-ce qui se passe?)*». Ответом на вопрос и будет: *Il y a le plombier à la porte*. В ответе сообщается не о человеке, а о связанной с ним ситуации (сантехник ждет у двери). Ответ-высказывание относится к бытийному типу, но в отличие от собственно-бытийного (экзистенциального) его можно определить как э к з и с т е н ц и а л ь н о - с о б ы т и й н о е (б ы т и й н о - с о б ы т и й н о е).

¹ В лингвистической литературе существует также термин *интродуктор* (фр. *introduceur*) для обозначения конструкций, используемых для введения объекта в речь. К ним причисляют и *il y a* [7, с. 308–310].

В этот же тип включаются и высказывания с относительным придаточным предложением (в классификации Ж.-М. Леара они соответствуют типу «*énoncé événementiel rhématique*»): причем имя бытующего объекта может иметь как определенный референтный статус: *Il y a l'ordinateur qui a planté tout à l'heure. Il y a la fille de la voisine qui joue dehors*, так и неопределенный: *Il y a un étudiant qui vous demande*.

Способность высказываний, построенных по модели *Il y a N qui*, сообщать о событии, помещая его в позицию ремы, не осталась без внимания исследователей. Так, Н. Фурукава относит событийные придаточные предложения к «псевдоотносительным» (*pseudo-relatives*), поскольку они не характеризуют антецедент, а выполняют по отношению к нему предизирующую функцию. Вместе придаточное и антецедент создают нерасчлененное монорематическое (тетическое) высказывание («*un énoncé thétique*»), которое представляет событие как единый информационный блок («*sert à présenter un événement comme un bloc*») [17, с. 88].

Таким образом, основное условие выражения экзистенциальных отношений – новый референт (в данном случае им является событие) и его включенность в состав ремы – оказывается соблюденным. В позицию «бытующего объекта» помещается целое событие, о существовании/наличии которого сообщается в высказывании.

Интерпретация события как полноправного компонента семантической структуры высказывания вписывается в лингвистические теории, в рамках которых изучалась данная категория (Д. Дэвидсон, З. Вендлер, Н.Д. Арутюнова, Д. Ван де Вельде и др.). Наряду с предметами и индивидами события являются реально существующими объективными единицами отображения реальной действительности, обладающими внутренней структурой и пространственно-временными параметрами [18, с. 7], благодаря чему в бытийных предложениях можно утверждать существование не только отдельных объектов, но и «ситуаций (событий), представляющих комбинации предметов и лиц» [3, л. 16].

Возможность оперировать такими понятиями, как наличие/существование события подтверждается и тем, что граница между собственно-бытийной и событийной семантикой высказывания часто размыта (подвижна). Так, высказывание *Il y a un serpent dans la maison* может иметь двоякую интерпретацию. Его истинное значение определяется прагмакоммуникативными установками говорящего, которые получают реализацию в момент звучащей речи благодаря просодическим характеристикам: ударениям, интонации, паузам.

Если в коммуникативном фокусе оказывается только имя (*un serpent*), и говорящий маркирует его выделительным ударением, высказывание квалифицируется как собственно-экзистенциальное, если фокус создают имя и обстоятельство места (*un serpent dans la maison*), – как экзистенциально-событийное.

К особым случаям употребления определенных референтных имен в бытийных высказываниях с *il y a* относятся сообщения-напоминания. Их цель – напомнить о наличии/существовании лица, предмета или события, что

важно для говорящего либо его собеседника: *Mais il y a l'anniversaire de Marie ce soir!*

Экзистенциальные высказывания, построенные по модели *Il a y N et N* и содержащие имплицитную оценку говорящего в отношении называемого класса предметов, типа *Il y a champagne et champagne*, интерпретируются следующим образом: *il y en a de bon (vrai) et de mauvais (faux)* [8, с. 92–93]. Подобные высказывания специфичны для конкретных речевых ситуаций: клиент (ресторана) таким «косвенным» способом выражает свое недовольство поданным ему напитком («Есть шампанское и шампанское», т.е. соответствующее продукту высокого класса, и не соответствующее требованиям такого качества, которое и подают в этом ресторане).

Появление нулевого артикля – показателя идеи, «ментального представления», отражающего внутренний дискурсивный мир говорящего [Там же, с. 100], становится еще одним доказательством наличия глубинной семантики высказываний с *il y a*, их потенциала в выражении разнообразных оттенков бытийности. Присутствие структуры *il y a* в высказываниях свидетельствует о преобладании значения бытийности (экзистенциальности) при любых характеристиках именной группы. Для того чтобы определить «бытийный» статус таких высказываний во французском языке, требуется всесторонний анализ разных аспектов этих функциональных единиц: семантико-синтаксического, референциального, дискурсивного и прагмакоммуникативного.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова, Н.Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы / Н.Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1976. – 383 с.
2. Сюткина, М.Ю. Межкатегориальные связи экзистенциальных и посесивных конструкций : на материале английского и русского языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / М.Ю. Сюткина. – Ижевск, 2004. – 25 с.
3. Бондарчук, Л.Г. Семантико-синтаксическая организация бытийных предложений в современном французском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / Л.Г. Бондарчук. – Минск, 1987. – 153 л.
4. Демьянков, В.З. Галлицизмы / В.З. Демьянков // Большая Российская энциклопедия : в 30 т. – Т. 6 : Восьмеричный путь – Германцы / отв. ред. С.Л. Кравец. – М. : БРЭ, 2006. – С. 328.
5. Carlier, A. Le complément de la localisation spatiale: entre argument et adjoin / A. Carlier, L. Sarda // Actes du 2e Colloque mondial de Linguistique française, juillet 2010 [Electronic resource]. – Mode of access : http://www.linguistiquefrancaise.org/articles/cmlf/abs/2010/01/cmlf2010_000251/cmlf2010_000251.html – Date of access : 02.09.2010.
6. Damourette, J. Essai de grammaire de la langue française: en 7 vol. / J. Damourette, E. Pichon. – Genève : Slatkine reprints, 1983. – Vol. 4. – 715 p.
7. Grevisse, M. Nouvelle grammaire française / M. Grevisse, A. Goosse. – Paris : Duculot, 1980. – 352 p.

8. *Picabia, L.* Il y a démonstration et démonstration: réflexion sur la détermination de l'article zéro / L. Picabia // *Langue française*. – Paris, 1986. – № 72. – P. 80–101.
9. *Корди, Е.Е.* Безличные конструкции в современном французском языке (синтактико-деривационный и типологический подход) / Е.Е. Корди // *Вопр. языкознания*. – М. : Наука, 1994. – № 3. – С. 115–128.
10. *Grand dictionnaire Linguistique & Sciences du langage*. – Paris : Larousse, 2007. – 514 p.
11. *Riegel, M.* Grammaire méthodique du français / M. Riegel, J.-C. Pellat, R. Rioul. – Paris : PUF, 1994. – 646 p.
12. *Anscombre, J.-Cl.* Partitif et localisation temporelle / J.-Cl. Anscombre // *Langue française*. – Paris, 1996. – Vol. 109, № 1. – P. 80–103.
13. *Гак, В.Г.* Новый французско-русский словарь / В.Г. Гак, К.А. Ганшина. – М. : Рус. яз., 1995. – 1195 с.
14. *Léard, J.-M.* Les gallicismes: étude syntaxique et sémantique / J.-M. Léard. – Bruxelles : De Boeck Université, 1992. – 281 p.
15. *Chevalier, J.-Cl.* Exercices portant sur le fonctionnement des présentatifs / J.-Cl. Chevalier // *Langue française*. – Paris, 1969. – Vol. 1, № 1. – P. 82–92.
16. *Падучева, Е.В.* Высказывание и его соотносительность с действительностью: Референциальные аспекты семантики местоимений / Е.В. Падучева. – М. : Наука, 1985. – 272 с.
17. *Furukawa, N.* Le facteur qui passe! – le mécanisme formateur d'un énoncé thétiqque / N. Furukawa // *Complétude et incomplétude dans les langues romanes et slaves: Actes du VI colloque intern. de linguistique romane et slave*. – Warszawa : Wyższa Szkoła Pedagogiczna, 1993. – P. 87–111.
18. *Asnes, M.* Événements, prédicats, arguments: quelques points de repère / M. Asnes, L. Kupferman // *Langage*. – Paris : Larousse. – № 169. – P. 7–33.

The article deals with the problem of the semantics of French sentences constructed around *il y a*. The analysis of their informational structure has shown that the dominant semantic of this kind of sentences is the expression of existence regardless of the referential features of the nominal group.

Поступила в редакцию 12.10.10

Е.Д. Долматова

ИДЕНТИФИКАЦИЯ АНГЛИЙСКИХ СОГЛАСНЫХ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ПОЗИЦИИ В СЛОВЕ И ПРОСОДИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ФРАЗЫ

В статье излагаются результаты исследования перцептивной идентификации английских согласных в различных фонетических контекстах в спонтанной речи. Аудитивные тесты в трех условиях предъявления стимулов – изолированно, в слове и в составе слова – подтвердили зависимость вероятности идентификации согласных от названных факторов, а также от их положения в слове/акцентной единице, позиции слова/акцентной единицы во фразе и от ударности/неударности предшествующего/

последующего гласного. Было показано, что согласные обладают собственной фонетической информацией, достаточной для их идентификации. При этом диапазон вероятности распознавания отдельных согласных в спонтанной речи варьирует в широких пределах.

Вопросы идентификации сегментных единиц не раз становились предметом специального изучения в фонетике, экспериментальной психологии, психоакустике, психолингвистике и других областях [1; 2; 3; 4; 5]. В целом ряде экспериментально-фонетических работ особо ставились вопросы определения признаков звуковых единиц, полезных для фонемной идентификации [4]; установления акустических ключей для распознавания фонем и их последовательностей [2; 3]; влияния фонологической системы родного языка на восприятие звуков чужого языка [1] и т.д. Повышенный интерес к изучению идентификации сегментных единиц, который наблюдается в последнее время, объясняется не только требованиями дальнейших теоретических и экспериментальных исследований, но и необходимостью поиска новых методов решения прикладных задач в области автоматического синтеза и распознавания речи [5].

С целью изучения вероятности перцептивной идентификации английских смычно-взрывных, щелевых и смычно-щелевых согласных нами был проведен аудитивный анализ с привлечением 5 аудиторов-носителей языка и 5 аудиторов-неносителей английского языка, специалистов в области фонетики. Их задача состояла в идентификации фонемной принадлежности изучаемых согласных при предъявлении 1) без предшествующего/ последующего гласного, т.е. изолированно; 2) с предшествующим/ последующим гласным, т.е. в слоге (СГ или ГС); 3) в составе слова. Все стимулы были выделены при помощи компьютерной программы Sound Forge 8.0. из связанных фрагментов спонтанной речи. При этом весь экспериментальный материал был построен на речи одного испытуемого-мужчины. Такое ограничение по числу дикторов-испытуемых вполне компенсировалось объемом экспериментальной выборки (3546 стимулов), которая обеспечивает получение статистически надежных результатов. Здесь важно также указать на принципиальную возможность использования записей одного испытуемого, поскольку обсуждаемая проблема – идентификация фонем, а не их фонетическая реализация, и в этом смысле важно, чтобы анализировалась речь, репрезентирующая произносительную норму английского языка.

Стимулы были записаны на CD-диск в wav-формате и сгруппированы в 3 серии, каждая из которых, в свою очередь, была разделена на 12 мини-серий, соответствующих числу фонетических позиций. Каждая мини-серия содержала от 80 до 140 согласных и длилась приблизительно 8–10 минут.

Для создания оптимальных условий эксперимента со всеми аудиторами была проведена предварительная работа, и они были, таким образом, подготовлены к выполнению поставленной перед ними задачи.

Предварительный анализ ответов, полученных от двух групп аудиторов, свидетельствует о сходстве процентных показателей между вероятностью идентификации согласных фонем информантами-носителями и фонетистами-неносителями английского языка во всех условиях предъявления стимулов. Тот факт, что ответы информантов-носителей и аудиторов-неносителей английского языка существенно не различались, еще раз подтверждает возможность высокой степени сформированности перцептивно-артикуляционной базы билингвов при условии обучения фонетике на профессиональном уровне.

Результаты проведенного анализа также подтверждают наше предположение о том, что, чем шире фонетический контекст, тем выше вероятность верного фонемного распознавания согласного (рис. 1).

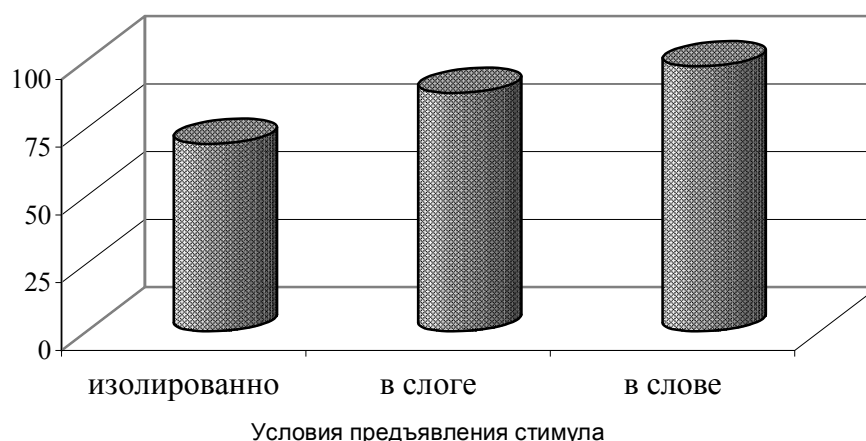

Рис.1. Идентификация согласных фонем в зависимости от условий предъявления стимула, %

Относительно высокий процент вероятности идентификации стимулов при предъявлении изолированно (69,2 %) свидетельствует о том, что согласный не полностью зависим от предшествующего/последующего гласного, т.е. он обладает собственной фонетической информацией, достаточной для его идентификации. Кроме того, возрастанию информативности согласных в спонтанной речи, как отмечается в диссертационном исследовании О.В. Мурай, способствует ослабление различительной функции гласных [6, с. 23].

Согласно полученным данным, распознавание согласных при предъявлении в слове в значительной степени обусловлено слоговым составом слова (односложное/многосложное), а также факторами, относящимися к смысловой структуре фразы и, следовательно, к ее просодической организации (позиция слова в синтагме и во фразе; его выделенность/невыделенность в синтагме/фразе; степень слияния со служебным словом и т.д.). Так, например, в односложных словах, находящихся в позиции дезакцентуации (невыделенности) во фразе, наблюдается тенденция к увеличению случаев неверного распознавания согласных фонем (например, *that* vs *bad* ‘тот’ vs ‘плохой’, *find* vs *bind* ‘находить’ vs ‘завязывать’). Более уверенное распознавание согласных фонем в многосложных словах является следствием большей лексической предсказуемости последних. Вместе с тем, как показывает

анализ ответов аудиторов, нередко случаи, когда в многосложном слове не распознается конечный согласный, что приводит к недодифференциации словоформ типа *study* ‘изучение/изучаю(т)’ vs *studied* ‘изучал(а/и)’ vs *studies* ‘изучение/изучает’, а также слов и словосочетаний типа *plotted* ‘изображенный на схеме/графике’ vs *plot it* ‘наносить что-либо на карту/график и т.д.’. Можно предположить, что причиной смещения слов/словоформ с разными согласными, особенно аудиторами-неносителями языка, является их бо́льшая ориентация на акустический сигнал (акустические признаки) в ущерб семантике.

Сравнительный анализ протоколов аудитивного анализа, полученных при предъявлении согласных в трех разных условиях, показывает, что в большинстве случаев затруднения в идентификации той или иной фонемы возникали у разных аудиторов в одних и тех же словах. По сравнению с идентификацией изолированных согласных, более широкий смысловой контекст, с одной стороны, уменьшает фонетическую неопределенность стимула и делает ответы испытуемых более уверенными. С другой стороны, в ряде случаев распознавание стимула в слове не отличается существенно от распознавания в слоге и в условиях изолированного предъявления. Так, например, глухой смычно-взрывной конечный согласный [k] из слова *stuck* ‘застрял’ при предъявлении изолированно и в слоге был воспринят большинством аудиторов как глухой щелевой [f], а само слово воспринималось как *stuff* ‘вещество’, что отражает влияние на распознавание согласного [k] фрикатизированности словоконечных аллофонов фонемы [k] в спонтанной речи. Представляется естественным, что все согласные фонемы, которые были распознаны подавляющим большинством аудиторов при прослушивании без вокалического контекста, были распознаны ими и при предъявлении в слоге и в слове.

Для анализа ошибочных ответов аудиторов были использованы матрицы смещений (замен), полученные отдельно для согласных, предъявляемых изолированно, в слоге и в слове (рис. 2).

Анализ матриц позволил выявить фонемы, которые являются наиболее/наименее устойчивыми к перцептивным заменам. Так, из приведенных на рис. 2 данных видно, что наименьшее количество смещений характерно для смычно-щелевых [tʃ] и [dʒ], а также щелевых [ʃ], [ʒ], [s] и [z].

Особый интерес представляет восприятие апикально-альвеолярных щелевых [s] и [z] как апикально-альвеолярного смычно-взрывного [t], что может быть объяснено спецификой реализации данных фонем в современной произносительной норме. В речи носителей языка при реализации щелевых [s] и [z] их качество может быть ослаблено, при этом в ряде случаев щели, по-видимому, может предшествовать небольшая смычка, что на уровне слухового анализа воспринимается как смычно-взрывной фрикатизированный согласный [t].

	t	d	k	g	p	b	s	z	f	v	θ	ð	ʃ	ʒ*	tʃ	dʒ
t	75,3	11,0	4,7	0,7	1,4	0,7	3,4	0,7	–	0,7	–	–	0,7	–	0,7	–
d	3,7	76,1	3,7	2,2	–	6,8	–	–	–	6,1	–	0,7	–	–	–	0,7
k	0,9	2,8	70,6	11,1	7,4	1,8	–	–	1,8	1,8	0,9	0,9	–	–	–	–
g	–	6,0	11,9	67,2	–	11,9	–	–	–	–	–	3,0	–	–	–	–
p	–	–	2,0	–	61,2	28,7	–	–	2,0	5,1	–	1,0	–	–	–	–
b	–	3,9	1,3	1,3	6,6	73,7	–	–	–	13,2	–	–	–	–	–	–
s	2,7	–	–	–	–	–	68,5	27,9	–	–	–	0,9	–	–	–	–
z	4,3	–	–	–	–	–	8,6	85,7	–	1,4	–	–	–	–	–	–
f	1,1	–	–	–	1,2	–	–	–	54,0	2,3	41,4	–	–	–	–	–
v	–	1,4	1,3	–	1,4	1,3	–	–	10,8	62,2	6,8	14,8	–	–	–	–
θ	–	–	7,4	–	2,4	–	–	–	24,4	2,4	51,2	12,2	–	–	–	–
ð	–	16,7	2,4	–	–	11,9	–	–	4,7	16,7	14,3	33,3	–	–	–	–
ʃ	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	80,6	16,1	3,2	–
ʒ*	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	33,3	66,7	–	–
tʃ	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	86,5	13,5
dʒ	–	4,0	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	2,0	6,0	6,0	82,0

Рис. 2. Матрица смешений фонем при идентификации (изолированно), %

Наименее устойчивыми к перцептивному смешению являются, по нашим данным, смычно-взрывные согласные. Среди этой группы согласных наибольшее количество смешений (в порядке убывания) зафиксировано для фонем [t], [d] и [k]. Это означает, что названные согласные оказываются наиболее вариативными в плане их фонетической реализации в речи. Смычно-взрывной [t] перцептивно близок к щелевым [s], [z] и [ʃ] и смычно-щелевому [tʃ]; смычно-взрывные [k] и [p] – к щелевым фрикативным [f], [v], [θ] и [ð], что может быть связано с ослаблением признака ‘смычность’. Как известно из литературы, при ослаблении смычно-взрывных согласных смычка значительно сокращается или даже вообще отсутствует, вследствие чего они воспринимаются как щелевые фрикативные. Смешение глухих согласных [p], [t], [k] и звонких [b], [d], [g], в основном, имеет место в случаях, когда глухие согласные представлены слабоаспирированными реализациями со слабым взрывом. Это позволяет заключить, что сильноаспирированные аллофоны [p], [t], [k] являются более коммуникативно надежными для тех слушателей, которые сами в своей речи произносят их с аспирацией. Звонкие согласные воспринимаются как глухие, если они представлены реализациями с более сильным взрывом.

На основании данных по смешению фонем была проанализирована значимость отдельных различительных признаков для распознавания фонем (таблица). Как видно из таблицы, различительные признаки фонем имеют неодинаковую значимость для слухового восприятия. Приведенные данные также показывают, что наиболее часто стимулы смешивались по одному или

двум признакам и лишь в единичных случаях – по трем признакам. При этом наиболее сильным признаком, достаточным для смешения фонем, является ‘глухость/звонкость’. Более высокие процентные показатели смешения всех фонем по указанному признаку не подтверждают точки зрения, высказываемой рядом авторов, в частности в работах по теоретической фонетике английского языка, о том, что в силу возможности нейтрализации различий по глухости/звонкости фонемы противопоставлены по фортисности/ленисности [7, с. 129]. Тот факт, что различие по глухости/звонкости может быть нейтрализовано, действительно имеет место и в наших данных. Важно, однако, что отсутствие различий по глухости/звонкости является достаточным для неверной идентификации фортисных/ленисных согласных. Обращает на себя внимание и тот факт, что идентификация согласных как глухих или звонких не равновероятна.

Вероятность смешения отдельных признаков
при неправильной идентификации согласных, %

Фонемы	Всего не распознано	Из общего числа неидентифицированных фонем не распознано						
		по одному признаку			по двум признакам			по трем признакам
		место образования	способ образования	глухость/звонкость	место образования, глухость/звонкость	способ образования, глухость/звонкость	место, способ образования	место, способ образования, глухость/звонкость
t	24,7	6,1	3,4	11,0	1,4	0,7	1,4	0,7
d	23,9	9,0	–	3,7	3,7	–	7,5	–
k	29,4	8,3	–	11,1	4,6	–	2,7	2,7
g	32,8	17,9	–	11,9	–	–	3,0	–
p	38,8	3,1	–	28,7	–	–	2,0	6,1
b	26,3	5,2	–	6,6	1,3	–	13,2	–
s	31,5	–	2,7	27,9	0,9	–	–	–
z	14,3	1,4	–	8,6	–	4,3	–	–
f	46,0	41,4	–	2,3	–	–	2,3	–
v	37,8	14,8	–	10,8	6,8	–	2,7	2,7
θ	48,8	26,8	–	9,8	2,4	–	9,8	–
ð	66,7	16,7	–	14,3	4,7	–	28,6	2,4
ʃ	19,4	–	–	16,1	–	3,2	–	–
ʒ	33,3	–	–	33,3	–	–	–	–
tʃ	13,5	–	–	13,5	–	–	–	–
dʒ	18,0	–	6,0	6,0	–	2,0	4,0	–

Аудиторы, которым предъявляются выделенные из контекста согласные и которые не могут по характеристикам этих согласных опознать их как звонкие или глухие, чаще обозначают предъявляемый глухой стимул как звонкий (с оттенком оглушения). Этот факт свидетельствует о реальности

иерархических отношений между членами фонологического противопоставления: отсутствие фонетической информации о признаке компенсируется большей вероятностью одного из них [8, с. 133]. Щелевые фрикативные [f], [v], [θ] и [ð] чаще не различаются или по месту образования, или по месту и способу образования, реже – по глухости/звонкости.

Сравнительный анализ данных по идентификации согласных в различных условиях предъявления показал, что при расширении контекста изменяется характер ошибочного восприятия стимулов. Так, при предъявлении согласных в слоге зафиксировано значительно меньшее разнообразие смещений и, как уже было отмечено, меньшее количество неверно идентифицированных фонем.

Результаты идентификации согласных фонем в зависимости от их положения в слове приведены на рис. 3. Как и предполагалось, словоначальные согласные в целом распознаются лучше, чем срединные и словоконечные, что может быть объяснено их большей маркированностью начала следующего слова в процессе планирования и реализации речевого высказывания.

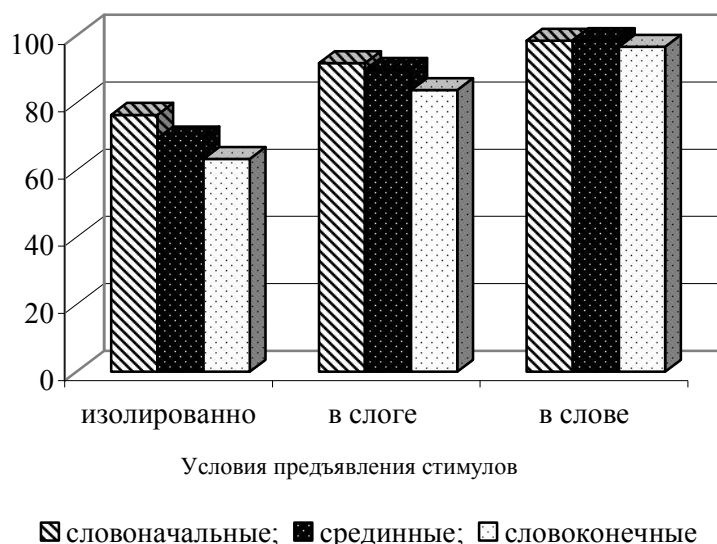

Рис. 3. Идентификация согласных фонем в зависимости от их положения в слове, %

По данным статистической обработки, достоверными являются различия между идентификацией словоначальных и словоконечных согласных, что свидетельствует о роли словоконечных согласных в маркировании различий между межсловными и межсинтагменными стыками, а также между срединными и словоконечными согласными в первой акцентной единице (а.е.).

Условия предъявления стимулов существенно влияют, как было показано на рис. 1 и 3, но не изменяют кардинальным образом направленность выявленных тенденций в вероятности идентификации согласных. С учетом этих данных мы ограничились более подробным анализом результатов дальнейших аудитивных тестов на материале изолированных

согласных. Рассмотрение особенностей их распознавания представляет собой особый интерес с точки зрения изучения собственных фонетических характеристик согласных.

На рис. 4, а и 4, б представлены результаты идентификации изолированных словоначальных и словоконечных согласных перед/после ударного гласного в зависимости от фразовой позиции акцентной единицы.

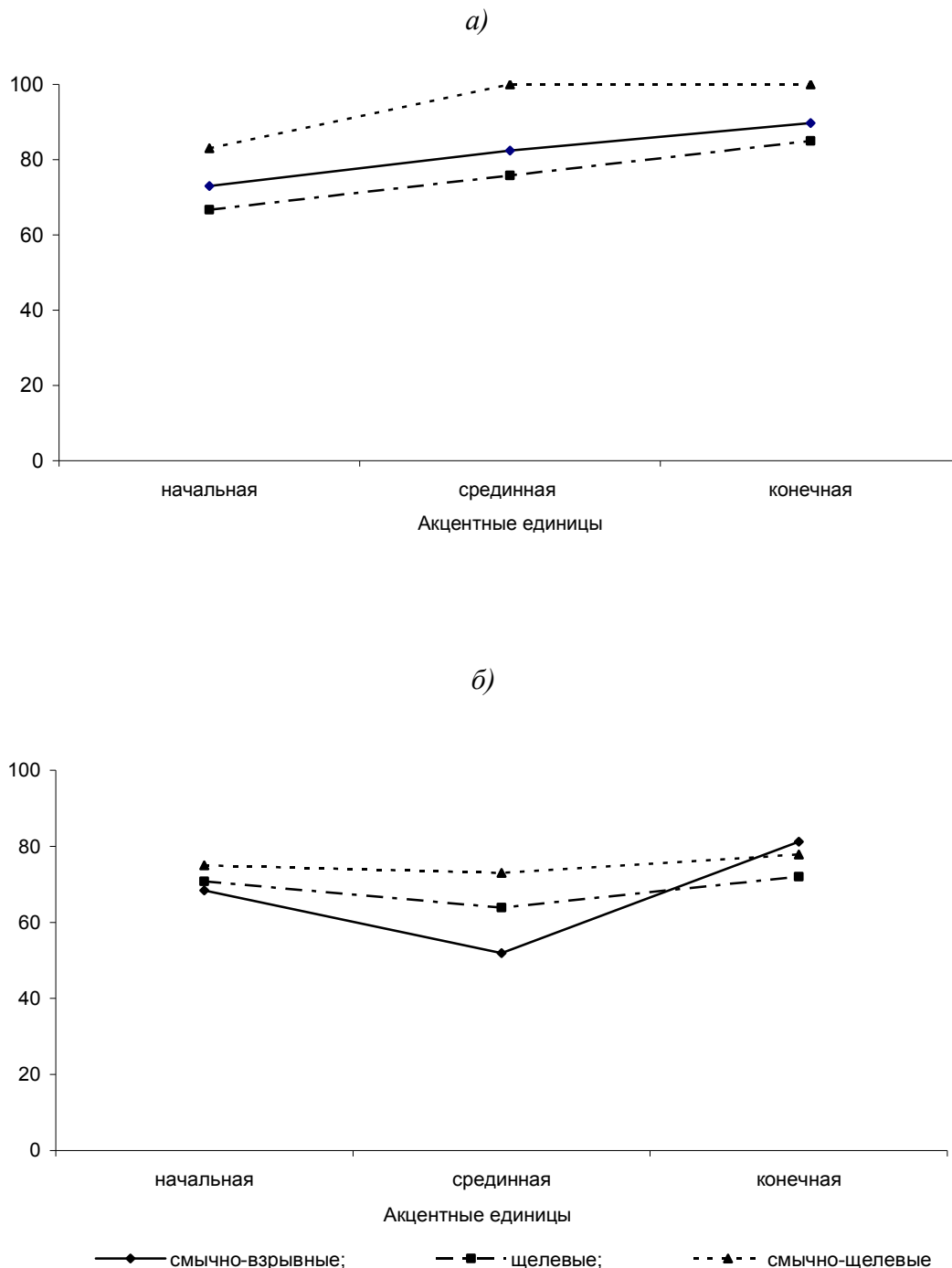

Рис. 4. Идентификация а) словоначальных и б) словоконечных согласных в ударном слоге в различных позициях акцентной единицы во фразе, %

Как видно из рисунков, идентификация словоначальных и словоконечных согласных демонстрирует разнонаправленные тенденции. Так, процент распознавания словоначальных согласных (рис. 4, а) градуально возрастает в направлении от начальной (неядерной) а.е. к конечной (ядерной) а.е., в то время как у словоконечных согласных в срединной а.е. наблюдается снижение процента их идентификации (рис. 4, б). Наиболее заметные различия в вероятности распознавания словоконечных согласных в разных фразовых позициях характеризуют как словоначальные, так и словоконечные согласные смычно-взрывные согласные.

Наибольший процент распознавания как словоначальных, так и словоконечных согласных в конечной а.е. дает объективные основания для доказательства участия согласных в смысловой сегментации речевого потока. Ослабление распознавания словоконечных согласных в срединной а.е. может быть объяснено увеличением роли контекстной предсказуемости слова, с одной стороны, и степенью связности (слитности) смежных а.е. в потоке речи, с другой. Эти случаи тесной межсловной интеграции наименее изучены в плане фонетической реализации согласного, поэтому новые экспериментальные данные представляют как практический, так и теоретический интерес.

На рис. 5 отражены результаты идентификации словоначальных и словоконечных смычно-взрывных и щелевых изолированных согласных в безударном слоге (СГ и ГС).

Как видно из рис. 5, а, количество идентифицированных смычно-взрывных и щелевых безударных согласных незначительно растет в направлении от начальной а.е. к конечной. Вместе с тем на уровне восприятия фонетическая реализация фонем в начальной позиции в слове перед безударным гласным не зависит от позиции а.е. во фразе. Однако следует отметить, что во всех фразовых позициях с высокой степенью достоверности прослеживаются различия между вероятностью распознавания словоначальных смычно-взрывных и щелевых согласных перед безударным гласным. Словоначальные щелевые согласные в безударном слоге в целом распознаются значительно хуже, чем смычно-взрывные.

На рис. 4, б показано, что в группе словоконечных согласных в безударном слоге наиболее ярко контрастируют по степени распознавания фонем *начальная* vs *срединная* и *срединная* vs *конечная* а.е.: различия между ними прослеживаются с очень высокой степенью вероятности как для смычно-взрывных ($P_1 = 94,8\%$, $P_2 = 99,1\%$), так и для щелевых согласных ($P_1 = 93$, $P_2 = 96,8\%$). Ухудшение распознавания безударных словоконечных согласных в срединной а.е. может быть связано с тем, что в целом ряде случаев безударный слог принадлежит слову, которое не было ударным во фразе, что ведет к ослаблению артикуляции всех входящих в него звуков, и, как следствие, идентификация фонем ослабевает. На акустическом уровне это соответствует снижению интенсивности амплитуды и сокращению по длительности согласного.

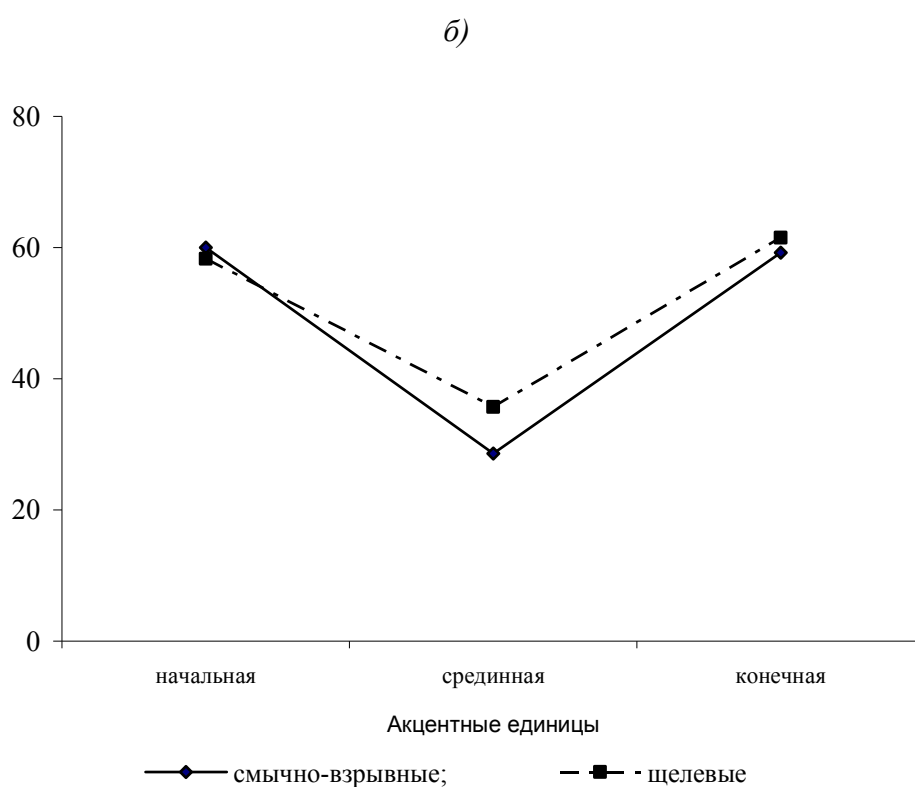
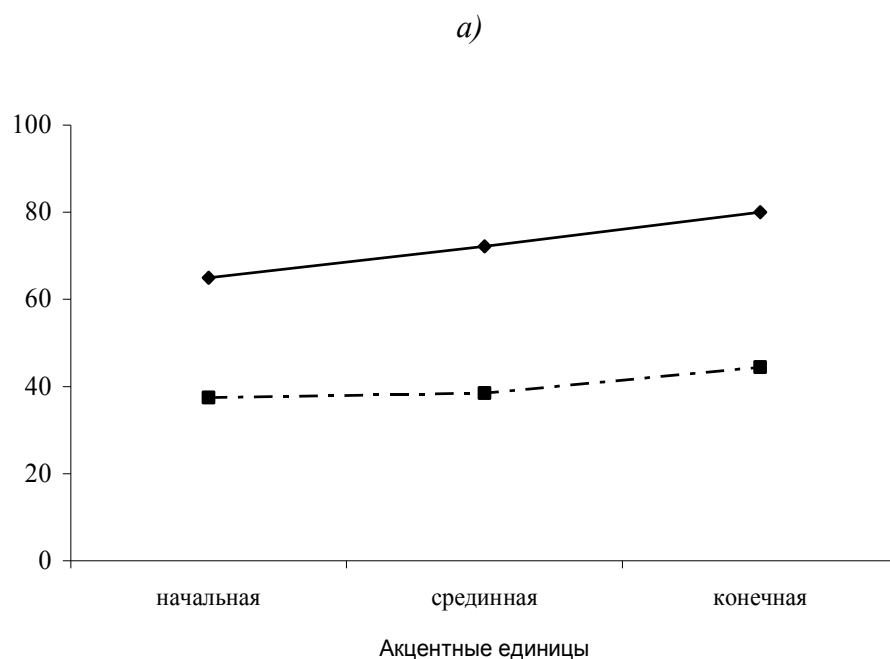

Рис.5. Идентификация а) словоначальных и б) словоконечных согласных в безударном слоге в различных позициях акцентной единицы во фразе, %

Обобщение результатов исследования, представленных на рис. 4 и 5, показывает, что ударность/неударность слога на уровне слова влияет на восприятие входящих в этот слог как словоконечных, так и словоначальных согласных всех типов во всех фразовых позициях.

Анализ срединных, т.е. интервокальных, согласных по рассматриваемому признаку (рис. 6) дает основания заключить, что для всех групп согласных вероятность идентификации согласных минимальна в позиции между двумя безударными гласными (*ac'tivity*). Наибольший процент распознавания характерен для согласных, реализованных после безударного гласного перед ударным (*i'dea*).

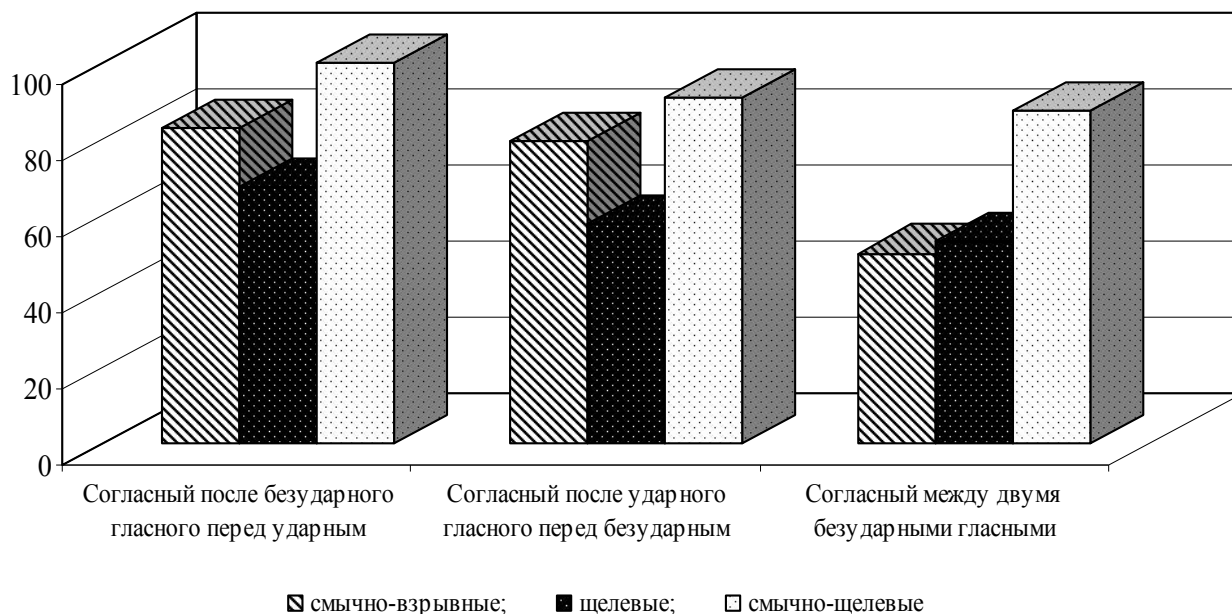

Рис.6. Вероятность идентификации срединных согласных, %

Согласные в позиции после ударного гласного перед безударным (*city*) распознаются несколько хуже, чем после безударного перед ударным, и несколько лучше по сравнению с срединными согласными, реализованными между двумя безударными гласными.

Обобщая интерпретацию результатов экспериментального анализа, подчеркнем, что выявленная зависимость перцептивной идентификации фонем от комбинаторных и позиционных условий их реализации во фразе является доказательством коммуникативной существенности аллофонических модификаций в подсистеме английского консонантизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Patterns of English phoneme confusions by native and non-native listeners / A. Cutler [et al.] // JASA. – 2004. – Vol. 116. – P. 3668–3678.
2. Fujisaki, H. Auditory perception of duration of speech and non-speech stimuli / H. Fujisaki, K. Nakamura, T. Imoto // Auditory analysis and perception of speech / Eds. G. Fant, M.A.A. Tatham. – London : Academic Press, 1975. – P. 197–219.
3. Pols, L.C.W. Identification of deleted consonants / L.C.W. Pols, M.E.H. Schouten // JASA. – Vol. 64 (5). – 1978. – P. 1333–1337.

4. *Redford, M.* The relative perceptual distinctiveness of initial and final consonants in CVC syllables / M. Redford, R. Diehl // JASA. – Vol. 106. – 1999. – P. 1555–565.
5. *Karnevskaya, E.B.* The role of plosive consonants in the perception of word boundaries / E.B. Karnevskaya, E.D. Dolmatova // Speech and Computer : proc. of 13th Intern. Conf., June 21–25, 2009. – S.-Petersburg : Anatolya Publishers. – P. 155–158.
6. *Мурай, О.В.* Позиционная вариативность монофтонгов в речи молодежи Великобритании (экспериментально-фонетическое исследование) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / О.В. Мурай ; Моск. гос. лингв. ун-т. – М., 2005. – 24 с.
7. *O'Connor, J.D.* Phonetics / J.D. O'Connor ; advisory ed. : D. Crystal. – Harmondsworth : Penguin Books, 1983. – 320 p.
8. *Бондарко, Л.В.* Фонетическое описание языка и фонологическое описание речи / Л.В. Бондарко. – Л. : Изд-во ЛГУ им. А.А. Жданова, 1981. – 199 с.

The article is concerned with the study of consonant identification in various word and utterance positions in spontaneous speech. The data obtained confirm the dependence of consonant identification probability on combinatory and positional conditions of phoneme realizations in speech.

Поступила в редакцию 20.10.10

Н.О. Дулина

ТЕНДЕНЦИИ В ВОСПРИЯТИИ И УПОТРЕБЛЕНИИ СТИЛИСТИЧЕСКИ СНИЖЕННОЙ ЛЕКСИКИ ИТАЛЬЯНСКОГО ЯЗЫКА

В речи итальянцев все большее распространение получают различные сниженные элементы, в том числе лексические, характерные для обиходно-бытового контекста, которые со временем начинают выходить за рамки итальянского субстандарта, попадая в литературный язык. Это вызывает, в свою очередь, некоторое смягчение их сниженной коннотации и изменение отношения к ним со стороны самих носителей языка. В статье приводятся данные опроса, целью которого было выявить тенденции в восприятии и употреблении итальянской сниженной лексики. Результаты исследования обнаруживают некоторые расхождения между восприятием респондентами степени нейтральности сниженных слов и зафиксированной в словарях их стилистической окраской. Полученные данные позволяют сделать предположение о возможной дальнейшей стилистической нейтрализации данных слов и переходе их в другую, более умеренную, категорию сниженности.

После объединения Италии в XIX в. итальянский язык становится средством общения граждан нового государства, входя в быт новоиспеченных итальянцев и распространяясь на все более широкие сферы повсе-

дневной жизни. Со временем общегосударственный итальянский язык, благодаря расширению контактов между разноязычными областями страны, займет те языковые пространства, которые ранее «обслуживались» исключительно диалектами. Это относится прежде всего к контекстам обиходной разговорной речи, для которой характерен неофициальный тон общения, сопровождаемый стилистически сниженными языковыми средствами. Данный исторический поворот в биографии итальянского языка приводит к формированию таких его разновидностей, которые находятся за пределами литературной нормы, точнее, ниже ее. Область ненормативных разновидностей речи в итальянской лингвистике принято называть субстандартом, противопоставляя ее стандарту, т.е. литературному языку [1, с. 85]. В структуре итальянского субстандарта итальянские лингвисты выделяют ряд подсистем, группирующихся по территориальному признаку, социальной принадлежности, форме коммуникации и типу коммуникативной ситуации [2, с. 21]. Каждая разновидность или группа разновидностей характеризуется наличием специфических черт на всех уровнях языка, включая лексику.

Лексический субстандарт включает в себя слова различной степени сниженности, которые в словарях обычно обозначаются пометами «грубое/вульгарное», «обиходное», «разговорное», «фамильярно-бытовое» и т.п. С точки зрения функционально-ситуативной и функционально-стилевой дифференциации, речь идет о словах, которые идеально вписываются в пространство неформальных вариантов языка. В социальном аспекте, несмотря на то, что данные слова часто ассоциируются с молодежными группами и низкими социальными слоями как явление просторечия, мы можем тем не менее обозначить их как межклассовые [3, с. 182].

Степень сниженности лексики со временем может меняться. Как известно, изменения в обществе влияют на речевое поведение его членов и впоследствии вызывают изменения в языке. Процессы демократизации итальянского общества, постепенное стирание различий между разными слоями населения и социальными группами способствовали большему распространению в речи разговорных, сниженных средств, что в свою очередь повлияло на отношение говорящих к данным средствам.

Согласно данным статистических исследований итальянского языка, частотность употребления сниженной лексики довольно высока. В 1993 г. был опубликован частотный словарь разговорной итальянской лексики, основу которого составили 500000 слов разговорного итальянского языка, выделенных в результате обработки записей разговоров 1653 человек общей длительностью 57 с половиной часов [4]. Он содержит 15641 слов. Первое грубо-просторечное слово, *cazzo*, занимает 722-е место по частотности употребления. За ним следуют *casino* (1203-е место), *fregare* (1261), *stronzata* (2193), *coglione* (2228), *balla* (2442), *culo* (2805), *vaffanculo* (3012), *imbecille* (3073), *incazzare* (3184), *stronzo* (3678) и другие. В итальянской научной и научно-популярной литературе мы находим данные исследований употребления сниженной лексики [5]. Так, опрос, проведенный среди 300 носителей

итальянского языка в возрасте от 18 до 64 лет, которым предлагалось дать оценку выражениям, содержащим субстандартную лексику, выбрав между определениями “*parlare moderno*” ‘современная речь’ и “*parolacce*” ‘неприличные слова’, показал, что примерно две трети опрошенных склонны воспринимать как «современные» такие выражения, как *Sei un rompipalle*; *Sono incazzato*; *Mi ha detto stronzate*; *Che culo!*; *Mi sento rincoglionito* и другие. В целом, как отмечают исследователи, оскорбления и выражения гнева воспринимаются как более грубые по сравнению с жаргонными выражениями [5, с. 321]. Среди причин употребления бранной лексики наиболее распространенной оказывается потребность в выражениях гнева или разочарования, а наиболее подходящим контекстом ее употребления является неформальное общение между равными по социальному статусу взрослыми людьми [5, с. 325–326].

Нами было проведено анкетирование среди носителей итальянского языка с целью выявления тенденций в восприятии и употреблении итальянской сниженной лексики. Для исследования были отобраны слова и выражения различной степени сниженности, характеризующиеся наиболее высоким уровнем распространения в речи. Респондентам предлагалось высказать свое мнение о степени сниженности исследуемых лексических единиц, выбрав между обозначениями «нейтральное», «обиходное», «грубое»; указать, в каких из предложенных ситуаций они могли бы употребить данные слова; сообщить о возможной динамике употребления перечисленных слов и выражений («раньше не употреблял, но употребляю сегодня»; «раньше употреблял, но не употребляю сегодня»; «употреблял раньше и продолжаю употреблять»; «не употреблял никогда»); отметить слова, которые им не хотелось бы слышать у себя в семье и которые они исключили бы из употребления, желая понравиться кому-либо.

В опросе приняли участие 112 респондентов мужского и женского пола (63 % женщин и 37 % мужчин) в возрасте от 17 до 67 лет (36 % респондентов от 17 до 30 лет, 37 % от 31 до 50 лет и 27 % от 51 до 67 лет), с неполным средним, средним и высшим образованием (14,5, 43,2 и 42,3 % соответственно), проживающих в различных областях Италии. По профессиональной принадлежности и роду деятельности состав респондентов отличается разнообразием и разнородностью, выборка включает преподавателей вузов, учителей, воспитателей, юристов, служащих, рабочих, предпринимателей, ремесленников, продавцов, студентов, безработных и домохозяек.

В результате проведенного нами анкетирования было выявлено, что половина респондентов воспринимает слово *casino* ‘бардак’ как нейтральное, чуть меньше половины (45 %) обозначили его как обиходное; большинство опрошенных тем не менее заявило о том, что употребляет его только в общении со знакомыми людьми или друзьями. Две трети респондентов указали, что употребляли это слово раньше и употребляют его сегодня. Производный от него глагол *incasinare* ‘привести в беспорядок, перевернуть вверх дном’, являющийся сравнительно недавним образованием (в словарях

он датирован 1980 годом), 55 % респондентов воспринимают как обиходное, а 41 % считают нейтральным.

Слово *stronzo* ‘сволочь, засранец’, обозначенное в словарях современного итальянского языка как грубое (“*volgare*”), воспринимается таким же образом и большинством респондентов (70 %), остальные воспринимают его как обиходное, “*familiare*” (23 %) за исключением нескольких случаев, в которых данное слово было отмечено как нейтральное (“*neutro*”). 45 % респондентов употребляли всегда это слово, около 37 % раньше его не употребляли, но употребляют сегодня. Около половины респондентов не желает слышать его в семье (49,5 %), а 76,8 % исключили бы из употребления, желая понравиться кому-либо. Производное *stronzata* ‘гадость’ подавляющим большинством респондентов употребляется только в разговоре с друзьями и хорошо знакомыми людьми.

Обсценное слово *figa* (распространенный северный вариант произношения слова *fica*) – вульгарное обозначение женского полового органа – практически всеми было занесено в категорию «грубое слово, вулгаризм».

Производные от слова *figa* в значении ‘баба’ *sfigato* ‘невезучий’ и *sfiga* ‘невезение’ образованы с помощью отрицательного префикса *s-* и подразумевают буквально «лишенный того, что обозначается производящей основой» и «отсутствие того, что обозначается производящей основой». Являясь сравнительно недавним образованием (в словарях они датированы 1980 и 1974 гг. соответственно), они характеризуются стремительным стиранием своей внутренней формы и воспринимаются респондентами как обиходные (около 54 %) или нейтральные (30,5 %). Следует отметить также, что данные слова являются одним из наиболее ярких примеров разночтений его стилистического уровня словарями итальянского языка. Так, сравнив стилистические пометы этих слов в четырех ведущих словарях итальянского языка выпуска 2005–2006 гг., мы обнаружили, что все они предлагают разные варианты помет: “*volgare*” («грубое слово», «вулгаризм»), “*popolare*” («просторечие»), “*gergale*” («жаргонизм»), “*colloquiale*” («разговорное слово»).

Согласно данным опроса, употребление слова *cazzo* (вульгарное обозначение мужского полового члена), единодушно отмеченное словарями как грубое, отличается «положительной динамикой»: 44 % респондентов раньше не употребляли, а теперь употребляют это слово, около 39 % употребляли его всегда; 55,8 % не хотели бы слышать его в семье, 75 % исключили бы его из употребления. Производный от него глагол *incazzarsi* ‘злиться, выходить из себя’, употребляется практически всеми респондентами, но в неформальном общении с хорошо знакомыми людьми. В то же время повышается произвольность и частотность его употребления. Восприятие другого производного слова *cazzata* ‘фигня’ отличается неоднородностью: около 47 % опрошенных воспринимают его как грубое, 43 % относят его к обиходным словам. В целом по характеру употребления данное слово представляется менее грубым, чем его производящая основа.

Слово *cavolo* в значении ‘хер, хрен’, сопровождаемое в словарях пометой «эвфемизм» и употребляющееся в качестве эвфемистической замены слова *cazzo*, две трети респондентов отметили как нейтральное, остальные воспринимают его как разговорное. Более 40 % указали на возможность употребления его в том числе с малознакомыми людьми.

Слово *merda* ‘дерьмо’ треть респондентов охарактеризовала как разговорное, около 60 % опрошенных воспринимают его как грубое. Выражение *pezzo di merda* ‘кусок дерьма’ около половины респондентов не употребляет, подавляющее большинство исключило бы его из употребления при желании понравиться. Усиление сниженной коннотации данного выражения в восприятии говорящих можно объяснить тем, что оно содержит негативное отношение к собеседнику (или третьему лицу) и воспринимается поэтому как более агрессивное, а значит, более грубое.

Слово *coglione* ‘мудак’ 60 % респондентов употребляют только со знакомыми и друзьями, 35 % не употребляют вообще; 44 % раньше не употребляли, но употребляют сегодня, 27,4 % употребляли всегда; около 57 % не хотели бы слышать его в семье, а 76,8 % исключили бы из употребления при желании понравиться собеседнику.

Выражения *rompere le palle* ‘надоедать’, *che palle!* ‘ну и скучища!’, *rompipalle* ‘зануда’, содержащие в своем составе вульгаризм *palle* ‘яички’, примерно половина опрошенных воспринимает как разговорные, одна треть характеризует их как грубые; большинство употребляет их с хорошо знакомыми людьми и друзьями. В целом ответы показывают, что их употребление несколько увеличилось в последние годы.

Слово *culo* ‘задница, жопа’, обозначенное в словарях как вульгаризм, судя по результатам опроса, воспринимается респондентами скорее как грубое: большинство готово употреблять его только с хорошо знакомыми людьми, две трети опрошенных исключили бы его из употребления при желании понравиться кому-либо. Производное от него существительное *culattone*, глагол *inculare*, имеющий также переносное значение ‘обмануть, надуть’, а также отглагольное существительное *inculata*, согласно данным опроса, две трети респондентов не употребляют, большинство употребляет только в разговоре с хорошо знакомыми людьми и исключило бы его из употребления при желании понравиться собеседнику. Бранное выражение *vaffanculo* ‘пошел в жопу’ употребляется большинством респондентов, треть из которых не употребляла его раньше, но употребляет сегодня, две трети респондентов не хотели бы слышать его в семье, около 75 % исключили бы его из употребления при желании понравиться. В целом употребление данного выражения несколько увеличилось в последние годы.

Употребление просторечного выражения *me ne frego* ‘мне по фигу’ в последнее время несколько увеличилось; большинство употребляет его в общении со знакомыми и друзьями, однако наблюдается расширение гаммы контекстов, в которых респонденты не исключают возможности его употребления. Вариант *non me ne frega un cazzo*, имеющий более сниженную

коннотацию, большинство исключило бы из употребления при желании понравиться кому-либо, а 40 % респондентов заявили о том, что никогда его не употребляют.

Кроме того, опрос показал, что наиболее грубыми представляются слова и выражения, имеющие инвективный характер, независимо от степени их сниженности, а среди ситуаций, в которых респондентам случается употреблять бранную лексику, помимо указанных в анкете, в большинстве случаев прозвучал ответ: «когда сержусь».

В рамках исследования мы проанализировали полученные данные также с учетом некоторых социолингвистических переменных, а именно пола, возраста и уровня образования. Следует отметить, что и в данном случае существенных различий мы не наблюдаем, хотя можно проследить некоторые тенденции.

Так, слова *incasinare*, *fottersene* ‘наплевать (на)’, *puttanata* ‘гадость’, *strizza* ‘страх, стрем’, *scocciare* ‘надоедать, раздражать’, *inculare*, *inculata*, *figa* мужчины воспринимают как более нейтральные по сравнению с женщинами, а слова и выражения *casinista* ‘путаник’, *mi scoccia* ‘мне надоело’, *incazzarsi*, *culattone*, *frocio* ‘педик’, *finocchio* ‘гомосек’, *balla* ‘вранье, чушь’, *fregatura* ‘надувательство’, *coglione*, *gasato* ‘возбужденный’, *vaffanculo*, *figlio di puttana* ‘сукин сын’, *non me ne frega un cazzo* употребляют чаще женщин и в более разнообразных контекстах. Слово *cacchio* они воспринимают более нейтрально, но меньше употребляют. Слова *sfigato*, *rompere le palle* мужчинами в большей степени воспринимаются как сниженные. Интересен тот факт, что слова *casino*, *stronzo*, *che palle!*, *cazzo*, *merda*, *figata* ‘крутизна, отпад’ мужчины употребляют больше женщин и в более разнообразных контекстах, но воспринимают более отрицательно, если они употребляются другими.

Анализ данных по возрастным группам выявил различия в восприятии слов *stronzo*, *sfiga*, *cazzo*, *incazzarsi*, *merda*, *culo*, *inculare*, *cagata* ‘дрянь, дерьмо’, а также выражений *che palle!* и *vaffanculo*, которые респонденты в возрасте от 51 до 67 лет оценивают как более грубые по сравнению с младшей (до 30 лет) и средней (31–50 лет) возрастными категориями. Представители «молодой» категории в большей степени по сравнению с остальными респондентами считают нейтральными и употребляют слова *imbranato* ‘тюфяк, «тормоз»’, *culattone*, *frocio*, *finocchio*, *cagata*, *coglione*, *cuccare* ‘обманывать, надувать’, *beccare* ‘проиграть, попасться’. Вместе с тем слова *fottuto*, *fottersene*, *puttanata* респонденты возрастной категории до 30 лет употребляют меньше и воспринимают как более грубые в сравнении с другими возрастными группами. Увеличилось употребление ряда слов в последние 15–20 лет: от 30 до 55 % респондентов средней и старшей возрастных категорий отметили, что раньше не употребляли, но употребляют сегодня слова и выражения *coglione*, *che palle!*, *rompipalle*, *stronzo*, *figata*, *cazzo*, *vaffanculo*.

Наименее заметными оказываются различия в данных, дифференцированных по уровню образования. Это объясняется, по-видимому, неодно-

родностью респондентов внутри выделенных групп. В группу неполного среднего образования входят как пожилые люди, так и молодые респонденты, не успевшие еще окончить среднюю школу, и их языковые предпочтения вряд ли будут совпадать. Это относится и к категории среднего образования, куда вошли в том числе и студенты вузов, которые по уровню образования вплотную приближаются к третьей категории – высшему образованию. Наиболее очевидными в данном случае оказываются различия в восприятии и употреблении слов *sfiga*, *sfigato*, *scocciare*, *rompere le palle*, *che palle!*, *merda*: чем выше образование респондентов, тем более нейтральными представляются им эти слова и выражения. Слово *fottuto* употребляется тем меньше, чем выше образование респондентов. Слово *culo* в большей степени представляется грубым респондентам с неполным высшим образованием.

В целом, отсутствие ярко выраженных различий в полученных данных, дифференцированных по социальным признакам, свидетельствуют об общенациональном характере исследуемой лексики.

Таким образом, результаты опроса обнаруживают, что в некоторых случаях степень нейтральности слова оказывается в действительности более высокой по сравнению с тем, что зафиксировано в словарях, хотя значительных расхождений мы не обнаружили (таблица).

Сравнительные данные отражения итальянской сниженной лексики в словарях¹ и ее восприятия носителями языка

№ п/п	Слово	Помета в словаре	Результаты анкетирования			
			Общие	Дифференцированные		
				по полу	по возрасту	по образованию
1	casino	C	N/F	+ ²		
2	incasinare	C	F/N	+		
3	casinista	C	F	+		
4	stronzo	V	V	+	+	
5	stronzata	V	F/V			
6	sfiga	V	F		+	+
7	sfigato	V	F	+		+
8	cavolo	V	N			
9	scocciare	C	N	+		+
10	mi scoccia	C	N	+		
11	fottersene	V	V	+	+	
12	fottuto	V	V		+	+
13	rompere (le palle)	V	F/V	+		+
14	che palle!	P	F	+	+	+
15	rompipalle	F/V	F			
16	strizza	F	N	+		

¹ В исследовании использованы данные словаря итальянского языка “Vocabolario della lingua italiana di Nicola Zingarelli” (2006).

² + присутствие различий в данных между разными социальными группами.

17	puttanata	V	V	+	+	
18	cacchio	V	F	+		
19	cazzo	V	V	+	+	
20	cazzata	V	V/F			
21	incazzarsi	V	F/V	+	+	
22	incazzato	V	F/V			
23	imbranato	F	N		+	
24	non me ne frega un cazzo	V	V	+		
25	merda	V	V	+	+	+
26	pezzo di merda	V	V			
27	culo	V/P	F/V		+	+
28	inculare	V	V	+	+	
29	inculata	V	V	+		
30	culattone	V	V	+	+	
31	frocio	V	F	+	+	
32	finocchio	P/V	F	+	+	
33	balla	V	N/F	+		
34	fregatura	C	N/F	+		
35	me ne frego	P	F			
36	cagata	V	V		+	
37	coglione	V	V	+	+	
38	gasato	C	F	+		
39	cuccare	C	F		+	
40	beccare	C	F		+	
41	figlio di puttana	V	V	+		
42	vaffanculo	V	V/F	+	+	
43	figa	V	V	+		
44	figata	V	F	+		

П р и м е ч а н и е . **N** – нейтральное слово; **F** – обиходно-разговорное слово; **V** – грубое слово/вульгаризм; **C** – разговорное слово; **P** – просторечие.

Некоторые, пусть и не столь существенные, различия между обозначениями стилистических характеристик исследуемой лексики в словаре и действительным восприятием степени ее сниженности говорящими, интенсификация ее употребления, а также расширение диапазона коммуникативных ситуаций, в которых она употребляется, позволяют сделать вывод о возможности дальнейшей нейтрализации данных слов вследствие постепенной утраты ими сниженной коннотации, что приведет к изменению их положения в функциональной структуре языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Berruto, G.* Le varietà del repertorio. Varietà diamesiche, diastratiche, diafasiche / G. Berruto // Introduzione all'italiano contemporaneo. La variazione e gli usi / a cura di A.A. Sobrero. – Roma ; Bari, 1993. – P. 3–92.

2. *Berruto, G.* Sociolinguistica dell'italiano contemporaneo / G. Berruto. – Roma : La Nuova Italia Scientifica, 1987. – 183 p.
3. *Aprile, M.* Dalle parole ai dizionari / M. Aprile. – Bologna : Il Mulino, 2005. – 231 p.
4. Lessico di frequenza dell'italiano parlato / T. De Mauro [et al.]. – Milano : Etaslibri, 1993. – 562 p.
5. *Tartamella, V.* Parolacce. Perché le diciamo, che cosa significano, quali effetti hanno / V. Tartamella. – Milano : BUR Saggi, 2006. – 378 p.

The paper presents the results of a survey among Italians to reveal the features of perception and use of Italian substandard words. The research reveals tendencies to neutralization of expressive connotation of Italian obscene lexicon.

Поступила в редакцию 11.10.10

Е.В. Ефимова

ПРОСОДИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ФРАЗЫ КАК ФАКТОР АЛЛОФОНИЧЕСКОГО ВАРИИРОВАНИЯ АНГЛИЙСКИХ ГЛАСНЫХ

В статье анализируются модификации английских гласных с точки зрения их значимости для перцептивной идентификации гласных фонем. Исследование проводилось на материале коррелятивных пар английских гласных [i:]–[ɪ], [u:]–[ʊ], [ɑ:]–[ʌ], [e]–[æ], [ɔ:]–[ɒ]. Обсуждаемый этап исследования проводился в рамках изучения вариативности вокалических единиц в контексте информационно-смысловой структуры высказывания. Последняя, в соответствии с принятой трактовкой, неотделима от фразовой просодической структуры, в силу чего устанавливается корреляция между типами просодической и смысловой выделенности слов-элементов высказывания и, соответственно, гласных, формирующих слоговую структуру слов. Как результат такого подхода, фонетические модификации гласных в речи могут быть представлены в виде градаций различных степеней выделенности слова во фразе. Степень модификации гласного, в свою очередь, обуславливает вероятность его идентификации как такового. Результаты распознавания фонемной принадлежности позиционно различных аллофонов изучаемых гласных подтвердили значимость рассматриваемого фактора и правомерность избранного подхода к исследованию английского вокализма.

В последние десятилетия исследователи-фонетисты все чаще обращаются к фактам спонтанной звучащей речи как наиболее естественной форме речевой деятельности, способной дать более полную картину функционирования языковых единиц в реальной речевой действительности. Анализируя наблюдаемый в фонетике интерес к изучению спонтанной речи, Л.Р. Зиндер связывал его с особой формой реализации фонологических единиц и подчеркивал, что одной из важнейших задач фонетики является определение закономерностей разного вида звуковой редукции и выявление

признаков, которые дают возможность слушающему опознавать смысловые единицы, несмотря на искажение их звукового облика [1, с. 41]. Несовпадение артикуляторно-перцептивных характеристик звуковых единиц в спонтанной речи с их описанием в кодифицированной норме не могло не выдвинуть проблему фонетической вариативности в число наиболее актуальных. Общеметодологической основой изучения данной проблемы, как и изучения вариативности в языке в целом, служит понимание явления вариативности как «одного из фундаментальных свойств языка, обеспечивающих его способность служить средством общения» [2, с. 3].

Для исследований рассматриваемого явления в фонетике, и в английской фонетике в частности, важную роль сыграла работа Г.П. Торсуева «Константность и вариативность в фонетической системе» [3]. Разграничение в ней аллофонического и диафонического варьирования стало отправной точкой целого ряда экспериментально-фонетических исследований. Из данных двух видов фонетического варьирования приоритетное внимание вплоть до настоящего времени уделяется изучению аллофонии сегментных единиц. Этот факт объясняется в первую очередь ее обусловленностью внутрилингвистическими параметрами, которым, как подчеркивается в литературе, принадлежит главенствующая роль в плане воздействия на реализацию фонем в речи [4; 5]. Особенностью современного подхода к изучению аллофонии является более широкое толкование причин и самого механизма варьирования сегментных единиц. При широком понимании данного явления комбинаторно-позиционные условия, помимо непосредственного звукового окружения и позиции в слове, включают и фразовые просодические условия реализации сегментных единиц, такие как позиция звука относительно ударения в слове и акцентной единице; позиция акцентной единицы во фразе и мелодический тип синтагмы/фразы, темп речи и степень ее выделенности. Именно такой подход лежит в основе инвентаря аллофонов английских и русских гласных и согласных фонем, разработанного в программе моделирования фонетических характеристик речи для многоязычного синтеза [6]. Необходимость включения названных факторов в алгоритм модификаций фонем в связной речи подтверждается экспериментальными данными, полученными на материале различных языков [7; 8; 9]. Важно подчеркнуть, что хотя при учете просодических условий в работах прикладного характера на первый план выходит уже заданная внешняя интонационная структура фразы, где каждый элемент (сегмент) занимает определенное место, модель, тем не менее, отражает информационно-смысловую структуру фразы, поскольку она исходит из факта корреляции просодической и смысловой структур высказывания. В этом плане предлагаемый в вышеназванной работе подход к моделированию аллофонии воплощает принцип интегрированного подхода к изучению фонетических единиц языка при их функционировании в процессе коммуникации. На наличие непосредственной связи между просодической и информационной структурами высказывания указывал, в частности, В.Б. Ка-

севич, отмечая, что «задача установления корреляций между просодической и информационной структурами заслуживает самого пристального внимания как с точки зрения общей теории, так и для решения ряда прикладных задач» [10, с. 55]. Понимание вариативности сегментных единиц в контексте информационно-смысловой структуры высказывания характеризует выполненные в последние годы исследования на материале гласных и согласных немецкого языка, согласных американского варианта английского языка и гласных австралийского варианта английского языка [11; 12; 13]. В упомянутых работах информационно-смысловая нагруженность предполагает просодическую выделенность безотносительно к ее функциональной и структурной дифференциации, что, что на наш взгляд, не позволяет в достаточной степени установить влияние фразово-просодических факторов на реализацию фонем. В нашем исследовании, предметом которого является аллофония гласных британского варианта английского языка, понятие просодической выделенности рассматривается с учетом ее реального многообразия, отражающего тонкую смысловую нюансировку речевого высказывания. Как результат такого подхода, фонетические модификации гласных могут быть представлены в виде градаций различных степеней выделенности слова во фразе. Тем самым основным критерием выделения ударных гласных становится не словесная, а фразовая акцентная структура. В то же время учитывается факт сохранения словесной акцентной структуры даже при отсутствии фразовой выделенности, что служит основой дальнейшей дифференциации слоговыделенности, реализующейся через сегментные единицы, прежде всего, вокалические. В соответствии с этой предпосылкой ударные гласные делятся на акцентированные, реализованные в ударном слоге слова-носителя фразового ударения, и дезакцентированные, т.е. ударные гласные в слове, не маркированном фразовым ударением. Среди слов-носителей фразового ударения далее могут быть выделены, по крайней мере, два типа – статически и кинетически ударные слоги, напрямую коррелирующие с различиями в степени смысловой значимости слова, или выделенности во фразе. Согласно изложенной трактовке просодико-смысловых отношений по выделенности гласные образуют иерархическую цепочку по степени выделенности, на вершине которой находится ударный гласный, реализованный в конечном ядерном слоге, а у основания расположен безударный гласный в безударных слогах дезакцентированных во фразе знаменательных слов. При этом, если рассматривать градацию степеней выделенности для ударных и безударных гласных отдельно, то для ударных гласных градацию завершает гласный, реализованный в ударном слоге дезакцентированных во фразе знаменательных слов. Для безударных гласных важно, помимо фразовой позиции, учитывать позицию относительно ударного слога в слове. Следует признать, что вопрос дифференциации степени выделенности, а точнее невыделенности, безударных гласных изучен в наименьшей степени. Установление зависимости фонетических характеристик безударных гласных не только от акцентной структуры слова, но и от

фразово-просодических условий является одной из частных задач данного исследования. Его гипотеза состоит в том, что качественно-количественные модификации, вызываемые аллофоническим варьированием, делают границу между ударными и безударными гласными достаточно размытой, так же, как и различия между гласными внутри каждой из этих категорий. Это особенно заметно при анализе так называемых коррелятивных пар гласных ([i:]–[ɪ], [u:]–[ʊ], [ɑ:]–[ʌ], [e]–[æ], [ɔ:]–[ɒ]) при их функционировании в спонтанной речи. Предварительный анализ их перцептивной идентификации, являющейся, как известно, критерием существенности аллофонических модификаций [14], показал, что гласные члены минимальных коррелятивных пар достаточно часто представляют трудность в плане отнесения аллофона к соответствующей фонеме.

В рамках этапа исследования, обсуждаемого в настоящей статье, анализировалась зависимость перцептивной идентификации названного типа гласных фонем от степени их выделенности во фразе.

Экспериментальные записи были осуществлены двумя дикторами-мужчинами носителями произносительной нормы британского варианта английского языка в студии звукозаписи МГЛУ. Материалом исследования служили звучащие связные тексты, продуцируемые спонтанно с опорой на отдельные контрольные слова и выражения, что, как подтвердили испытуемые, не мешало спонтанности речи. Контрольные слова были подобраны по принципу минимальных пар, например, *park* – *ruck*, благодаря чему исключалось влияние коартикуляционных факторов на реализацию фонемы и тем самым соблюдались требования чистоты фонетического эксперимента, направленного на идентификацию гласных фонем. Использование контрольных слов в процессе проведения записи позволило выделить в полученном экспериментальном материале многократно повторяющиеся слова, реализованные в различных фразово-просодических условиях и, следовательно, характеризующиеся различной степенью выделенности. Суммарный объем материала составил 659 фраз (6112 слов), общее время звучания – около 45 минут. В общем объеме материала содержалось 320 реализаций слов, входящих в минимальные пары, из которых на основании требований к качеству звучания были отобраны 313 слов для дальнейшего аудитивного и акустического анализа.

В осуществлении аудитивных тестов принимали участие 2 группы аудиторов: преподаватели фонетики английского языка, имеющие опыт фонетического аудирования (5 человек) и информанты-носители английского языка (2 человека). Следует указать, что непосредственным аудитивным тестам предшествовало просодическое транскрибирование фраз, к которому были привлечены двое преподавателей, специалистов в области фонетики английского языка. Полученная просодическая разметка позволила отобрать слова, содержащие различные по степени выделенности ударные гласные. С учетом изложенного выше ранжирования гласных по типам выделенности экспериментальный материал оказался представленным следующим образом:

ударные гласные, реализованные в ядерной акцентной единице; ударные гласные, реализованные в неядерной акцентной единице (первая и вторая акцентные единицы), и словоударные гласные, находящиеся в позиции дезакцентуации слова во фразе.

При проведении аудитивных тестов информантам в случайном порядке предъявлялись отобранные ранее слова для их идентификации. Всего от испытуемых было получено 2180 ответов, подверженных в дальнейшем обработке.

Одним из важных результатов данного этапа эксперимента явилось совпадение в целом ответов информантов-носителей языка и аудиторов-фонетистов: в обеих группах были отмечены случаи неправильной идентификации гласного в слове. Более того, процентные показатели правильной и неправильной идентификации гласных, полученные в двух группах аудиторов, оказались близкими по значению (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Идентификация гласных фонем в словах
независимо от позиции в просодической структуре фразы

Количество правильных ответов, %	
Аудиторы-неносители языка	Информанты-носители языка
73	74

Анализ вероятности идентификации гласных и, следовательно, слов в различных позициях во фразово-просодической структуре подтвердил значимость данного фактора в рассматриваемом плане. Как и предполагалось, позиция в ядерной акцентной единице оказалась несколько более благоприятной для распознавания гласного, чем позиция в неядерной акцентной единице, и значительно более вероятной для распознавания гласного, чем позиция дезакцентуации слова во фразе (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Идентификация гласных фонем
в зависимости от позиции слова в просодической структуре фразы

Позиция слова в просодической структуре	Количество правильных ответов, %	
	Аудиторы- неносители языка	Информанты- носители языка
Ядерная акцентная единица	76	77
Неядерная акцентная единица (начальная и срединная акцентные единицы)	75	72
Позиция дезакцентуации	57	60

Анализ конкретных случаев неправильной идентификации гласного по данным каждого из аудиторов показал, что в более чем 60 % случаев у аудиторов-фонетистов и информантов-носителей языка гласные оказались неправильно идентифицированными в одних и тех же словах. В частности, у большинства аудиторов наиболее смешиваемыми гласными оказались гласные [i:]–[ɪ] и [u:]–[ʊ] в словах, находящихся в позиции дезакцентуации во фразе и в ряде случаев в неядерной (начальной или срединной) акцентной единице. Наличие повторяющихся случаев неправильной идентификации гласных, как у аудиторов-фонетистов, так и у носителей языка, позволяет говорить о возможности нейтрализации перцептивной разницы между коррелятивными гласными фонемами в условиях спонтанной речи. Иными словами, возникающее в спонтанной речи ослабление отчетливости артикуляции гласных ведет к ослаблению тонких качественных различий гласных в минимальных парах. Следует иметь в виду, однако, что аудитивный анализ по своей сути является субъективным, в силу чего даже при соблюдении максимально ограниченных оговоренными выше заданиями и полностью идентичных условий эксперимента, на показания аудиторов могут влиять такие неконтролируемые факторы, как наличие посторонних шумов, рассеянность внимания и другие. В связи с этим надежность результатов аудитивного анализа нуждается в подкреплении данными акустического анализа, которые позволяют раскрыть объективные физические различия между идентифицируемыми гласными по формантным, амплитудным и темпоральным характеристикам.

На данном этапе исследования акустический анализ проводился по параметру длительности. Длительность неправильно идентифицированных гласных измерялась при помощи компьютерной программы анализа звучащей речи Sound Forge 8.0. Результаты акустического анализа не только подтвердили в целом аудитивные данные, но и выявили некоторые объективные предпосылки неправильной идентификации гласных. Так, причиной восприятия долгого гласного как краткого, имевшего место в 80 % всех ошибочных ответов, было реальное сокращение длительности долгого гласного. Средняя длительность долгого гласного [i:], например, в случаях неправильной идентификации составляла 90 м/с. В то же время, когда этот же гласный идентифицировался правильно, в основном в ядерной позиции, его средняя длительность составляла 162 м/с. Этот факт свидетельствует о значительном влиянии просодической позиции на длительность долгого гласного. В случаях, когда краткий гласный идентифицировался как долгий, этот гласный всегда находился в просодической позиции максимального удлинения, в частности, в ядерной и заядерной позиции фразы. В этих позициях средняя длительность краткого гласного [ɪ], например, составляла 115 м/с в ядерной позиции и 125 м/с – в заядерной позиции. Важно отметить также, что в случаях неправильной идентификации гласного в ядерной позиции около 50 % ошибок приходилось на те слова, которые были реализованы в первом элементе нефинального ядра, представленного нисходяще-восхо-

дящим разделенным тоном, а также в случаях, когда ядерный слог не являлся финальным в синтагме, например, .../ *scheme of things*||. В указанном примере длительность гласного [i:] составила 107 м/с. В случаях неправильной идентификации гласных, находящихся в позиции дезакцентуации во фразе, долгий гласный чаще распознавался как краткий, если гласный находился на предъядерном участке (в шкале), например, ...your 'first *port* of *call*..., ...your 'next *port* of *call*..., в то время как краткий гласный распознавался как долгий, если гласный находился в заядерной части синтагмы, например, ... you put >*flour in the pot*||.

Таким образом, результаты нашего исследования показывают, что при ослаблении качественных различий между гласными (по ряду и подъему) в процессе идентификации гласного на первый план могут выходить его количественные характеристики.

Как видно из результатов проведенного нами исследования, позицию дезакцентуации ударных гласных во фразе можно назвать наиболее слабой позицией для реализации фонологических признаков фонемы и соответственно наиболее слабой позицией для идентификации ее фонемной принадлежности. Иными словами, данная позиция выступает в качестве наиболее вероятной позиции, в которой возможна нейтрализация фонологических оппозиций гласных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зиндер, Л.Р. Очередные задачи фонетики / Л.Р. Зиндер // Проблемы фонетики и фонологии: материалы всесоюз. совещания, Москва, ноябрь 1986 г. / Ин-т языкознания АН СССР ; редкол. : И.Г. Торсуева [и др.]. – М., 1986. – С. 39–43.
2. Степанов, Г.В. К проблеме языкового варьирования / Г.В. Степанов. – М. : Наука, 1979. – 327 с.
3. Торсуев, Г.П. Константность и вариативность в фонетической системе: На материале английского языка / Г.П. Торсуев. – М. : Наука, 1977. – 126 с.
4. Стериополо, Е.И. Система гласных и ее реализация в речи (экспериментально-фонетическое исследование на материале немецкого языка) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Е.И. Стериополо ; СПбГУ. – СПб., 1995. – 36 с.
5. Михальчук, В.А. Модификации английских гласных в связной речи (на материале вокалического стыка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / В.А. Михальчук ; Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. – СПб., 1999. – 24 с.
6. Karnevskaya, E.B. The linguistic aspect of multi-language speech synthesis / E.B. Karnevskaya // Proc. of the 11th Intern. Congr. of Phonetic Sciences, Tallinn, Aug. 1–2, 1987 : in 6 vol. / Acad. Of Sciences of Estonian SSR, Inst. Of Lang. And Lit. – Tallinn, 1987. – Vol. 2. – P. 168–171.

7. *Златоустова, Л.В.* Исследование длительности неударных гласных в зависимости от фразовых условий / Л.В. Златоустова, И.Г. Фролова, Е.В. Ленина // Семантические и фонологические проблемы прикладной лингвистики : сб. ст. / Моск. гос. ун-т ; под ред. В.А. Звегинцева. – М., 1968. – С. 74–134.
8. *Кривнова, О.Ф.* Количественная оценка воздействия супrasegmentных факторов на длительность ударных гласных в синтагме / О.Ф. Кривнова // Автоматическое распознавание слуховых образов: тез. докл. и сообщ. 13-й Всесоюз. науч. школы-семинара АРСО–13, Новосибирск, 23–28 июля 1984 г. : в 2 ч. – Новосибирск : Изд-во Сиб. отд-ния АН СССР, 1984. – Ч. 2. – С. 6–7.
9. *Карневская, Е.Б.* Моделирование временного контура фразы при многоязычном синтезе речи / Е.Б. Карневская // Проблемы автоматического и экспериментально-фонетического анализа текстов : сб. науч. ст. / Минск. гос. пед. ин-т иностр. языков ; под ред. А.В. Зубова. – Минск, 1986. – С. 33–39.
10. *Касевич, В.Б.* Информационная структура текста и просодическая структура речи / В.Б. Касевич // Проблемы фонетики и фонологии: материалы всесоюз. совещания, Москва, ноябрь 1986 г. / Ин-т языкознания АН СССР ; редкол. : И.Г. Торсуева [и др.]. – М., 1986. – С. 51–55.
11. *Гусева, С.И.* Коммуникативная перспектива высказывания и реализация сегментных единиц (экспериментально-фонетическое исследование на материале немецкого языка) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / С.И. Гусева ; СПбГУ. – СПб., 2001. – 37 с.
12. *Андросова, С.В.* Аллофонное варьирование согласных фонем в спонтанной речи: экспериментально-фонетическое исследование на материале американского варианта английского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / С.В. Андросова. – Благовещенск, 2001. – 220 л.
13. *Шуйская, Т.В.* Аллофонное варьирование гласных на участках разной информативной нагруженности (экспериментально-фонетическое исследование на материале австралийского варианта английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Т.В. Шуйская ; СПбГУ. – СПб., 2008. – 15 с.
14. *Karnevskaya, E.B.* The role of plosive consonants in the perception of word boundaries / E.B. Karnevskaya, E.D. Dolmatova // Speech and computer: Intern. Workshop, St. Petersburg, June 21–25, 2009 / Russian Acad. of Sciences ; St. Petersburg Inst. for Informatics and Automation ; Speech Informatics Group of SPIIRAS. – St. Petersburg, 2009. – P. 426–429.

The article deals with English vowel modifications caused by the position of a word in the prosodic structure of an utterance. A series of auditory tests has been carried out on the basis of minimal pairs of vowels presented in monosyllabic words depending in their recognition on the accuracy of vowel identification. The data obtained have confirmed the underlying hypothesis concerning the impact of prosodic deaccentuation on the probability of vowel misidentification.

Поступила в редакцию 22.10.10

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТОПОНИМИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ГАЗЕТНОМ ТЕКСТЕ

Рассматривается прагматический потенциал топонимических единиц на примере функционирования топонимов библейского, мифологического и исторического происхождения во французской публицистике. Использование топонима, семантика которого складывается как из лингвистической, так и из экстралингвистической информации, вызывает в сознании определенные коннотации, причем основной моделью актуализации коннотативных смыслов является «место – событие». Для некоторых единиц реализация потенциальных признаков возможна лишь в составе устойчивого выражения с вспомогательным компонентом. Основная функция топонимов библейского, мифологического и исторического происхождения в языке публицистики – оценочная. Особенностью функционирования топонимов является их использование с целью усиления того или иного стилистического эффекта, а также во избежание лексических повторов.

В современной лингвистике под *топонимом* понимается имя собственное любого географического объекта. Вместе с тем противоречие, заложенное в самой природе онимов как единиц системы языка и системы речи, вследствие чего они в течение долгого времени рассматривались как содержательно бедные и функционально ограниченные единицы, породило целый ряд исследований как в отечественном, так и в зарубежном языкознании. Долгое время топонимы изучались преимущественно в диахроническом аспекте с точки зрения их этимологии (А.В. Суперанская, Н.Д. Подольская, К. Harder, J.P. Dalbera, L. Lautier, G. Henry) или же привлекали исследователей своими структурно-морфологическими особенностями (А.Л. Шилов, Е.С. Отин, В.Л. Васильев, В.Д. Беленькая, W. Beauchamp, H. Gannett). Обращение к проблеме функционирования онимов в различных видах дискурса в аспекте синхронии отмечается сравнительно недавно в работах В.Н. Топорова, Т.М. Николаевой, И.Э. Ратниковой, М.-А. Paveau, а преимущественно на топонимическом материале – в работах К.М. Ирисхановой, С.В. Перкаса, Ю.А. Блиновой, А.Б. Пеньковского. Сегодня топоним предстает как семантически емкий носитель экстралингвистического знания, лексическая единица, характеризующаяся достаточно сложной семантической структурой, обладающая богатыми коннотативными свойствами в аспекте широкого культурологического потенциала.

Материалом для исследования послужили архивы французского общественно-политического периодического издания “Le Monde Diplomatique” в период с 1978 по 2006 гг. Выбор современных публицистических текстов, которые мы вслед за В.Е. Чернявской [1, с. 55] рассматриваем в качестве газетного дискурса, обусловлен их способностью «наиболее живо и оперативно отражать тенденции своего времени» [2, с. 65], этические ценности и культурные установки общества. Язык СМИ является той областью литературного языка, в которой возможна реализация всех его потенциальных

форм, где как нельзя лучше можно наблюдать процессы взаимодействия социальных факторов и языковых явлений.

В результате проведенного предварительного исследования архивных материалов “Le Monde Diplomatique” среди топонимов библейского, мифологического и исторического происхождения была выделена группа единиц: *Damas* (285 контекстов), *Calvaire* (92 контекста), *Troie* (80 контекстов), *Babel* (73 контекста), *Rubicon* (21 контекст), *Waterloo* (21 контекст), *Canossa* (9 контекстов). Отобранные единицы характеризуются широкой известностью, высокой частотностью употребления, а также возможностью семантических преобразований.

Теоретической основой при рассмотрении семантики выделенных топонимов послужила теория значения М.В. Никитина [3], согласно которой значение имени складывается из двух частей: ядра – интенционала и периферии – импликационала. В область интенционала входят обязательные семантические признаки, позволяющие отличать денотат одного имени от других возможных, а область импликационала базируется на ассоциациях, формируя при этом культурный фон имени, его прагматический потенциал, актуализируемый в контексте / тексте.

К примеру, интенционал топонима *Canossa* (*Каносса*) можно определить как «небольшой итальянский городок в регионе Эмилия-Романья». Указанный признак позволяет отличить данный топоним от других возможных географических объектов. В импликационал же значения войдут все возможные ассоциативные признаки, связанные с данным именем, в частности, аллюзия на исторический факт, имевший место в данном городке, когда Генрих IV был вынужден преклонить колено перед Папой Григорием VII, чтобы не быть отлученным от церкви, и, следовательно, значения, появившиеся на этой основе, – ‘принять униженные условия’, ‘пойти на вынужденные уступки’. Так, например, в статье, где речь идет о кризисе системы социального обеспечения во Франции, Движение предприятий Франции (Medef), обращаясь к правительству, требует права на активное участие в делах страны. Автор статьи, подчеркивая выжидательную позицию премьер-министра, с иронией использует топоним *Canossa* в значении ‘пойти на вынужденные уступки’:

Ce droit n'étant pas constitutionnel, pas plus que la cogestion des affaires de la République, le premier ministre aurait pu réagir contre ce qui pouvait apparaître comme une tentative de coup d'Etat factieux. Il s'en garda bien. Les semaines à venir diront s'il s'est rendu à Canossa (2003, февр.).

Акцентируя внимание читателей на проблеме статуса эмигрантов в Германии, автор статьи *L'Allemagne, la violence et le chagrin* употребляет образное выражение *emprunter le chemin de Canossa* в значении ‘отступать, сдавать свои позиции’ при описании противостояния правительственной коалиции Г. Коля националистическим партиям Германии:

Depuis 1990, le parti de Willy Brandt (décédé le 8 octobre 1992) semble avoir emprunté le chemin de Canossa (1993, янв.).

Сочетаясь с различными глаголами движения (*se rendre, venir, emprunter le chemin, aller, voyager*), топоним *Canossa* лишь формально функционирует как обозначение географического объекта, так как в контекстах реализуются значения, связанные, прежде всего, с произошедшим некогда событием.

Сравнительно небольшое число контекстов с данным топонимом (9 употреблений в исследуемом корпусе) может свидетельствовать об утрате большинством носителей языка культурно-исторических сведений о данном топониме. Однако именно единицы, обладающие ограниченной встречаемостью в дискурсе, создают наибольший стилистический эффект, необходимый автору для придания языку экспрессивности, образности, для привлечения внимания читателей к определенной проблеме, для яркой характеристики действий, поступков людей.

В контексте социально-культурного развития функционирование топонимических единиц претерпевает различного рода семантические изменения. Так, например, топоним *Babel (Вавилон)*, выявленный в 73 контекстах, когда-то использовался для обозначения древнейшего библейского города, жители которого не могли договориться, так как разговаривали на разных языках. Анализ языка СМИ исследуемого периода обнаруживает появление данного топонима в качестве названий книжного магазина, сборника литературных сочинений, издательств, библиотеки и др., причем развитие коннотативных значений происходит в случае переноса импликационального признака исходного значения в область интенционала производного значения топонима. Если импликационал, представляющий собой многоуровневую структуру, состоит из нескольких признаков, то в контексте может быть актуализирован любой из них. Так, например, в статье о соотношении культуры, идеологии и общества в современном мире с помощью топонима *Babel* актуализируется значение 'смешение культур':

La voilà donc la toute dernière idéologie: celle de Babel! (1997, май).

В примере, взятом из презентации романа В. Геддиса «JR» в рубрике *Références bibliographiques*, важным для понимания смысла произведения становится использование топонима *Babel* в значении 'шум, гул':

Il ne s'agit même plus du "cauchemar climatisé" que fuyait Henry Miller, ni d'une Babel aux langues intransmissibles (1993, май).

Мир в романе, согласно автору статьи, предстает в виде своеобразной какофонии всевозможных диалогов и монологов (...*hallucinante cacophonie d'impossibles dialogues, de monologues parallèles...*).

Метафоризация топонимов зачастую приводит к их полной или частичной фразеологизации и образованию идиом. Функционируя в составе устойчивого выражения с компонентом *tour* (21 контекст), топоним *Babel* развивает значения 'путаница, неразбериха, хаос'. Следует подчеркнуть, что один и тот же топоним, функционирующий в переносном значении, используется для осмысления и характеристики совершенно разных явлений, зачастую лишенных реального сходства между собой:

Un même désir d'en finir avec le chaos de la tour de Babel anime ces premiers réseaux d'échanges culturels (2001, сент.) – о создании международной универсальной системы информационных ресурсов;

Cette diversité explique partiellement une confusion terminologique digne de la tour de Babel (1999, сент.) – о проблеме обеднения населения в странах Западной Европы, скрытой за терминологической путаницей;

Sa déesse principale est Uranie, muse de la géographie, et son véritable lieu de séjour est la tour de Babel (1993, янв.) – о мире поэта Д. Валкотта (D. Walcott), объектом творчества которого стала история западных языков.

Анализ исследуемого материала позволил констатировать, что, если одни топонимические единицы способны актуализировать импликациональные признаки и самостоятельно, и в составе устойчивых выражений с определенным вспомогательным компонентом, то для других единиц наличие вспомогательного компонента является необходимым условием для реализации потенциальных признаков. Так, например, топоним *Damas* (Дамаск), интенционалом которого является столица Сирии (285 контекстов), приобретает значение 'правильный выбор, верный путь' только лишь в составе устойчивого выражения с компонентом *chemin* (9 контекстов):

Certes, Dieu en soit loué, des cohortes d'anciens marxistes ont trouvé leur chemin de Damas: ils n'en finissent plus de confesser leurs fautes passées, de les expier (1984, февр.) – о марксистах, признавших былые ошибки;

Il y échappa d'abord de justesse en se retrouvant en prison, à l'âge de vingt ans. Ce fut le début de son chemin de Damas (1993, февр.) – о герое фильма "Malcolm X", для которого тюремное заключение стало отправной точкой, изменившей его мировосприятие.

Импликационал данного топонима основан на библейской истории о Павле, уверовавшем во Христа по дороге в Дамаск. Функционируя самостоятельно, без вспомогательных компонентов, топоним *Damas* не обладает стилистической окрашенностью, не несет дополнительных смыслов, а указывает на конкретный топообъект, выделяя его из ряда других географических объектов.

Аналогичную ситуацию можно наблюдать и в отношении топонима *Troie* (Троя), актуализация импликациональных признаков которого происходит только в составе устойчивых выражений с компонентами *cheval* 'конь' или *guerre* 'война'. Определяющим фактом для появления выражений *cheval de Troie* и *guerre de Troie* явился миф о троянской войне, когда грекам с помощью хитрости удалось покорить Трою после десяти лет бесполезной осады. В исследуемом корпусе было выявлено 69 контекстов, в которых топоним *Troie* функционирует со значениями 'уловка, хитрость', 'коварный прием', 'козырь', 'нечестная политическая игра', 'упорная, но бесполезная борьба'. В следующем контексте, например, устойчивое выражение *cheval de Troie* используется для обозначения генетически модифицированных растений, применение которых привлекает производителей, но не приносит никакой пользы потребителям:

Ces PGM «sympathiques», mais encore inefficaces, semblent surtout jouer le rôle de chevaux de Troie pour faire avaliser une technologie qui ne présente aucun avantage pour les consommateurs (2006, апр.).

В приведенных ниже примерах речь уже идет о Европе, ставшей козырем в политических играх США:

Derrière cette « nouvelle Europe » présentée comme «cheval de Troie» des Etats-Unis (2003, нояб.);

...entre les Etats-Unis et l'Europe continentale, qui a fourni au monde ce cheval de Troie à deux têtes, l'une politique et l'autre intellectuelle, en la personne duale de Tony Blair et d'Anthony Giddens... (2000, май);

Vous vous demandez si je ne suis pas en train de confondre ici des pièces de théâtre avec des événements réels, Sophocle ou Eschyle avec le chaos assourdissant des guerres de Troie actuelles? (1992, март) – об актуальной ситуации в мире;

La guerre de Troie a eu lieu, mais c'est Ulysse qui vit. Koskotas a existé et on dit que Berlusconi gouverne (1994, июль).

В последнем примере речь идет о герое романа греческого писателя В. Василикоса «К» Ж. Коскотасе, ставшего символом коррумпированной системы, бороться с которой не имеет смысла.

Обращает на себя внимание широкое использование выражения *Cheval de Troie* в качестве названий книг, а также различного рода публикаций:

...Paul Nizan dans son roman Le Cheval de Troie, paru en octobre.... 1935 (2006, июнь);

Les sectes, cheval de Troie des Etats-Unis en Europe, Le Monde diplomatique (2001, май);

Le Cheval de Troie audiovisuel. Le rideau de fer à l'épreuve des radios et télévisions transfrontières, Presses universitaires de Grenoble, 1995 (2001, сент.).

Следующий пример показателен для иллюстрации дискурсивного функционирования топонимов, развитие импликациональных признаков которых происходит по модели «место – событие». Если исходным интенциональным признаком для топонима *Rubicon* является река на севере Италии, то импликациональным – историческое событие, связанное с данным местом: Юлий Цезарь, нарушив запрет Сената, перешел со своими войсками реку Рубикон и тем самым развязал войну. В обнаруженных контекстах (21 употребление), на основе исходного импликационального признака, появляется новое значение ‘сделать решительный шаг’, ‘принять судьбоносное решение’:

Cependant, l'exécuté exécuté ne saura pas faire de sa disgrâce un événement politique. En deux occasions, très isolé, malgré son attention aux plaintes des opposants, il se détournera du Rubicon (1999, май) – о Ф. Ясе, приемнике президента Кот-д'Ивуар, который не решился на радикальные меры, чтобы вернуть себе былой авторитет;

Au XXVIIe congrès du PCUS, en février-mars 1986, M. Gorbatchev ose enfin annoncer une «réforme radicale». Le Rubicon est franchi (2005, июнь) – о «перестройке», начатой М. Горбачевым в конце 1990-х;

Pour les châtelains privés, cela suppose de se transformer en entreprise, et beaucoup ne sont pas près à franchir le rubicon (2001, дек.) – о неготовности владельцев замков адаптироваться к современному туристическому бизнесу и искать новые способы привлечения посетителей.

Важно отметить, что топоним *Rubicon* функционирует как в составе устойчивого выражения с компонентом *franchir*, так и с другими компонентами (*un passage, se détourner, passer, traverser* и др.), характеризую самые разные явления общественно-политической жизни.

Знание исторических ассоциаций и связанных с ними коннотаций чрезвычайно важно для адекватного понимания смысла, так как именно важные исторические события являются основой метафорического переосмысления топонима и актуализации нового значения в определенном контексте. Несмотря на то, что в мире существует около 120 географических объектов с названием Waterloo [4], данный топоним ассоциируется прежде всего со знаменитой битвой в небольшом местечке на юге Бельгии, в которой войска Наполеона потерпели поражение. Значимость и последующая метафоризация этого события привели к переносу первичного импликационного признака исходного значения топонима в зону интенционала получившегося топонима со значением ‘крах, поражение, катастрофа’, причем его функционирование не ограничивается военной тематикой. Если в приведенном ниже контексте автор статьи с помощью топонима *Waterloo* описывает свое состояние после так и не сложившейся встречи с Ж.-П. Сартром, сравнивая себя с Фабрисом в Ватерлоо: *J'étais, comme Fabrice à Waterloo - tout échec et déception* (2000, сент.), то в примере, взятом из презентации романа А. Брис-Эшеник (А. Bryce-Echenique) «Le Verger de mon aimée», топоним *Waterloo* функционирует как наречие, характеризую впечатления героев романа от карнавала:

Mais le bal masqué du carnaval 1957, chez Maricuchita Ibàñez Santibàñez, fut bien trop waterloo pour les jumeaux même si, comme de petits Napoléon créoles, ils devaient de nouveau tenter leur chance dans l'art de la déroute affreuse et définitive (2006, февр.).

Метафорическое переосмысление топонима *Calvaire* (Голгофа), изначально обозначающего холм недалеко от Иерусалима, где был распят Христос, в языке СМИ получило постоянное употребление в значении ‘пытка, мучение’:

Agressé par les parents, il se sent perdu, tout juste bon à garder des élèves comme on garde des oies rebelles. Au terme d'un calvaire de trois ans, il démissionne (2006, окт.) – о невыносимых трудностях преподавателя одной из школ пригорода;

Pour nombre de ces hommes, l'arrestation marque le début d'un calvaire au cours duquel ils peuvent être frappés ou maltraités, interrogés de manière

répétitive et apparemment aléatoire, et emprisonnés pendant des semaines ou des mois sans revoir leur famille (2004, апр.) – о муках тюремного заключения;

Sur l'autre versant des Carpathes, les 132 enfants de l'internat de Zaloutch vivent le même calvaire que ceux de Gradinari, mais dans l'angoisse et la solitude d'un pays fermé sur lui-même (2000, июнь) – о жизни детей, оставленных родителями, в интернате.

Важно отметить, что топоним *Calvaire*, обнаруженный в 92 контекстах, в течение исследуемого периода употреблялся лишь в функции вторичной номинации, причем во всех случаях отмечается написание с маленькой буквы, что, в принципе, нехарактерно для всего класса имен собственных. Данный факт свидетельствует об утрате топонимом ассоциативной связи с географическим объектом. Большинство носителей языка данное имя собственное в своей исходной форме воспринимается уже как имя нарицательное. Прочная закреплённость в узусе импликационных признаков в значении рассматриваемых топонимических единиц, а также их семантико-функциональная близость к апеллиативам позволяет, вслед за А.В. Суперанской, А.К. Матвеевым и др., говорить о переходе имени собственного в имя нарицательное.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что потенциально, т.е. в системе языка, топоним может обладать как лингвистической, так и экстралингвистической информацией, однако в тексте или в речи актуализируется лишь та часть его информационного потенциала, которая обеспечивает адекватное понимание всего сообщения. Актуализация признаков реализуется в тексте по принципу импликационных связей, т.е. употребление имени вызывает в сознании связанные с ним характеристики.

В процессе функционирования значение топонима, вследствие утраты для большинства носителей языка первичной мотивировки имени, превращается в узуальное, о чем сигнализирует орфография (использование строчной буквы). При этом основной моделью развития коннотативных смыслов топонимов, связанных с историей, мифологией и Библией, является «место – событие». Для некоторых топонимических единиц актуализация импликационных признаков возможна лишь в составе устойчивого выражения с определенным вспомогательным компонентом.

Основная функция топонимов в языке – номинативно-репрезентативная, т.е. выделение и именованье конкретного объекта в ряду однородных. Вместе с тем анализ топонимов на материале языка СМИ позволил выявить ряд функций, характеризующих данные единицы как «феномены культуры». Прежде всего, основной функцией топонимов исторического, библейского и мифологического происхождения в газетном тексте является оценочная, она базируется на их способности приобретать «отсоциумные коннотации» и «культурную ауру» [5, с. 59].

Особенностью функционирования топонимов в газетном дискурсе является их использование с целью усиления стилистического эффекта (*Ватерлоо* вместо *полное поражение, неудача*; *Каносса* вместо *унизительный компромисс*), а также во избежание лексических повторов

(перейти Рубикон вместо принять важное решение), т.е. в функции стилистических синонимов, что придает языку СМИ особую экспрессивность, нередко отражая позицию автора, эффективно воздействуя на читателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чернявская, В.Е. От анализа текста к анализу дискурса: немецкая школа дискурсивного анализа / В.Е. Чернявская // Филологические науки. – 2003. – Вып. 3. – С. 68–76.
2. Швейцер, А. Упадок и возрождение культуры, избранное / А. Швейцер. – М. : Прометей, 1993. – 315 с.
3. Никитин, М.В. Лексическое значение в слове и словосочетании / М.В. Никитин. – Владимир : ВГПИ, 1974. – 222 с.
4. Waterloo [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://fr.wikipedia.org/wiki/>. – Дата доступа : 20.09.2010.
5. Рут, М.Э. Антропонимы: размышления о семантике / М.Э. Рут // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2001. – № 20. – Вып. 4. – С. 59–64.

The article is devoted to the analysis of pragmatic potential of biblical, historical and mythological toponyms in French media. Toponyms are considered as full semantic units with a wide cultural functioning, conditioned by its complex structure. The implicit toponym meanings are mostly actualized on the model «place – event». The main function of biblical, historical and mythological toponyms in French media is evaluation. The usage of toponyms intensifies stylistic effects, reflects the author's position, and permits to influence an addressee more efficiently.

Поступила в редакцию 08.10.10

С.В. Козлова

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЮРИДИЧЕСКОГО ТЕРМИНА В СОСТАВЕ НОМИНАТИВНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ

Статья посвящена юридическим терминологическим словосочетаниям с именем существительным в качестве главного слова. В результате анализа были выведены типологии по семантическому и частеречному принципу (последняя подкрепляется статистическими данными).

Ввиду непрерывных процессов терминологизации и детерминологизации, влекущей за собой неоднородность юридической терминологической лексики, особое внимание уделяется проблеме терминологичности: критериям терминологического статуса юридических словосочетаний, степени их терминологичности, измеряемой по соответствующей шкале, а также отграничению единого термина от сочетания терминов.

Развитие научно-технических знаний способствует появлению в составе лексики 90 % новых слов, ранее относящихся к терминологии, поэтому изучение специальной лексики становится приоритетным [1, с. 5].

В терминоведческих работах под термином обычно понимают «слово или сочетание слов, обозначающее специальное понятие, употребляемое в науке, технике, искусстве» [2] и подразделяют на однокомпонентные, моноксные (*absolution* ‘освобождение от наказания лица, признанного виновным’) и двухкомпонентные (*sanction aggravée* ‘усиленная санкция’) термины. Действительно, они чаще всего встречаются в терминологических словарях. Между тем (реже представленные в словарях) в научных, технических, деловых и публицистических текстах получили распространение поликомпонентные (называемые также полилексными, многословными, составными) термины, представляющие в большинстве европейских языков, по утверждению С.В. Гринева-Гриневича, 60–80 % от общего количества [1, с. 121]: трехсловные (*aide mutuelle judiciaire* ‘правовая взаимопомощь’), четырехсловные (*affaire classée sans suite* ‘прекращенное дело’), а также построенные из большего числа слов-частей (*convention de sauvegarde des droits de l'homme et des libertés fondamentales* ‘конвенция о защите прав человека и основных свобод’ [3, с. 267–268]).

Юридический термин – это слово или словосочетание, выражающее определенное юридическое понятие.

Все юридические словосочетания по своей семантике подразделяются на 3 лексико-тематические группы:

- **субъект/участник права**, включающий понятие соучастника (*accusateur public* ‘государственный обвинитель’, *avocat général* ‘генеральный адвокат (помощник генерального прокурора)’);
- **правовое действие/процесс** (*recherche d'une infraction* ‘обнаружение (признаков) преступления’, *recours à la force armée* ‘применение вооруженной силы’);
- **объект/результат права** (*abandon de famille* ‘злостное уклонение от исполнения семейных обязанностей’, *absence de revendication* ‘отсутствие притязаний’).

Составные термины могут образовывать ряды по принципу семантического единства, общности модели, логико-семантических отношений между элементами, грамматических значений терминологических элементов, по участию одного и того же однословного термина в построении нескольких родственных дериватов [3, с. 270–271].

Анализ показывает, что возможно выведение типологии по частеречному принципу.

Исходя из засвидетельствованной многими учеными субстантивной тенденции термина [4, с. 8; 5, с. 43; 6, л. 104, 7, с. 7], наиболее полно воплощающего номинативную функцию, особое внимание было уделено имени существительному.

В юридическом словаре Г.И. Мачковского [8], включающего 22767 субстантивных словосочетаний, наиболее простым и распространенным видом составных терминов является словосочетание, ядерные компоненты которого связаны предложной связью (53 % от общего числа словосочетаний).

Словосочетание, состоящее из главного, знаменательного, стержневого слова – имени существительного + предлог *de* + зависимое слово составляет примерно 42 % от общего числа.

Конструкция N+*de*+N (23 %) – адъективная конструкция, где предлог *de* теряет смысловую нагрузку родительного падежа и носит характер качественного признака (*facteur de crime* = *facteur criminogène* ‘криминогенный фактор’).

Вариант данной конструкции N+*de*+article+N (13 %) по сравнению с предыдущей имеет за счет наличия артикля менее высокий уровень абстракции, меньшую спаянность (*cessation des paiements* – *cessation de paiements* ‘неплатежеспособность физического лица-коммерсанта’; ‘прекращение платежей товариществом’).

Конструкции N+*de*+V (*faculté d'appeler* ‘право на апелляцию’), N+*de*+N+A (*exécution de la sanction pénale* ‘исполнение уголовного наказания, отбывание наказания’), N+*de*+A+N (*contravention de simple police* ‘полицейское правонарушение’), N+*de*+article+N+A (*autorité de la chose décidée* ‘сила судебного постановления до его вступления в законную силу’), N+*de*+article+A+N (*abus de la légitime défense* ‘превышение пределов необходимой обороны’) мало представлены в предложной категории.

Словосочетания с предлогом *à* составляют около 4 % от общего числа.

В конструкции N+*à*+N (1 %) зависимое слово с предлогом указывает на специфический признак опорного слова (*garde à vue* ‘задержание’) и способ действия (*vol à main armée* ‘вооруженный грабёж’).

Модель N+*à*+article+N употребляется чаще (2 %). Зависимое слово может характеризовать субъект/объект действия (*défendeur à l'action* ‘ответчик по иску’, *droit à la défense* ‘право на защиту’), место действия (*comparution au tribunal* ‘явка в суд’), а также способ действия (*écrit à la main* ‘рукописный документ’).

Данные конструкции имеют также небольшое количество двухкомпонентных (N+*à*+V (*affaire à suivre* ‘дело, находящееся в делопроизводстве’)) и трехкомпонентных (N+*à*+N+A (*délibération à huis clos* ‘закрытое судебное разбирательство’), N+*à*+A+N (*obligation à long/court terme* ‘обязательство с установленным сроком исполнения’), N+*à*+article+N+A (*recours à la force armée* ‘применение вооруженной силы’)) вариантов.

Словосочетания, образованные при помощи других предлогов, составляют примерно 8 %.

Больше всего (3 %) в данной категории представлена модель N+*en*+N, обозначающая специфический признак главного слова (*action en justice* ‘судебное дело’), динамическое и статическое состояние (*circulation en état d'ivresse* ‘управление транспортным средством в состоянии опьянения’, *contrat en cours* ‘действующий договор’), способ действия (*conclusions en réponse* ‘письменные объяснения ответчика’).

Конструкция N+*sur*+(article)+N (1 %) указывает на объект, над которым совершается действие, на направление действия: *contrôle sur pièces* ‘документальная проверка, ревизия’, а также на способ действия (*divorce sur*

demande d'un des époux ‘развод по заявлению одного из супругов’) и место действия (*descente sur les lieux* ‘выезд на место преступления’).

Модель N+par+N (1 %) отражает способ, средство достижения результата, выраженного главным словом: *complice par conseils* ‘пособник, содействующий совершению преступления советами’.

N+pour+N (0,5 %) заключает целевую установку: *allocation pour frais de garde* ‘пособие по уходу за малолетним ребенком’.

Предлог, десемантизируясь, является средством синтаксической транспозиции, перевода слова из одной части речи в другую. Чаще всего в асемантической функции используются предлоги *à, de*, реже *en, pour*: *arme à feu* ‘огнестрельное оружие’, *acte de juridiction* = *acte juridictionnel* ‘судебное постановление’, *agent de douane* = *agent des douanes* = *agent douanier* ‘таможенник’, *action en réhabilitation* = *action réhabilitoire* ‘иск о расторжении договора’, *responsabilité pour risque* ‘объективная ответственность за причиненный ущерб’.

Беспредложные словосочетания составляют 46,96 % от всего количества юридических терминов.

N+A, где главное слово приобретает различные характеристики (*produit contrefait* ‘контрафактное изделие’), – наиболее распространенная конструкция данного типа (44,5 %).

Следующей по частотности является атрибутивная конструкция N+N (1 %), в которой главное слово характеризует существительное, выступающее в функции имени прилагательного: *assurance accident* ‘страхование на случай ответственности за ущерб, причиненный страхователем’.

Примерно 0,7 % словосочетаний образованы по модели A+N, что обусловлено препозитивным свойством некоторых имен прилагательных: *forte criminalité* ‘высокий уровень преступности’, *jeune délinquant* ‘несовершеннолетний правонарушитель’.

Имеет место также редкий случай сочинительной связи в словосочетаниях: *coups et blessures par imprudence* ‘причинение телесных повреждений по неосторожности’, *crimes et délits de profit* ‘преступления и проступки, совершенные в корыстных целях’.

В 2 % случаев термином является словосочетание во множественном числе (*actes de guerre* ‘военные действия’, *règles de compétence* ‘правила о подсудности’).

Словосочетания, обозначающие названия организаций, заведений, виды законодательств, имеющие государственную или международную значимость (*Commission du droit international de l'ONU* ‘Комиссия международного права ООН’, *Commission intérimaire* ‘Межсессионный комитет’, *Code de l'organisation judiciaire* ‘законодательство о судоустройстве’), также являются терминами.

Наиболее характерные синтаксические модели юридических терминологических словосочетаний отражены в следующей таблице.

Характерные модели юридических синтаксических словосочетаний

Тип связи	Общее количество, %	Модели	Проценты
Предложная	53	С предлогом <i>de</i> N+ <i>de</i> +N	23
		N+ <i>de</i> +article+N	13
		С предлогом <i>à</i> N+ <i>à</i> +N	1
		N+ <i>à</i> +article+N	2
		С другими предлогами N+ <i>en</i> +N	3
		N+ <i>sur</i> +N	1
Беспредложная	46,96	N+ <i>par</i> +N	1
		N+ <i>pour</i> +N	0,5
		N+A	44,5
		N+N	1
Сочинительная	0,04	A+N	0,7
		N+ <i>et</i> +N	

Процесс образования терминологических словосочетаний сводится к присоединению новых атрибутивных элементов к ядерному (*acte de légitime défense* ‘акт допустимой самообороны’).

Многословные термины, являясь высокочастотными, функционируют, не расчленяясь на составляющие элементы или имеют несколько уровней членения: словосочетание *fait générateur du droit* ‘правообразующий факт’ имеет два уровня членения (наслаивания признаков друг на друга): на первом уровне реализуются определительные отношения (*fait générateur*), а на втором (*générateur du droit*) – отношение принадлежности.

Последовательное присоединение к исходному однословному термину слов-уточнителей используется языком для конкретизации исходного понятия и для образования его видовых коррелятов.

Ввиду непрерывного процесса терминологизации и детерминологизации [9, с. 116] юридическая терминологическая лексика предстает неоднородной, включая:

- 1) собственно юридические термины (*défendeur* ‘заявитель’, *assesseur* ‘член суда присяжных’);
- 2) неюридические термины, являющиеся частью других терминологических систем (*agio* фин. ‘ажю’, *dispatche* мор. ‘диспаша’);
- 3) термины, входящие в разные терминологические системы (*cassation* юр., муз. ‘кассация’);

4) термины, имеющие наряду с терминологическим, общеупотребительное значение (*captation* юр. ‘присвоение имущества’, общеупотр. ‘захват, перехват’);

5) общенаучные слова (*méthode* ‘метод’, *analyse* ‘анализ’);

6) слова, за которыми толковые словари не признают статуса юридических терминов, но которые часто встречаются в юридических текстах и важны для взаимопонимания специалистов (*activité* ‘деятельность’) [6, л. 95–96; 10, с. 10].

Поскольку терминологические словосочетания строятся по нормам сочетаемости общеупотребительной лексики [11, с. 34], в них в качестве компонентов могут взаимодействовать указанные терминологические единицы, а также общеупотребительная лексика, закономерно встает вопрос о принадлежности рассматриваемых словосочетаний к терминологическим и степени их терминологичности [12, с. 187–196].

Терминологичность заключается в способности слова или словосочетания выражать специальные понятия [11, с. 33–34], определяется только относительно некоторой системы объяснения его значения, например, системы определений [13, с. 6], и проявляется в лексической и терминологической семантике [14, с. 7].

Критерием определения терминологичности и ее степени служат словарные пометы нескольких словарей (специализированного, толкового, переводного, синонимов) и семный анализ.

В доказательство терминологического статуса словосочетания необходимо привести пометы хотя бы одного из двух его компонентов в более, чем одном словаре (специализированном и каком-либо другом): например, в словосочетании *abrogation d'une décision* ‘отмена решения’ компонент *abrogation* имеет пометы в специализированном словаре и французско-русском словаре под редакцией В.Г. Гака и К.А. Ганшиной [15]. Если же обе составляющие словосочетания обозначают определенное научное понятие и принадлежат одному понятийному полю в пределах данной науки, можно сделать вывод о терминологичности данного словосочетания.

99 % словосочетаний имеют в своем составе лишь один компонент, относимый словарями к терминологическому: *délit grave* ‘тяжкое преступление’, *délit formel* ‘преступление с формальным составом’, *délit d'astuce* ‘преступление, совершаемое обманным путем’.

Статус терминологического придает словосочетанию опорное слово: например, в словосочетании *aveu forcé* ‘признание, полученное путем принуждения’ это слово – *aveu*.

Опорное слово не всегда является главным словом терминологического словосочетания: *accord d'exécution* ‘исполнительное соглашение’, где опорное слово – *exécution*.

Для выявления степени терминологичности предлагают использование шкалы терминологичности от нулевой до третьей степени (нулевая степень – слово принадлежит общеупотребительной лексике; пер-

вая – общенаучной; вторая – междотраслевой; третья – как правило, одной научной дисциплине) [16, с. 30–32].

Такой подход, учитывающий разнородность терминологии и предполагающий рассмотрение термина не только в узком смысле (термин-слово), представляется более гибким и целесообразным.

Например, в словосочетании *flagrant délit* ‘очевидный уголовный проступок’ согласно юридическому словарю Г.И. Мачковского и толковому словарю Le Grand Robert оба компонента словосочетания имеют помету “юр.”, что свидетельствует о третьей степени терминологичности. При подключении французско-русского словаря под редакцией В.Г. Гака и К.А. Ганшиной, отмечающего принадлежность к юридической терминологии лишь слово *délit*, вывод может казаться неоднозначным. Однако вследствие процессов терминологизации и детерминологизации, а также дифференциации и интеграции научного знания между степенями терминологичности не может быть четких границ [16, с. 30–32].

Возникает вопрос, это сочетание терминов или единый термин.

Ю.С. Степанов полагает, что, если сочетание терминов функционирует как единый термин (то есть применяется для выражения целостного, устойчивого, хотя и расчлененного понятия), то они должны приравняться к терминам и рассматриваться в их системе [17, с. 267–268].

Целесообразно применение целого спектра методических процедур.

○ Необходимо обращать внимание на основные свойства терминов-словосочетаний:

- устойчивость (цельность номинации);
- номинативный характер;
- атрибутивный (определятельный) вид связи (наиболее тесный тип связи в словосочетании [18, с. 6]);
- воспроизводимость, повторяемость.

○ Для редко используемых терминов необходимо воспроизведение термина в иных контекстных, синтаксических условиях (при этом данное словосочетание должно оставаться целостной языковой единицей с устойчивым понятийным значением).

○ Использование логической теоремы: если составные элементы данного словосочетания являются терминами, то и все словосочетание – термин [19, с. 269].

Таким образом, терминологические словосочетания, широко представленные в европейских языках, идентифицируются при помощи семантического анализа собственных компонентов и изучения словарных помет. Ввиду процессов терминологизации и детерминологизации и, следовательно, размытости границ терминологии и общеупотребительной лексики за словосочетанием признается статус терминологического, если хотя бы один из его компонентов признается таковым в двух и более словарях.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гринев-Гриневиц, С.В.* Терминоведение: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / С.В. Гринев-Гриневиц. – М. : Издат. центр «Академия», 2008. – 304 с.
2. Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://mirсловarei.com/content_bes/Termin-61892.html. – Дата доступа : 12.07.09.
3. *Березин, Ф.М.* Общее языкознание: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.» / Ф.М. Березин. – М. : Просвещение, 1979. – 416 с.
4. *Даниленко, В.П.* Лингвистические требования к стандартизируемой терминологии / В.П. Даниленко // Терминология и норма : сб. науч. ст. / В.П. Даниленко (отв. ред.). – М. : Наука, 1972. – С. 5–20.
5. *Даниленко, В.П.* Лексико-семантические и грамматические особенности слов-терминов / В.П. Даниленко // Исследования по русской терминологии : сб. науч. ст. / В.П. Даниленко (отв. ред.). – М. : Наука, 1971. – С. 7–49.
6. *Юдина, Е.Н.* Юридическая терминология как часть лексической системы современного французского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / Е.Н. Юдина ; МГУ. – М., 2005. – 133 л.
7. *Липатов, А.Т.* Метаязык лингвистики и метатаксонимия лингвистических терминов / А.Т. Липатов // Вопросы терминологии : сб. науч. ст. / Нижегород. ун-т им. Н.И. Лобачевского. – Н. Новгород : Изд-во Нижегород. ун-та, 1993. – С. 3–35.
8. *Мачковский, Г.И.* Французско-русский юридический словарь: Ок. 35000 терминов / Г.И. Мачковский. – М. : АБВУУ Press, 2009. – 554 с.
9. *Реформатский, А.А.* Введение в языковедение / А.А. Реформатский. – 5-е изд., испр. – М. : Аспект Пресс, 2008. – 536 с.
10. *Стойка-Марку, Д.Д.* Русская функционально связанная лексика в контрастивном рассмотрении (на материале юридической терминологии морских перевозок) : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.01 / Д.Д. Стойка-Марку ; Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина. – М., 2001. – 23 с.
11. *Макова, М.И.* О структурных особенностях специальных словосочетаний в английском языке / М.И. Макова // Вопросы терминологии и лингвистической статистики. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1972. – С. 32–41.
12. *Шелов, С.Д.* Термин. Терминологичность. Терминологические определения / С.Д. Шелов. – СПб. : Филол. факультет СПбГУ, 2003. – 277 с.
13. *Шелов, С.Д.* Определение терминов и понятийная структура терминологии / С.Д. Шелов. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 1998. – 233 с.
14. *Хижняк, С.П.* Формирование и развитие терминологичности в языковой системе (на материале юридической терминологии) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / С.П. Хижняк ; Сарат. гос. ун-т им. Чернышевского. – Саратов, 1998. – 39 с.

15. Французско-русский словарь: 70 000 слов / В.Г. Гак, К.А. Ганшина. – 8-е изд., стер. – М. : Рус. язык-Медиа, 2004. – 912 с.
16. Мархасёв, И.Р. Коммуникативно-смысловые аспекты слов-названий теплогазоснабжения и вентиляции в современном английском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / И.Р. Мархасёв ; Минск. гос. пед. ин-т иностр. языков. – Минск, 1988. – 210 с.
17. Степанов, Ю.С. Основы общего языкознания : учеб. пособие / Ю.С. Степанов. – 2-е изд., перераб. – М. : Просвещение, 1975. – 271 с.
18. Тер-Минасова, С.Г. Словосочетание в научно-лингвистическом и дидактическом аспектах / С.Г. Тер-Минасова. – 3-е изд., стер. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 144 с.
19. Гак, В.Г. Теоретическая грамматика французского языка / В.Г. Гак. – М. : Добросвет, 2000. – 832 с.

The article deals with typologies of juridical word-groups: semantically-determined ones and those based on parts of speech. The latter is provided with the list of constructions of juridical word combinations supported by statistical data.

Поступила в редакцию 06.10.10

Л.Н. Неборская

СПОСОБЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ДИАЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ В НЕМЕЦКИХ НАРОДНЫХ КНИГАХ

В центре внимания статьи находится анализ диалогического взаимодействия, представленного в эпическом повествовании следующими типами: 1) собственно диалогическое описание (понимание диалога как рамки, состоящей из слов автора и прямой речи); 2) авторское описание и 3) комбинация авторского и диалогического описаний. Поскольку диалогическое и авторское описание речи персонажей в исследуемых текстах довольно четко связаны с определенной синтаксической формой, то определяются модели интродукции прямой речи. Подобная методика позволяет подтвердить тезис о том, что специфическая черта эпических текстов, как стереотипность и типизированность, выявляемые на уровне повествования, выявляется также и на уровне оформления речи персонажей.

Возникший в XIII в. в Германии жанр городской средневековой литературы *шванк* особого расцвета достигает в XVI в. Этот короткий рассказ в стихах или прозе, часто сатирического или назидательного характера, тесно связан с жанровыми традициями средних веков, являясь тем самым, по определению В.М. Жирмунского, выражением не индивидуально-своеобразного, а социально-типического мировоззрения и стиля [1, с. 161–162]. В шванках жил озорной дух карнавала, они были связаны с шутовскими

сказками и веселым народным острословием. Со временем шванки становятся более «литературными», теряют площадный характер и объединяются в так называемые *народные книги*. Теперь они могут носить не только комический характер, но и дидактический, назидательный. В конце же XVI в. и на протяжении XVII–XVIII вв. народные книги – это исполненные силы и драматизма сказания, носящие глубокий поэтический характер.

Как известно, шванки, народные книги, характеризующиеся чертами эпического повествования, изобилуют диалогической речью. Принимая во внимание наблюдения и комментарии, сделанные выше, обратимся к исследованию речи персонажей в народных книгах¹. В основе нашего анализа лежит такая единица диалогического общения как диалогическое взаимодействие (ДВ). Количество диалогических структур представлено следующим образом: DU – 200 ДВ на объем в 196 страниц, VvsM – 67 ДВ на объем в 76 страниц, VvHk – 189 ДВ на объем в 202 страницы, VvgS – 50 ДВ на объем в 48 страницы.

Каждое ДВ состоит из обмена речевыми шагами между двумя или несколькими участниками коммуникации, которые включают один или несколько речевых актов, и анализируется с учетом прямой и косвенной речи. Под прямой речью понимается дословное воспроизведение чужого высказывания, сопровождающееся словами автора. Слова автора являются комментирующей репликой говорящего. Прямая речь противопоставляется косвенной речи, которая служит для передачи чужой речи, чужих слов, и синтаксически организована в виде сложноподчиненного предложения, в то время как прямая речь строится по принципу паратаксиса – свободного соположения конструктивных частей без грамматически выраженной их связи.

В рамках нашего исследования мы рассмотрим две группы ДВ: *собственно диалогическое описание* (формальное и узкое понимание диалога) и *комбинация авторского и диалогического описаний*.

Собственно диалогическое описание состоит из слов автора и прямой речи и представляет собой речевую секвенцию, по меньшей мере, двух речевых шагов – иницирующего речевого шага (ИР) и реактивного речевого шага (РР).

(1) *Daz sah die Wirtin und sprach: (ИР) „Ach geben ihm trinken in die Schüssel, daz ist sein Meinung“. Ulenspiegel sagt zu ihr: (РР) „Gern“* [DU, S. 237]. (2) *Eins Tags nahm sie dieselbigen Ammen auf ein Ort in ihrer Kammer und sprach zu ihr: (ИР) „Mein liebste Amme, du hast mich allewegen liebgehabt und mir große Liebe erzeigt, darum ich in kein Person dieser Welt also ein Vertrauen setze dann in dich...“, Als hub die Amme ab und sprach zu ihr: (РР)*

¹ «Ein kurzweilig Lesen von Dyl Ulenspiegel» (1515) далее обозначено сокращением DU; «Das Volksbuch von der schönen Magelonna» (1535) – VvsM; «Das deutsche Volksbuch von den vier Heymonskindern» (1604) – VvHk; «Das Volksbuch vom gehörnten Siegfried» (1726) – VvgS. Народные книги «Das Volksbuch von der schönen Magelonna», «Das Volksbuch vom gehörnten Siegfried» и «Das deutsche Volksbuch von den vier Heymonskindern» содержатся в сборнике «Fünfzehn deutsche Volksbücher für jung und alt. Wiedererzählt von Gustav Schwab».

„Mein allerliebste Tochter, ich weiß in dieser Welt nichts, des ihr von mir begehret, das mir möglich ist, ich wollte es tun, und soll ich darum sterben... “ Da hub die schön Magelonna an, zu ihr sprechend: (IP) „ Ich hab mein Herz und Liebe ganz gesetzt in diesen jungen Ritter ...“ Als solchs die Amme von der schönen Magelonna vernahm, erschracke sie nicht ein wenig und wußte nicht, was sie antworten sollte; doch saget sie wieder zu ihr: (PP) „Mein allerliebste Tochter und Fräulin, was saget ihr?...“ [VvsM, S.176]. (3) Da Heymon solches vermerkt, rief er sein Volk an und macht ihnen ein Herz und sprach: (IP) „Ihr, Herrn, Herzogen, Grafen, Baronen und Edelleut, wehrt euch ritterlich, wir haben den Streit schier gewonnen, und helft mir rächen den Tod meines Vettern Hugonis, ... “ Haymerin von Bourbon, der sprach: (PP) „Das will ich tun, Leib, Gut und Blut will ich daranstecken und in Gefahr stellen“ [VvHk, S.129]. (4) ..., der sprach ihm also an: (IP) „Du junger Mann, wer du auch bist, ich sagte dir fürwahr, du kommest ohne Schwertstreich nicht von dannen, du gibest dich denn mir gefangen, ... “ ...Siegfried bedachte sich nicht lange, griff zu seinem guten Schwert und sprach: (PP) „Du viel kühner Ritter, wer du auch sein magst, nun wehre dich männlich ... , ... Da sprach der gewappnete Ritter zu Siegfrieden: (IP) „Ich sage dir, Held, gib dich mir gefangen, denn du bist ja nicht gewappnet, ... “ [VvgS, S. 252].

Достаточно большой корпус диалогических взаимодействий в народных книгах представлен случаями комбинации диалогического и авторского описания. Под последним понимается обмен речевыми шагами (IP и PP) между коммуникантами или отдельные речевые шаги коммуникантов в форме косвенной речи (IP или PP), то есть диалог или фрагмент диалога, описываемый автором: (5) (IP) *Da bat ihr Ulenspiegel ein guten Tag und sah den Schnudel wol. Da sprach sie zu ihm:* (PP) „Lieber Ulenspiegel, gon und sitzen und warten, ich wil Euch guten frischen Buttern geben“ [DU, S. 218]; (6) *Und als er sie ersahe, ward er fast fröhlich; dann er verhoffet, was von der schönen Magelonna zu erfahren, stund auf und ginge ihr entgegen,* (IP) *grüßet sie gar freundlich und höflich. Da antwortet sie ihm wieder und sprach:* (PP) „Gott gebe und verleihe euch zu überkommen, was Euer Herze begehret. “ *Darnach fraget sie der Ritter,* (IP) *was die schöne Magelonna beginnet, und fraget, ob er in ihrer Gnaden wäre* [VvsM, S. 187–188]; (7) *Der fraget ihn,* (IP) *wer ihn also geschlaget hätte. Adelhard durfte nicht sagen, daß es König Ludwig getan hatte, sonder sagt,* (PP) *niemand. Da sprach Reinold:* (IP) „Mich dunkt, daß du leugst, du sollst es mir sagen, wer es getan hat, so lieb als ich dir bin.“ *Da sprach Adelhardt:* (PP) „Bruder, ich hab mich so gestoßen. “ *Reinold wollt es gleichwohl nicht glauben, zoge sein Wehr aus und bedräuet den Adelhard, daß er ihm sollt sagen,* (IP) *wer es getan hätte* [VvHk]; (8) *Da schwur der Riese Wulfgrambär dem Ritter Siegfried einen teuren Eide,* (IP) *er wollte ihm die Jungfrau gewinnen helfen.* (PP) „So schwere ich dich auch“, sagte Siegfried, „dein Leben zu erhalten ... “ [VvgS, S. 260].

Интерес представляет также случай комбинации авторского и диалогического описания в рамках реплики одного персонажа: (9) (IP) *Und derweilen sagt er von dem Haubt Sant Brandonus, der ein heilig Man gewesen*

wär. Das Haubt er da hät, und daz ihm befohlen wär, damit ze samlen, um ein nuwe Kirch zu buwen, und das thun mit reiner Güte, und bei seinem Leben kein Opffer nemen solte von keiner Frauwen, die ein Eebrecherin wär. Und welch solche Frauwen seind, die sollen stilston. „Dann so sie mir etwas opfern werden, so sie schuldig seind in dem Eebruch, ich nim das nit, und sie werden von mir verschempt. Darnach wissen uch zu richten, ...“ [DU, S. 93]; (10) *Do finge die Amme ihr an zu sagen, (IP) wie der Ritter zu ihr wäre kommen und hätte gesagen und angezeigt den groüen Willen, den er zu ihr trüge, das er vor Liebe müßte schier sterben, und saget: „Glaubet mir fürwar, allerliebste Tochter, habt ihr von seinentwegen große Schmerzen, so trägt er von Euertwegen nicht weniger Schmerzen...“* [VvsM, S. 186].

Общее количество структур в форме собственно диалогического описания составляет 50 % от всего корпуса примеров, на втором месте комбинация диалогического и авторского описания – 40 %, и на третьем месте находятся структуры в форме собственно авторского описания – 10 %.

Таким образом, можно говорить о преобладании собственно диалогических структур, что свидетельствует, на наш взгляд, о тенденции проникновения форм устной речи в письменный язык рассматриваемой эпохи. При этом прямая речь обеспечивает подлинность смысла и выражает стремление к достоверности передачи высказывания, к историческому правдоподобию. Известно, что эпические произведения в эпоху позднего средневековья предназначались в первую очередь не для чтения, а для восприятия на слух аудиторией, которая не только слушала, но и наблюдала за действием. Обилие прямой диалогической речи позволяло рассказчику вводить в повествование элементы сценического действия и поддерживать тем самым внимание аудитории. Впоследствии, когда эти произведения стали в основном памятниками письменной культуры, преобладание в них прямой диалогической речи сохранилось. Можно предположить, что описание коммуникативной ситуации полностью или частично в форме авторского описания при помощи косвенной речи происходит в тех случаях, когда автор полностью отстраняется от содержания в силу ретроспективной передачи чужой речи, либо несущественности какого-либо высказывания для развития основной сюжетной линии.

Диалогическое и авторское описание речи персонажей в исследуемых текстах довольно четко связаны с определенной синтаксической формой. Слова автора в составе собственно диалогического описания – это, в основном, простые двусоставные нераспространенные предложения с простым глагольным сказуемым, которые можно представить в виде *п е р в о й б а з о в о й м о д е л и* **PN/Pn – Vf**¹. Термин *модель* используется здесь не как строгое лингвистическое понятие, связанное с пониманием моделирования как метода научного исследования, а как знаковая

¹ Здесь и далее принято буквенное сокращение: N – Nomen, PN – Personalnomen, Vf – Verbum finitum, Pn – Pronomen, Adv – Adverbium, Konj – Konjunktion, n – Nominativ, a – Akkusativ, d – Dativ.

модель, в которой элементы и свойства моделируемого явления выражены при помощи определенных знаков. В качестве первого компонента базовой модели 1 может выступать имя существительное (собственное или нарицательное) или личное местоимение в именительном падеже. Вторым компонентом – это глагол – сказуемое: (11) *Ulenspiegel sagt* [DU, S. 31]; (12) *Siegfried sagte* [VvgS, S. 253]; (13) *Siegfried sprach* [VvgS, S. 257]. Чаще всего базовая модель встречается в DU (291 пример), незначительно она представлена в VvgS (8 примеров). Она не зафиксирована в народной книге о прекрасной Магелонне и в народной книге о детях Хаймона.

В данной модели отмечается стереотипное употребление глаголов говорения *sagen* и *sprechen*. В рамках одной истории, одного или нескольких ДВ в одной истории, эти глаголы могут варьироваться произвольно, что не вносит никаких дополнительных оттенков в оформление прямой речи, так как объединяющей семой у данных глаголов является сема ‘говорить, произносить, высказываться’. Дифференцирующей семой является сема ‘рассказывать’, которой обладает *sagen* [2, с. 205].

Такое стереотипное лексическое наполнение базовой модели слов автора крайне редко нарушает использование глагола *antworten* в DU (2 примера) и один случай в VvgS: (14) *Er antwort* [DU, S. 78]; (15) *Siegfried antworte* [VvgS, S. 272]. Вероятно, причиной этому является семантическая избыточность, вытекающая из графического оформления реплик, как реплики-вопроса и реплики-ответа.

Первым вариантом базовой модели 1 является модель **PN/Pn – Vf1 – und – Vf2**. Здесь мы имеем дело с двумя однородными простыми глагольными сказуемыми: (16) *Als er nun seltsam gekleidet war, da fragt ihn der Bischoff, was er für ein Gesell war. **Ulenspiegel antwort und sagt**: „Gnädiger, ich bin ein Brillenmacher und kum uß Brabant. Da ist nit zu thun, so wolt ich nach Arbeit wandern, so ist es gar nichts uff unserm Handwerck“* [DU, S. 179].

В остальных народных книгах подобная модель отсутствует. Глагол *antworten* употребляется в сочетании с уже упоминавшимися нами глаголами *sprechen* и *sagen*. Употребление в одном предложении глаголов, передающих одно и то же речевое действие, а именно “говорение”, объясняется, на наш взгляд, имевшейся в XVI в. семантической разницей между этими глаголами. Глагол *antworten* в средневерхненемецкий и ранненововерхненемецкий периоды помимо более узкого значения ‘оправдываться, нести ответственность за что-либо’, также имеет значение ‘отвечать на вопрос’ [2, с. 7]. Употребление *antworten* в сочетании с одним из глаголов говорения служит уточнению речевого действия в коммуникативной ситуации и указывает на то, что следующий за словами автора речевой шаг содержит не только речевой акт «сообщение», но и речевой акт «ответ» на предыдущий речевой акт «вопрос».

Модель такого рода можно охарактеризовать как простое предложение с однородными сказуемыми, где расширение модели проходит по линии сказуемого с использованием глаголов и глагольно-адъективных сочетаний с более широкой и более узкой семантикой. Таким образом, первый компонент

данной модели может быть представлен именем существительным (имя собственное или нарицательное) или местоимением, второй и третий компонент – два глагола в функции составного сказуемого. При этом первая часть сказуемого представлена сочетанием глагола *werden* в форме прошедшего времени *Präterit* с прилагательными *zornig*, *böß* либо с редуцированной формой *Partizip 1*. Поясняя последнюю форму, следует заметить, что, по-видимому, в результате технического несовершенства книгопечатания в начале XVI в., а также, возможно, под влиянием диалекта той или иной местности форма *Partizip 1 lachende* и *weinende* в некоторых книгопечатных изданиях утрачивает дентальный суффикс *-de* и редуцируется до формы *lachen* и *weinen*. Конструкции “*werden* + *Adjektiv*” и “*werden* + *Partizip 1*” передает определенное эмоциональное состояние говорящего, которое он испытывает в результате внешних воздействующих факторов, как, например, плутовство Уленшпигеля. (17) *Der Meister wurde zornig und sprach*; (18) *Er ward böß und sprach*; (19) *Die Fraw ward weinen und sprach*; (20) *Ulen Spiegel ward lachen und sagt* [DU, S. 127, 163, 216].

Слова автора, представленные расширенной моделью **PN/Pn – ward/wurde zornig/böß/weinen/lachen – und – Vf**, в народной книге о Тиле Уленшпигеле вводят реплику, как правило, адресованную Уленшпигелю его партнером по коммуникации (мастером-ремесленником, графом, священником и т.д.). Данная реплика является реакцией на проделку Уленшпигеля либо на первую реплику, адресантом которой является сам Уленшпигель. Такой вариант модели также не отмечен в *VvsM* и в *VvgS*. Только в *VvHk* встречается похожая модель, в которой, однако, эмоциональное состояние говорящего выражено глаголом *sich verwundern* в форме простого прошедшего времени: (21) *Ritsard verwundert sich uber die Red und sprach* [VvHk].

В качестве второго варианта базовой модели 1 можно рассматривать модель **Konj – N – Vf1 – Vf2**: (22) *Und der Pfeiffenreiter kam und sprach* [DU, S. 192]. Первым компонентом этого варианта является союз *und* в катафорической функции, который устанавливает последовательность протекания действий и связывает данное действие с предыдущим.

Третий вариант базовой модели можно представить как модель **PN/N/Pn – Vf – N (d) /(a)/Pn(d)**: (23) *Peter antwortete dem Herold* [VvsM, S. 177]; (24) *Der König fraget den Roland* [VvHk, S. 166]; (25) *Sie antwortete ihm* [VvgS, S. 273]. В данной модели отмечен также случай инверсии, когда первую позицию в предложении занимает финитная форма глагола: (26) *Saget der Peter dem Herold* [VvgS, S. 177].

В некоторых примерах при глаголах говорения *sagen* и *sprechen* дательный адресата заменяется конструкцией с предлогом *zu*. Такая модель является четвертым вариантом базовой модели и схематически выглядит как **N – Vf – zu – N(d) /Pn**: (27) *Der Hertzog sprach zu ihm* [DU, S. 74].

В *VvsM* был зафиксирован вариант этой модели с инвертированным порядком слов: (28) *Sprach sie zu ihm* [VvsM, S. 175].

Пятый вариант базовой модели можно представить как модель **Konj – N/Pn – Vf – PN(d)**: (29) *Und ein anderer Ritter sagte zu Peter* [VvsM, S. 170].

В этой же народной книге отмечен пример данной модели, где отсутствует имя или личное местоимение, то есть компонент модели **PN/Pn**: (30) *Und sprach weiters zu seinen Brüdern* [VvHk, S. 172].

Шестой вариант базовой модели **PN – Vf – N (d) – Vf**: (31) *Ulenspiegel antwurt dem Bischoff und sagt* [DU, S. 85]. Здесь мы наблюдаем употребления двух глаголов говорения одновременно, а также косвенного дополнения. В других народных книгах такой вариант модели не был отмечен.

Базовая модель 1 может расширяться в группе сказуемого за счет наречия в функции обстоятельства образа действия. Такой расширенный седьмой вариант базовой модели можно представить как **PN – Vf – Adv**: (32) *Ulenspiegel sprach ernstlichen* [DU, S. 142]; (33) *..., sprach sie weinend, ...* [VvsM, S. 171].

Восьмой вариант базовой модели представляет собой модель, объединяющую второй и пятый варианты: (34) *Und der Wirt riefft den Kauflüten nach in Gespöt* [DU, S. 226]; (35) *Und sprach fürter zu ihm in gehäm Mut* [DU, S. 118]. В качестве обстоятельства образа действия, описывающего эмоциональное состояние говорящего в момент говорения, может выступать предложная группа *in Gespöt* или *in gehäm Mut*.

Второй базовой моделью является модель простого распространенного предложения **Adv – Vf – P/PN**, в которой в качестве первого компонента выступают относительные наречия *da/do, danach, dann/denn, alsbald/zuhand, darauf, nach diesem, doch, weiter, zuletzt* или *also* в катафорической функции, указывающие на следование реплик за действиями или за другими репликами: (36) *Also sprach Ulenspiegel* [DU, S. 118]; (37) *Do sprach die Amme* [VvsM, S. 185]; (38) *Da fraget der König* [VvHk, S. 136]; (39) *Weiter sprach die Jungfrau* [VvgS, S. 248]. В подобных моделях зафиксировано расширение модели по линии подлежащего, использование уточнения имени: (40) *Da sprach das Zwerglein, König Ewald* [VvgS, S. 256], а также случаи инверсии: (41) *Darauf der Bischof geantworte* [VvHk, S. 137].

Эти наречия выполняют функцию установления причинно-следственной или временной связи с предыдущим предложением, действием или контекстом, указывая на временную последовательность действий. Частое употребление таких катафорических наречий, а также союза *und* обеспечивает цельность текста и помогает установить границы отдельных предложений: зачин, указывающий на начало предложения, означает одновременно и конец предыдущего.

Кроме слов с семантикой говорения в этой модели возможны глаголы, обозначающие неречевые действия, которые передают признак эмоционального состояния говорящего в момент говорения. Они также производят расширение базовой модели по линии сказуемого. К таким глаголам, например, относятся *erschrecken, lachen, aufstehen, anheben, begehren, sich erfreuen, sich bedenken*, сочетания *ward zornig, ward bewegt, Gnad seines Leibs*

rufen. Данные глаголы и словосочетания употребляются вместе с глаголами говорения *sprechen* и *sagen*: (42) *Da erschrack die Fraw und sprach* [DU, S. 215]; (43) *Da lacht Ulenspiegel und sprach* [DU, S. 43]; (44) *Da ward König Ludwig gar zornig und sprach zu Heymon* [VvHk, S. 155]; (45) *Da erfreuet sich Siegfried über die Maße und sprach* [VvgS, S. 257]; (46) *Zuletzt ward Reinold bewegt von seinem Vater und sprach* [VvHk, S. 157]; (47) *Do stunde der Ritter auf und saget* [VvsM, S. 191]; (48) *Als hub die Amme an und sprach* [VvsM, S. 177]; (49) *Da begehret er seines Leibs Gnad und sprach* [VvHk, S. 163]; (50) *Da rief der König Gnad seines Leibs und sprach* [VvHk, S. 164]; (51) *Nach diesem bedacht sich Reinold wieder und sprach* [VvHk, S. 170].

В следующем примере отмечается уточнение имени собственного именем нарицательным: (52) *Da antwort Adelhard, sein Bruder, und sprach* [VvHk, S. 141].

Подобные структуры можно представить как первый вариант базовой модели 2 в виде схемы **Adv/Konj – Vf1 – N/Pn – Vf2**. Второй вариант модели **Adv – Vf1 – N/Pn – N(d) /PN (d) – Vf 2**: (53) *Do antwort die Amme ihm und saget* [VvsM, S. 188]; (54) *Da antwort ihme König Ludwig und sprach* [VvHk, S. 155]; (55) *Der König gab ihme böse Antwort und sprach* [VvHk, S. 170]; (56) *Da fiel ein Markgraf dem König in die Red und sprach* [VvHk, S. 172]; (57) *Darauf sagt Herr Israel erstlich seine Meinung und sprach* [VvHk, S. 179]; (58) *Dieser erschrak über alle Maßen und gab mit stammender Zunge zur Antwort* [VvgS, S. 281]. Здесь мы наблюдаем достаточное разнообразие словосочетаний со значением говорения: *böse Antwort geben, in die Red fallen, seine Meinung sagen, zur Antwort geben*.

Следующий вариант – это расширение модели 2 по линии сказуемого предложным, прямым и косвенными дополнениями. Интересным также является первая позиция в этой модели, которую занимают наречия времени либо группа наречий *indem* (в каком-либо состоянии), *da*, *oft und dicke darnach*, *indessen*, указывающие на следование друг за другом реплик либо действий. (59) *Indem schicket der König nach der Amme und saget ihr* [VvsM, S. 206]; (60) *Da nahm Frau Aye den Grafen Heymon bei der Hand und sprach* [VvHk, S. 140]; (61) *Oft und dicke darnach redet die schön Magelonna mit ihrer Amme von ihrem geliebten Menschen Peter und sprach* [VvsM, S. 193]; (62) *Unterdessen nahm Siegfried die schöne Florigunde zu sich und sprach zu ihr* [VvgS, S. 271].

Базовая модель 2 может также расширяться в группе одной части сказуемого за счет предложного дополнения: (63) *Darnach sagt er zu der Magt* [DU, S. 125].

Такой вариант можно представить в виде схемы **Adv – Vf – Pn/N – zu – N**. Осложненный вариант базовой модели 2 представлен схемой **Adv – Vf – N – zu – N (d) – und – zu – N (d)**: (64) *Also sprach der Doctor zum Bischoff und zu seinen Räten* [DU, S. 45].

Вариантом базовой модели 2 является структура **Adv – Vf – Adv – zu – Pn (d)**, которая осложняется обстоятельством образа действия и предложным дополнением: (65) *Da sprach Ulenspiegel wider zu ihm* [DU, S. 174].

Как уже отмечалось, в некоторых историях слова автора, кроме непосредственно глаголов говорения и соответственно речевого действия «сообщение», содержат описание других действий. В результате происходит увеличение объема вышеназванных синтаксических моделей через расширение группы сказуемого: (66) *Also nam Ulenspiegel den Braten und gieng damit hinweg und sagte zu dem Metziger mit Spot* [DU, S. 174].

В отдельную группу можно выделить синтаксические модели оформления слов автора, представляющие сложноподчиненное предложение. Модель **NS – HS**: (67) *Als die Amme solches gehört, saget sie* [VvsM, S. 184]; (68) *Als Heymon dieses sahe, sprach er* [VvHk, S. 151]. В такой структуре наблюдается использование, помимо глаголов говорения, глаголов чувственного восприятия *hören, vernehmen, vormerken/vermerken, sehen, ersehen, etw. innen werden, etw. ansichtig werden*. Придаточные предложения представлены, как правило, придаточными времени, которые в большинстве случаев вводятся при помощи союзов *als, da, wie* (в значении ‘als’), *sobald*.

Отдельную группу в количестве 13 примеров составляют слова автора, оформленные с использованием такого стилистического средства как подхват: (69) *Ulenspiegel, der sprach* [DU, S. 14]; (70) *Heymerin von Bourbon, der sprach* [VvHk, S. 91].

Базовые модели 1 и 2 можно назвать стереотипными структурами с точки зрения частотности употребления и воспроизводимости их в тексте. Так, слова автора, представленные в ДВ диалогического описания моделью **N – Vf** в количестве 291 (53 %), являются наиболее частотным, повторяющимся, типичным, а, следовательно, и стереотипным способом оформления слов автора в ДВ диалогического описания в народной книге о Тиле Уленшпигеле. Здесь необходимо заметить, что поскольку эта народная книга представляет в нашем исследовании наиболее ранний текст, то именно она подтверждает идею о преобладании в народном эпосе типизации над индивидуализацией [3, с. 73–74]. Эти типовые структуры являются основой, ядром для других моделей, представляющих слова автора в данном тексте. В других народных книгах чаще встречается модель 2 (58 %) с ее многочисленными вариантами. Обилие вариантов возникает за счет большей, чем в современном языке, свободы комбинаторики элементов окружения существительного и глагола и более гибкой их линейной дистрибуции.

Способы включения прямой и косвенной речи в собственно диалогическое и авторское описание также весьма типизированы. Это в основном локутивные глаголы говорения. При этом обращает на себя внимание преимущественная закреплённость за этими глаголами одной видо-временной формы – формы претерита. Это подтверждает впечатление о том, что такое соответствие грамматической формы и лексемы представляет собой устоявшееся клише диалогического повествования. Второй способ введения

прямой речи заключается в выражении иллокутивными глаголами эмоционального состояния персонажа, которое он испытывает в момент говорения. При этом практически всегда иллокутивные глаголы употребляются с глаголами говорения. Показательно, что в исследуемом материале ни разу введение прямой речи не сопровождается описанием мимики и жестов персонажей (за небольшим исключением глаголов движения в сочетании с глаголами говорения), что свидетельствует об использовании только вербального плана представления диалогического общения в данном жанре.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Жирмунский, В.М.* Сравнительное литературоведение: Восток и Запад / В.М. Жирмунский. – Л. : Наука, 1979 – 493 с.
2. *Lexer, M.* Mittelhochdeutsches Wörterbuch : in der Ausgabe letzter Hand / M. Lexer. – 2. Nachdr. der 3. Aufl. von 1885. – Stuttgart : S. Hirzel, 1992. – 413 S.
3. *Мелетинский, Е.М.* Народный эпос / Е.М. Мелетинский // Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении : в 3 кн. – М. : Наука, 1964. – Кн. 2 : Роды и жанры литературы / под ред. Г.Л. Абрамовича. – С. 50–96.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

DU – Ein kurtzweilig Lesen von Dil Ulenspiegel: nach dem Druck von 1515 / Hg. von W. Lindow. – Stuttgart : Reclam Universal-Bibliothek, 1981. – 315 S.
Vvsm, VvHk, VvgS – Fünfzehn deutsche Volksbücher für jung und alt wiedererzählt von Gustav Schwab / Durchges. von G. Klee. – Gütersloh ; Leipzig : Druck und Verlag von C. Bertelsmann, 1909. – 590 S.

The article centres round analysis of dialogic intercourse in the text fragments of German folk books. The stereotypical ways of dialogue speech formation are specified by means of eliciting the most frequent models and describing their lexical and grammatical content.

Поступила в редакцию 15.11.10

Т.А. Сысоева

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА МАЛОФОРМАТНЫХ МЕДИЙНЫХ ТЕКСТОВ

Статья посвящена определению принципов распределения информации в малоформатных текстах из англоязычной периодики. Для *медийных текстов* трех типов – писем в редакцию, рекламных статей из каталога модной одежды и религиозных статей – выявляется прототипическая суперструктурная схема. Устанавливается, в каком из компо-

нентов содержательной структуры текста – наибольшая концентрация экспрессивных языковых средств, обладающих воздействующим потенциалом благодаря когнитивному механизму выдвижения. Далее определяется расположение такого прагматически заряженного семантического компонента в композиционной структуре текстов. Полученные данные позволяют заключить, что при написании текстов каждого типа их авторы следуют определенной *прагматической структуре* (*обрамляющей* для писем в редакцию, *сквозной* для рекламы и *завершающей* для религиозной статьи), позволяющей оптимально разместить релевантную информацию в тексте и облегчить читателю восприятие его содержания.

Дискурсивная деятельность осуществляется коммуникантами с опорой на знания о ситуации и языковые знания, упорядоченные в сознании человека в некую систему. Элементы этой системы (когнитивные структуры, называемые фреймами, схемами, сценариями и др.) хранятся в долговременной памяти членов данного социума и служат основой для восприятия, обработки и порождения информации [1]. С их помощью выводятся необходимые умозаключения и прогнозируются будущие события на основе ранее встречавшихся. Наличие общих для данного языкового сообщества когнитивных схем решающим образом влияет и на форму порождаемого текста: воплощаясь в виде знакомой и вполне привычной для участников коммуникации текстовой структуры, такие модели представления знаний облегчают обработку информации на этапах ее порождения и восприятия, поскольку любой тип дискурса соотносится в нашем сознании с конкретными моделями, образцами текстов.

Известно, что для более эффективного восприятия текста читателем необходима строгая пропорциональность между новым и известным, и в этом случае структуру можно рассматривать как “старое”, своего рода рамку, в которую может быть вписано нужное отправителю содержание. Если адресат, приступая к чтению текста, уже знаком со схемой построения текстов данного типа, он «открыт» для воздействия нового, т.е. информации, содержащейся в сообщении. Однако, несмотря на тот факт, что содержание текста структурно и в нем можно выделить взаимодействующие между собой дискретные элементы, одному и тому же тексту может быть поставлено в соответствие несколько различных структур в зависимости от исследовательских задач. Это объясняет существование множества методов определения структуры текста, отражающих различные стороны его внутренней организации [2, с. 33–123].

Традиционным подходом к анализу структуры текста является описание его композиции, которая выступает не чем иным, как отражением этапов коммуникации: завязывания, поддержания и прекращения контакта. Однако трехчастная композиционная схема (введение, основная часть и заключение), разработанная еще в классической риторике, служит универсальной схемой на все случаи жизни вне зависимости от того, какова конкретная тема или сфера коммуникации [3, с. 26], вследствие чего композиция не отражает специфику различных типов (жанров) текстов. Более продуктивным методом

анализа структуры текста представляется суперструктурный подход, предложенный Т.А. ван Дейком [4]. Во-первых, данная концепция позволяет учесть особенности различных типов текста, а во-вторых, допускает вариативность структуры.

Суперструктура – это стандартная схема построения текстов определенного типа, компоненты которой соответствуют некоторым мыслительно-речевым, практическим операциям или их участникам (например, *постановка проблемы, решение, объяснение, эксперимент, экспериментаторы* и др.). При этом не все содержательные компоненты реализуются в каждом конкретном тексте, иногда они имплицитны или факультативны, но для всех текстов данного класса можно выделить ядерную, или типовую (инвариантную) схему, лежащую в основе всех текстов. Однако анализ элементов суперструктурной схемы и их последовательности не всегда позволяет установить, какие именно компоненты содержательной структуры текста являются самыми значимыми с точки зрения реализации прагматического эффекта. Выявление суперструктуры также не позволяет ответить на вопрос, где именно (в каком семантическом компоненте) необходимо разместить наиболее релевантную информацию при составлении текста, чтобы она привлекала внимание адресата и могла произвести на него максимальное воздействие в данном конкретном случае.

С точки зрения теории выдвижения, известно, что композиционные блоки *введение* и *заключение* являются «сильными» позициями текста, способными акцентировать значимую информацию и облегчить читателю ее восприятие, поэтому для решения такой чисто практической задачи, как оптимальное распределение информации и языковых средств воздействия в корпусе текста, необходимо, на наш взгляд, синтезировать два подхода – композиционный и суперструктурный. С одной стороны, применительно к каждому типу текста следует выявить перечень содержательных элементов и установить их типовую последовательность (т.е. установить суперструктуру). С другой стороны, важно определить, в каком именно из этих компонентов сосредоточены языковые средства воздействия, способные привлечь внимание адресата в первую очередь, выступая фигурой на фоне более нейтрального окружения. Далее требуется установить, расположены ли прагматически заряженные содержательные компоненты в начале текста, в его конце, равномерно рассредоточены по всему тексту или образуют «рамочную» конструкцию, располагаясь как во в в е д е н и и , так и в з а к л ю ч е н и и . Полученные результаты позволят отнести выявленную *прагматическую структуру* (термин заимствован из публикации М.И. Бельской [5]) к одному из четырех типов – *инициирующему, завершающему, сквозному или обрамляющему* – соответственно.

В настоящем исследовании определена суперструктурная схема т р е х т и п о в *малоформатных текстов из англоязычной периодики* – п и с е м в р е д а к ц и ю газет и журналов (“The Oregonian”, “The Seattle Times” и др.), р е к л а м н ы х с т а т е й из к а т а л о г а м о д н о й

одежды “Coldwater Creek” и религиозных статей с комментариями к Библии из издания “Our Daily Bread”.

В частности, было установлено, что суперструктура исследуемых писем в редакцию включает пять семантических компонентов: *ссылка на публикацию, авторская точка зрения, пример, выражение благодарности, решение проблемы*. В компоненте *ссылка на публикацию* упоминается статья из предыдущих выпусков издания, послужившая материалом для написания письма; тогда как в ключевом компоненте письма, *авторской точке зрения*, читатели газеты делятся своими соображениями по поводу публикации или некоторой проблемы вообще, выражают свое одобрение или неодобрение определенных событий, действий. *Пример* приводится из личного опыта или является общеизвестным фактом, иллюстрирующим обсуждаемую проблему, однако, как правило, автор письма не просто описывает существующее положение вещей, но и предлагает свое *решение проблемы*. Также некоторые письма читателей содержат компонент *выражение благодарности* (за публикацию, проведенное мероприятие и др.). Помимо приведенного набора компонентов суперструктуры письма в редакцию были выявлены самые частотные семантические компоненты и их типовая последовательность: авторская точка зрения (85,5 % писем), пример (54,5 %), решение проблемы (47 %). Приведем образец такого прототипического письма: *If it is true that consumer spending has a great impact on the national and local economy, then the impetus to increase it is clear. <...> It is ludicrous – and nearly criminal – to allow credit-card issuers to charge 18 percent to 24 percent <...> when one needs to buy a baby crib or a set of new tires* (авторская точка зрения). *As one loan purchaser told me a few years ago, he was legally allowed to charge as much as 54 percent on various loans* (пример). *At the same time, the Legislature must stop the usurious practices of the “pay-day loan” and “car-title” scavengers who are rife in our community* (решение проблемы).

В исследуемых рекламных статьях из каталога модной одежды представлены компоненты *описание ситуации* (присутствует в 73,5 % всех текстов) и *описание свойств товара* (100 % текстов). Как видно из полученных данных, создателям рекламной статьи наиболее эффективным представляется именно сочетание эмоционального *описания товара* и вовлечения читателя в *ситуацию использования товара*: автор наглядно демонстрирует читателю, какую пользу можно получить от товара в случае его покупки. В качестве примера текста, обладающего такой суперструктурой, приведем следующую рекламную статью: *Sorry, fellas. This day’s reserved for girls only. A little browsing, a little lunching, a lotta laughing. And a chance to let your pals ooh and ahh over your new ensemble* (описание ситуации). *The shirt-jacket, inset with peppermint pink stripes and besmitten with buttoned and embroidered blooms, is sure to set them talking. But they’ll love the simplicity of the V-neck tank dress, too, with its darted bodice, contrast stitching and deep slide sleets* (описание свойств товара).

В свою очередь, анализ религиозных статей позволил выделить следующие компоненты суперструктуры: *постановка проблемы, пример, комментарий, выводы*. *Постановка проблемы* (34 % текстов) вводит читателя в суть статьи, в компоненте *пример* (86 % текстов) автор рассказывает историю из жизни (чаще из своего личного опыта) или из литературы, иллюстрирующую обсуждаемую проблему. В *комментариях* (100 % текстов) автор дает свою оценку проблеме, убеждая читателя в ее правильности. Что касается *выводов* (100 % текстов), то их основной задачей является попытка автора убедить читателя изменить свое поведение. Наиболее частотным сочетанием указанных компонентов является следующая суперструктурная схема (66 % текстов): *пример – комментарий – выводы*. В качестве иллюстрации приведем религиозную статью, построенную по указанной схеме: *In 1976, a psychiatric examination was ordered for a woman who admitted she “willfully and knowingly” attempted to kill President Ford. <...> The woman’s sanity was questioned because she admitted her guilt... (пример). This woman’s experience reminded me of the sanity of confessing our sins to the Lord. In our modern world, owning up to one’s guilt rather than trying to “beat the rap” may be considered a sign of instability, but in God’s sight it’s the only sensible thing to do... (комментарии). If you have disobeyed the Lord, admit it and receive His forgiveness. It’s the only sensible thing to do (выводы).*

Следующим шагом анализа прагматической структуры текста является выявление компонентов суперструктуры текстов каждого типа, отличающихся наибольшей эмоциональной насыщенностью. В нашем случае критерием определения прагматически заряженных компонентов содержательной структуры послужило количество используемых в них экспрессивных средств языка (лексических и синтаксических), поскольку именно экспрессивные языковые средства разных уровней способны оптимизировать речевое воздействие, выступая фигурой на фоне более нейтрального текста и тем самым привлекая внимание читателя. Далее было установлено, в каком композиционном блоке (введении, основном тексте или его концовке) расположены семантические компоненты, характеризующиеся самой высокой эмоциональной насыщенностью.

Так, в письмах в редакцию самая высокая эмоциональная насыщенность у авторской точки зрения (т.е. самого частотного и самого главного компонента). При этом для авторской точки зрения наиболее характерно употребление таких экспрессивных средств, как вопросы (*Does this mean I don’t have to pay for the things I oppose...?*) и эмоционально-экспрессивная лексика (*outrageous, gruesome, mesmerizing*). Обилие вопросов в разъяснительной части письма позволяет удерживать внимание читателя, вовлекая его в воображаемую беседу, тогда как экспрессивная лексика способствует усилению аргументации и поддержанию интереса. Поскольку для писем в редакцию выявлена тенденция начинать текст с авторской точки зрения (сразу после ссылки на публикацию, если она присутствует), а

завершать его решением проблемы, которое также отличается высокой эмоциональной насыщенностью, так как содержит открытые призывы к действию, можно заключить, что письма в редакцию обладают прагматической структурой о б р а м л я ю щ е г о типа.

Перейдем к рассмотрению распределения экспрессивных элементов в рекламных статьях. Для описания ситуации, где читателю предлагается представить себя в ситуации использования товара, наиболее характерны вопросы, императивы и восклицания, направленные “непосредственно” на читателя (*How do you like your diamonds? Just fill it with a pour of water, and watch a dazzling spectrum dance playfully...*), а также параллелизм (*Strike a match. Fill a bowl. And enchant an evening...*). Использование предложений разных коммуникативных типов позволяет автору вовлечь читателя в диалог, а п а р а л л е л и з м удобен для перечисления и образного описания элементов ситуации. В описании свойств товара, в свою очередь, преобладают эллиптические предложения (*So sleek, with leather uppers enhanced with bands...*) и эмоционально-экспрессивная лексика (*stunningly simple, subtle sophistication*), позволяющие привлечь внимание к деталям, наглядно описать товар, выдвигая его свойства в фокус восприятия.

Однако общая экспрессивность (эмоциональная насыщенность) каждого из двух указанных компонентов рекламной статьи количественно сопоставима, а поскольку оба семантических компонента характеризуются высокой употребительностью экспрессивных средств языка, можно заключить, что рекламный текст отличается равномерное распределение эмоциональной насыщенности. Это позволяет рассматривать рекламную статью как текст со с к в о з н ы м типом прагматической структуры, когда яркая эмоциональная окраска поддерживается на протяжении всего текста.

Наконец, рассмотрим специфику распределения экспрессивных средств в религиозных статьях. Анализ употребительности языковых средств воздействия позволил установить, что их наибольшая концентрация наблюдается в комментариях, т.е. в одном из завершающих компонентов содержательной структуры исследуемых текстов. Для выводов также получены высокие показатели, однако комментарии все же отличаются большей эмоциональной насыщенностью, поскольку в них приводятся различные точки зрения на обсуждаемую проблему, аргументы и контраргументы; иными словами, ведется своего рода полемика с читателем. В этой связи особенно эффективное воздействие на адресата в данном компоненте способны оказать такие экспрессивные средства, которые позволяют автору рассмотреть проблему с разных сторон, но при этом убедительно доказать свою точку зрения и показать несостоятельность всех других точек зрения. В исследуемых текстах данную задачу наиболее эффективно реализуют вопросы (*Why do we wait so long to deal with the personal failures that weigh so heavily on our minds?*); инициальные сочинительные союзы (*Sure, money has its place. **But** ... those who love money will not be satisfied with it*); параллелизм (*It's a great privilege to have our*

citizenship in heaven. It's an equally great obligation to be an ambassador of that heavenly kingdom); инверсия (*In sharp contrast to these misconceptions is the truth that comes from God*); эмоционально-экспрессивная лексика (*tough times, selfish desires*) и метафоры (*spiritual wealth, spiritual starvation*), чем объясняется сосредоточение этих средств в комментариях. Исходя из высокой употребительности экспрессивных средств воздействия в компонентах комментарии и выводы, можно заключить, что в корпусе религиозной статьи наиболее сильное воздействие может быть оказано завершающим компонентом (или компонентами) текста. Следовательно, прагматическая структура религиозной статьи относится к **з а в е р ш а ю щ е м у** типу, рассчитанному на более заинтересованного читателя, для которого самые весомые доказательства должны приводиться в конце текста.

Таким образом, анализ распределения экспрессивных средств в письмах в редакцию, рекламных и религиозных статьях позволил выявить наиболее эмоционально насыщенные компоненты содержательной структуры текстов каждого типа, обладающие воздействующим потенциалом за счет высокой концентрации в них экспрессивных языковых средств. В письмах самой сильной эмоциональной насыщенностью отличаются авторская точка зрения (расположенная в начале текста) и решение проблемы (завершающий компонент), что позволяет отнести письма в редакцию к текстам с обрамляющим типом прагматической структуры; тогда как в рекламе, характеризующейся сквозным типом прагматической структуры, экспрессивные средства равномерно распределены по всему тексту для придания ему яркой эмоциональной окраски. Данный факт доказывает, что письма в редакцию и рекламные статьи больше ориентированы на незаинтересованных читателей, внимание которых необходимо привлечь уже в начале текста; тогда как религиозная статья, в которой комментарии являются наиболее эмоционально насыщенным компонентом, обладает завершающим типом прагматической структуры и в первую очередь обращена к заинтересованному и подготовленному читателю, который рассчитывает увидеть самые веские доводы в конце текста.

Полученные результаты сопоставления прагматической структуры текстов трех типов наглядно демонстрируют, что при порождении текста важен не просто выбор суперструктурной схемы как таковой. Эта схема предписывается конкретным жанром (типом) текста, и коммуниканты зачастую следуют ей подсознательно благодаря имеющимся у них знаниям и коммуникативному опыту. Однако, как нам представляется, при этом гораздо важнее не просто соблюсти все тонкости структурных особенностей жанра, а грамотно разместить информацию: релевантная информация должна выдвигаться именно в той сильной позиции текста, где у читателя больше шансов обратить на нее внимание, обработать без дополнительных усилий и легко запомнить.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Болдырев, Н.Н.* Когнитивная семантика. Курс лекций по английской филологии : учеб. пособие / Н.Н. Болдырев. – 2-е изд. – Тамбов : Изд-во ТГУ, 2001. – 122 с.
2. *Новиков, А.И.* Семантика текста и ее формализация / А.И. Новиков ; Ин-т языкознания АН СССР ; под ред. Р.Г. Котова. – М. : Наука, 1983. – 216 с.
3. *Богданов, В.В.* Речевое общение. Прагматические и семантические аспекты / В.В. Богданов. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1990. – 90 с.
4. *Дейк, Т.А. ван.* Язык. Познание. Коммуникация : сб. работ / Т.А. ван Дейк ; сост. В.В. Петров ; под ред. В.И. Герасимова. – М. : Прогресс, 1989. – 312 с.
5. *Бельская, М.И.* Синтаксические и структурно-текстовые средства реализации прагматики в кратких информационных сообщениях: На материале английской прессы : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / М.И. Бельская ; Моск. гос. ин-т иностр. языков им. М. Тореза. – М., 1990. – 24 с.

The paper aims at revealing the principles of information distribution in small-sized texts from periodicals. It was concluded that emotionally charged linguistic means tend to concentrate in certain parts of the text, thus marking these components as pragmatically important. For example, the so-called “framed” pragmatic structure is typical of letters to the editor, advertisements are characterized with even distribution of pragmatically relevant elements, whereas the authors of religious articles tend to place the most essential information in the concluding part.

Поступила в редакцию 19.11.10

А.В. Сытько

ПРОСОДИЧЕСКОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ОБЩИХ ВОПРОСОВ С ЭПИСТЕМИЧЕСКИМИ ПРЕДИКАТАМИ (на материале немецкого языка)

Статья посвящена рассмотрению просодического оформления *общих вопросов с эпистемическими предикатами*, выраженных бессоюзной сложноподчиненной синтаксической структурой. Основное внимание уделяется зависимости просодии от типа синтаксической структуры высказывания (инвертированная/неинвертированная) и влиянию просодии на модально-прагматическое наполнение данных фраз. Функционально-прагматические особенности вопросительных сложноподчиненных структур, а также *просодическое оформление* не становились ранее предметом специального исследования, что определяет новизну данной работы. Проведение же их семантического анализа лишь на уровне рассмотрения пропозициональной семантики недостаточно, поскольку выражаемые ими смыслы во многом актуализируются просодией на уровне дискурса.

Язык в своей коммуникативной функции служит человеку не только для выражения мысли, но и для передачи его отношения к высказываемому, в чем проявляется стратегия согласования языка и картины мира коммуни-

кантов, направленная на преодоление неблагоприятных условий коммуникации. Для достижения этих целей говорящий нередко использует *эпистемические предикаты* (*glauben, meinen, denken*), их функция лежит в модальном аспекте.

Эпистемические предикаты могут употребляться во всех коммуникативных типах. Объектом данного исследования стали общие вопросы, выраженные бессоюзной сложноподчиненной синтаксической структурой, напр.: *Du glaubst, du hast schon Erfahrung genug?* Высокая частотность таких высказываний в диалогическом дискурсе объясняется их прагматической уникальностью: эпистемический предикат в вопросе обозначает «сиюминутное» состояние субъекта, состояние одновременно *ментальное* и *эмоциональное*. Таким образом, данные вопросы являются средоточием различных модусов, отражающих представление человека о происходящих в действительности событиях. Пропозиция в них является семантической константой, соотносимой с действительностью и способной получать разное истинностное значение при помощи как лексических единиц, так и просодических. Задачей исследования стало выявление *роли просодии* при передаче модально-прагматических значений данными вопросами.

В бытовом дискурсе с одинаковой частотностью используются как *инвертированные*, так и *неинвертированные* бессоюзные вопросительные структуры. Поэтому в качестве экспериментального материала для проведения фонетического анализа были отобраны 40 диалогов, относящихся к стилю обиходно-бытовой речи немецкого языка и содержащих вопросы с эпистемическими предикатами разной синтаксической структуры – с прямым и обратным порядком слов. Для уточнения *роли просодии* вопросы с идентичным вербальным наполнением, но различной синтаксической структурой были помещены в одинаковое контекстное окружение. Во всех контекстах экспериментальные высказывания занимали одинаковую позицию – в середине диалогического единства, напр.:

– *Ich wusste schon immer, dass ich recht habe.*

– ***Glaubst Du, du hast schon Erfahrung genug?***

Или

– ***Du glaubst, du hast schon Erfahrung genug?***

– *Das habe ich doch nie behauptet.*

Экспериментальные контексты были записаны тремя испытуемыми, носителями языка, на цифровой носитель. В результате записи было получено 120 контекстов, составивших эмпирическую базу для анализа фонетических средств, участвующих в выражении субъективной модальности в данных вопросах. Материал был подвергнут семантическому анализу информантами – филологами, носителями языка, а на фонетическом уровне – многоэтапному *аудитивному* и *акустическому* анализу.

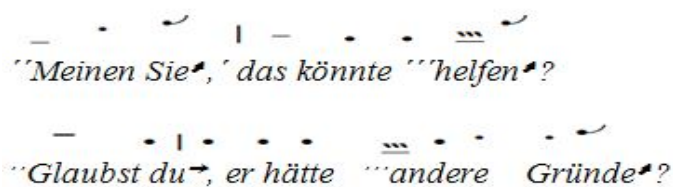
Аудитивный анализ экспериментальных высказываний был выполнен немецкими фонетистами. В его задачу входило определение воспринимаемых просодических характеристик экспериментальных фраз. Для этого аудиторам были предъявлены все изолированные из контекстов

вопросительные фразы. Им было предложено определить направление движения мелодии в завершении первой части вопроса и уровень тонального завершения фраз, синтагматическое ударение и главноударный слог, наличие межсинтагменной паузы. Задачей акустического анализа стало изучение физических коррелятов воспринимаемых характеристик фраз. Акустические данные были переведены в относительные единицы для нивелирования индивидуальных различий между испытуемыми.

Материал позволил обнаружить, что данные вопросы, независимо от синтаксической структуры, реализуются в более чем половине случаев с *восходящей* мелодией всей фразы ($\approx 60\%$), которая определяет их основную семантику – *неуверенность*. Так, эпистемические предикаты, призванные выражать различную степень *н е у в е р е н н о с т и*, вступают с просодией в отношения включения. В результате данные структуры воспринимаются информантами в устной форме более чем в одной трети фраз как выражение большой неуверенности. Поскольку же во внутреннем мире человека нет четких границ, разделяющих *м е н т а л ь н у ю* и *э м о ц и о н а л ь н у ю* сферы, то эпистемическая модальность в обоих типах синтаксических структур часто усиливается, сопровождаясь эмоциональными коннотациями ($\approx 13\%$).

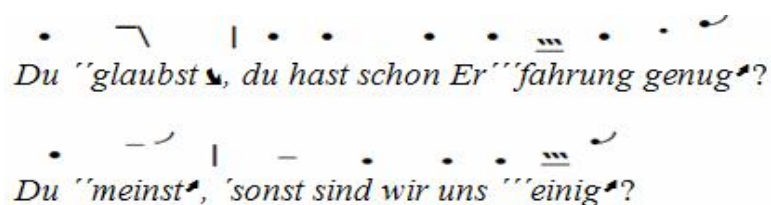
В вопросах с эпистемическими предикатами отмечаются четыре типа мелодического контура: нисходяще-, равно-, восходящий с высоким фразовым завершением и восходяще-нисходящий. При этом использование того или иного контура зависит от синтаксической структуры вопроса.

Так, для *инвертированных* вопросов самыми типичными являются восходящий (57 %) и равно-восходящий (24 %) контуры, напр.:

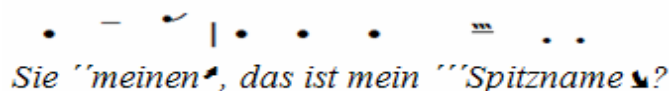
При этом инвертированная синтаксическая структура при выражении неуверенности вступает с просодией в отношения гармонии: оба языковых средства четко выражают неуверенность. Идентификация модальных значений данных структур в устной форме подтверждает это: они воспринимаются информантами в основном как выражение большой неуверенности (79 %) и в одной пятой фраз – как сомнение. Наиболее частотными модально-прагматическими значениями отмечены здесь *вежливый вопрос* (25 %) и *нерешительность* (15 %).

Для *неинвертированных* структур характерны 3 типа мелодического рисунка: нисходяще-восходящий (32 %), восходящий (21 %) и восходяще-нисходящий (19 %). Здесь наблюдается включение значения прямого порядка слов – *уверенности* – в общую семантику восходящей мелодии, передающей большую степень неуверенности, напр.:

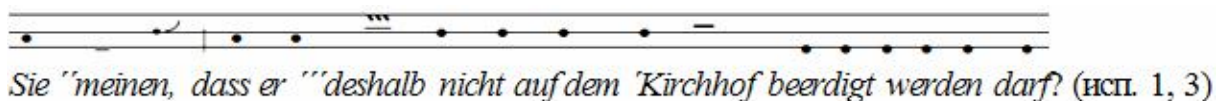
Такой контрастивный тип соотношения языковых средств разных уровней приводит к затруднениям при идентификации модальных значений в устной форме: сема уверенности в неинвертированных структурах определяется лишь в одной трети случаев. Информанты избирательно ориентируются то на синтаксис вопроса, то на его просодическую структуру, и соответственно ассоциируют такой вопрос либо с уверенностью, либо с неуверенностью и сомнением, дополнительно отмечая *переспрос* (1/5) и *недоверие* ($\approx 9\%$).

Восходяще-нисходящий мелодический контур в неинвертированных структурах, обнаруженный в одной четверти фраз, ослабляет неуверенность: информанты фиксируют в таких случаях в 85 % уверенность и лишь в 5 % неуверенность и предположение. При этом сопутствующим прагматическим значением в них отмечается осторожная интерпретация чужого мнения, напр.:

Систематизация показаний аудиторов по идентификации уровня тонального завершения данных вопросительных высказываний показала, что вариативность данного признака весьма значительна: вопросы реализуются почти в 55 % случаев с *высоким* и *очень высоким* уровнем завершения, независимо от типа их синтаксической структуры. В равном соотношении (22 %) отмечается средний и низкий уровень завершения, при этом более двух третей таких реализаций – это вопросительные структуры с прямым порядком слов, опознаваемость которых варьируется от неуверенности до убеждения.

Низкий уровень завершения фразы наблюдается лишь в вопросах, которые представляют собой уверенный логический вывод из сказанного ранее, что подчеркивается наличием лексических маркеров, напр., *also* ‘таким образом’, *deshalb* ‘поэтому’, которые получают во фразе ядерное ударение. Данные фразы выражают переспрос или требование подтвердить предположение, напр.:

Обращение к акустическим коррелятам воспринимаемых характеристик показало, что инвертированные вопросы с эпистемическими предикатами имеют уровень тонального завершения, равный $\lambda 1,5$ о.е. при незначительном коэффициенте вариации ($v=17\%$), т.е. он превышает примерно на 50% уро-

вень безударных слогов во фразе. Это типично для неуверенных вопросов, поскольку такая мелодия усиливает значение сомнения. Наличие во фразе дополнительных модальных маркеров (модальная частица, конъюнктив) (напр.: *Meinen Sie, das könnte helfen?*) не заставляет говорящего снижать уровень завершения, что свидетельствует о гармоничном взаимодействии средств лексико-синтаксического уровня с просодическими. Независимо от типа синтаксической структуры наблюдается следующая закономерность: чем короче фраза, тем выше уровень завершения. Так, максимальный уровень завершения (1,7–2,0 о.е.) имеют 8–10-сложные фразы, в то время как в многосложных фразах он снижается до 1,1–1,4 о.е.

Неинвертированные вопросы с эпистемическими предикатами имеют уровень завершения, равный 1,2 о.е. при более значительном коэффициенте вариации ($v=36\%$). Данный количественный показатель характерен для *апеллятивной* части сегментированного подтвердительного вопроса, передающего уверенное предположение [1, л. 125].

Однозначное соотнесение вопросов с порядком слов повествования с оттенком уверенности возможно только при низком уровне завершения фразы, которому на акустическом уровне соответствуют значения 0,5–0,8 о.е., т.е. колебания в пределах 30 % от среднего уровня безударных слогов. При увеличении уровня завершения фразы до 1 о.е. степень опознания модальности варьируется в сторону уменьшения уверенности до большой неуверенности с сопутствующим значением недоверия, напр.:

Du¹⁷¹ '220denkst²²⁵ |, ich¹⁵⁷ habe ein Ver¹⁷⁰hältnis mit ihr¹⁰⁰ Гц? (исп. 2)

Поскольку вопросы с эпистемическими предикатами выражены бессоюзной сложноподчиненной синтаксической структурой, то для них характерны и на воспринимаемом, и на акустическом уровне сложные соотношения структурных элементов. При этом существенную роль для идентификации прагматики вопроса играет мелодия в завершении его первой части: в более чем половине случаев первая часть реализуется с высоким уровнем завершения (1,5–1,6 о.е. при $v=25\%$). Так, значения предположения и апелляции синкопируются в первой части вопроса, содержащей модальную лексему, где происходит резкий подъем тона на ядерном слоге, напр.:

Du¹⁵³ 'meinst³¹⁶ |, sonst wären wir uns²¹² ei²⁷²nig³²⁵ Гц? (исп. 2)

Эпистемические предикаты при этом вступают с просодией первой части вопроса в отношения гармонии: восходящая мелодия поддерживает семантику предположения, заключенную в глаголе. Это способ страховки семантики высказывания на случай неблагоприятных условий коммуникации.

В 43 % фраз первая часть вопроса, содержащая модальную лексему, реализуется со средне-низким уровнем завершения (1 о.е., $v=17\%$), напр.:

Sie¹⁷⁴ 'mei¹⁹¹nen¹⁶⁴ |, das¹⁷⁴ kann hel¹⁹¹fen²⁵⁸ Гц? (исп. 2)

В таком случае на семантическом уровне информанты регистрируют меньшую заинтересованность говорящего в ответе, большую степень его знания о предмете речи и скептическое отношение к услышанному.

Функционально эпистемические предикаты приближаются к междометиям или конечным элементам в удостоверительных вопросах: они выполняют функцию иллюкутивного маркера – привлечения внимания собеседника, а предположение и апеллятивность выражаются в них как лексически, так и восходящей мелодией. Следует однако отметить, что уровень завершения сегмента, содержащего эпистемический предикат, в обоих типах синтаксических структур влияет на степень опознания в них оттенка предположения. Это отличает данные структуры от разделенного вопроса, в котором изменение уровня тонального завершения фразы, где находится конечный элемент, не модифицирует ее модальную семантику.

Акустический анализ показал, что с уменьшением степени уверенности в инвертированном вопросе увеличивается конечная ч.о.т. первой части, содержащей модальную лексему. Так, максимальный уровень завершения первой части отмечается в вопросах с оттенком сомнения (1,3–1,4 о.е.), минимальный – в вопросах, который передают предположение (1,1 о.е.).

Для неинвертированных вопросов данный показатель оказался нерелевантным: его усредненное значение составило около 1,1 о.е. при $v=25\%$. Увеличение завершения первой части до очень высокого уровня (1,6–1,8 о.е.) добавляет прагматическое значение осторожного толкования чужого мнения (10 %). Так, эпистемические предикаты становятся *дискурсивными маркерами* интерпретирующего речевого акта. Это – способ ухода от ответственности за содержание высказывания при цитировании других источников. Вопросительные структуры побуждают собеседника высказать отношение к сформулированному говорящим сомнению, которое интонационно поддерживается очень высоким тональным завершением, что позволяет информантам нередко фиксировать коннотацию недоверия и растерянности. Таким образом, данные вопросы затрагивают как информационный, так и экспрессивно-оценочный аспект услышанного.

Вариативность ч.о.т. в небольших пределах в случаях, когда уровень тонального завершения первой и второй части вопроса почти совпадают, не сказывается существенным образом на результатах опознания информантами модального оттенка, ср.:

1) *Meinst Du also*^{103Гц}, *wir brauchten bloß weiterzumachen wie bis''her*^{95Гц}? (исп. 1) (предположение + вежливый вопрос или переспрос).

2) *Meinst Du also*^{251Гц}, *wir brauchten bloß weiterzumachen wie bis''her*^{272Гц}? (исп. 2) (предположение + вежливый вопрос + недоверие).

Это показывает, что информанты фокусируют свое внимание при восприятии семантики данного вопроса больше на первой, модальной части, а не на информативном центре фразы. Таким образом, высокий уровень завершения первой части вопросов имеет дополнительную функциональную нагрузку, помимо выражения предположения, являясь сигналом интеракции.

В ходе исследования обнаружено, что *паузы* между частями фразы также способствуют более успешной реализации апеллятивной интенции. Вопросительная форма является здесь своеобразным сигналом апелляции к знанию или мнению адресата. Темой в таких вопросах является некая новая для говорящего информация, которая не соответствует его ожиданиям, а ремой – ее гипотетическое объяснение. П а у з а в данном случае разделяет тему и рему и осуществляет, таким образом, актуальное членение, напр.: "*Meinst du, | ich 'kann danach '''besser schlafen*"? Эксплицируя общий фонд знания и апеллируя к ментальному фонду слушающего, говорящий привлекает внимание адресата к уже известной ему информации, и посредством паузы ставит ее в своеобразный коммуникативный фокус. Эпистемические предикаты побуждают собеседника высказать отношение к сформулированному говорящим высказыванию, а наличие пауз между частями высказывания воспринимается информантами как бóльшее побуждение к ответу. В таких конструкциях на стыке синтагм отмечаются большой частотный интервал (90 % при $v=24$ %) и паузы, абсолютная длительность которых выше средней (0,3–0,5 с).

Акустический анализ материала позволил обнаружить, что наличие паузы до 0,1 с заставляет слушающего активизировать рациональный сценарий, и вопрос идентифицируется с одним из эпистемических значений. Синтагмораздел, реализуемый паузами длительностью более 0,3 с, сигнализирует наличие эмоциональных наслоений в вопросе. Так паузы выступают в качестве *вспомогательного* средства для активизации либо эмоционального, либо рационального сценария.

В некоторых случаях при акустическом анализе пауз не было установлено, но их отметили аудиторы на слуховом уровне. Это так называемые *потенциальные* паузы, которые объясняются наличием тональных модуляций, воспринимаемых как перерыв в речи. В таких случаях на стыке синтагм отмечается отрицательный частотный интервал (≈ -24 % при $v=15$ %), что делает весьма сложной задачу определения паузы как функционального явления по акустическому сигналу. При этом выявлено, что чем больше отрицательный частотный интервал, тем четче информанты фиксируют такие значения как растерянность или скептическое отношение.

Рассмотрение количественных показателей *частотного диапазона* экспериментальных вопросительных фраз позволяет констатировать, что наиболее высокие значения (14 пт) данный признак имеет в инвертированных структурах при передаче сомнения и неуверенности, с рассеянием вокруг средней величины в 2,9 пт, что выше, чем в неинвертированных вопросах с идентичной семантикой (12 пт). В инвертированных вопросах с семантикой предположения тональный диапазон уменьшается до 13,5 пт с рассеянием вокруг средней в 2,5 пт. Таким образом, тональный диапазон вопросительных фраз с эпистемическими предикатами увеличивается с ростом неуверенности, что отличается от данных, полученных на материале повествовательных высказываний, где тональный диапазон растет с ростом уверенности [2, л. 134].

Иная картина наблюдается с тональным диапазоном первой части данных вопросов. Так, если для инвертированных структур этот признак для всех оттенков составляет около 9 пт при $v=37\%$, то в неинвертированных он растет с ростом уверенности так же, как и в повествовательных высказываниях: от 8,5 пт при сомнении к 10 пт при убежденности. И хотя частотный диапазон первой части вопроса значительно ниже, чем пропозициональной, однако он оказывается достаточным для выполнения своей основной функции – привлечения внимания адресата к изложенной информации. Максимальным же значением данного признака (17 пт) характеризуются 8–12-сложные фразы, в которых аудиторы отмечают значение переспроса, напр.: *Sie "meinen, | das kann "helfen?* (исп. 2: 151–395 Гц; исп. 3: 123–340 Гц).

Сопоставление восприятия информантами модальной семантики вопросов с эпистемическими предикатами с акустическими значениями тонального диапазона показывает, что данный признак не имеет значимости для маркировки модального оттенка, однако расширение тонального диапазона более 14 пт ($k \approx 22\%$) вызывает идентификацию эмоциональных оттенков (растерянность) как в инвертированных, так и в неинвертированных вопросах.

Эксперимент показал, что остальные тональные и темпоральные признаки играют в данных вопросах лишь вспомогательную роль. Таким признаком является, например, максимальная ч.о.т. во фразе. Наибольшее значение (1,9 о.е. при $v=9\%$) данный признак имеет в вопросах со значением неуверенности и предположения *независимо* от порядка слов. Максимум ч.о.т. в первой части вопроса ниже (1,4 о.е.), его вариативность больше (15%), однако ни снижение значения признака, ни увеличение пределов его вариативности существенно не сказываются на идентификации модального оттенка.

Ядерный слог в вопросах с эпистемическими предикатами как в неинвертированной, так и инвертированной вопросительной структуре реализуется преимущественно с восходящим направлением движения ч.о.т.. Нисходящее или ровное движение отмечено в неинвертированном вопросе во второй, информативной части в 2 раза чаще (42%), чем в конструкциях с глаголом на первом месте (22%). Однако и направление движения ч.о.т. на ядерном слоге не является релевантным для опознания модального оттенка.

Интервал изменений ч.о.т. на ядерном слоге весьма вариативен, при этом в инвертированном вопросе он незначительно выше (28,6% при $v=80\%$), чем в неинвертированном (26% при $v=41\%$). Это же относится и к первой синтагме: в инвертированном вопросе интервал изменений ч.о.т. на ударном слоге составляет 15,6% при $v=80\%$, в неинвертированном – 12% при $v=90\%$.

Аналогичная картина наблюдается с коррелирующим с интервалом признаком – скоростью изменения ч.о.т. на ядерном слоге, которая в инвертированном вопросе равна 1,3 Гц/мс при $v=52\%$, а в неинвертированном – 1,2 Гц/мс при $v=36\%$. Количественные значения данного параметра для

ударного слога первой части инвертированного вопроса составляют 0,7 Гц/мс при $v=10\%$, и несколько ниже для неинвертированного – 0,6 Гц/мс при $v=71\%$. Так, исследование показало, что независимо от структуры интервал и скорость подъема ч.о.т. на ядерном слоге в пропозициональной части вопроса почти в два раза выше, чем на ударном слоге в первом сегменте. Однако для идентификации модального оттенка вопроса значимой оказалась лишь скорость подъема ч.о.т. на ядерном слоге, которая уменьшается с ростом уверенности в инвертированных вопросах: от 1,7 Гц/мс при $v=28\%$ при реализации сомнения до 1,2 Гц/мс при $v=69\%$ при передаче предположения. В неинвертированных фразах данный признак увеличивается от 0,8 Гц/мс при $v=80\%$ при выражении сомнения до 1,4 Гц/мс при $v=49\%$ при передаче уверенности.

С повышением уверенности в вопросе незначительно растет длительность главноударного слога в неинвертированных структурах: от 1,4 о.е. при выражении сомнения до 1,6 о.е. при передаче уверенности. В инвертированных же наблюдается обратная картина: сомнение реализуется при 1,8 о.е., неуверенность и предположение с 1,5 о.е. Длительность ударного слога в первой синтагме в обоих конструкциях уменьшается с нарастанием уверенности. Однако чаще всего ее вариативность обусловлена позиционно.

Таким образом, анализ эмпирического материала показывает, что основным просодическим средством уточнения значения эпистемических оттенков и прагматических коннотаций в вопросе с эпистемическими предикатами является *фразовая мелодия*. Среди многочисленных мелодических признаков в дифференциации оттенков модальности значимыми оказались лишь немногие: *уровень* тонального завершения вопроса, *частотный диапазон* фразы, *длительность* ударного слога и *скорость* подъема ч.о.т..

Только интонационных признаков недостаточно для надежной маркировки значения вопроса с эпистемическим предикатом. В данном случае вербальный корпус высказывания и его просодическое оформление дают возможность для соотнесения его со многими коммуникативными намерениями и эмоциональными коннотациями. Решающую роль играет контекст, определяющий интенцию говорящего.

Эпистемические предикаты в вопросе отсылают адресанта к определенной ситуации. Они обычно заранее подготавливают восходящую мелодию на коммуникативно значимом участке – как в завершении первой части фразы, так и всей фразы. Она апеллирует к коммуниканту, подталкивая его к когнитии и речевой реакции. В данных структурах имеет место *комбинация* интенциональной (модально-прагматической) и интеракциональной функций. Их взаимодействие в рамках одной фразы имеет следствием сложное мелодическое оформление всего высказывания.

Эксперимент показал, что деление одного и того же вопроса с эпистемическим предикатом на синтагмы различается в зависимости от контекста, разного осмысления речевой ситуации и модально-прагматической окраски, придаваемой высказыванию говорящим. Длина паузы между частями вопросов с эпистемическими предикатами – это параметр, который

можно использовать как формальный коррелят для семантической дифференциации вопросов, так как он принимает разные значения для вопросительных конструкций с разными модальными оттенками и эмоциональными коннотациями.

Экспериментальное исследование одновременно демонстрирует, что эпистемические предикаты действуют с просодией и синтаксической конструкцией общего вопроса как однонаправленно, так и разнонаправленно. Преобладающим типом их семантического взаимодействия являются однонаправленные отношения – *включения* и *гармонии*: и лексемы, и синтаксическая структура общего вопроса, и вопросительная интонация передают значение модальности предположения, при этом включающим уровнем в данном случае является фонетический. Семантика же неинвертированного вопроса существенно изменяется под влиянием как эпистемических предикатов, так и восходящей мелодии, и комбинация эпистемических предикатов с просодическими средствами чаще всего *усиливает* степень неуверенности в вопросе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сытько, А.В.* Модальность предположения в вопросительных высказываниях и средства ее выражения в немецком языке: На материале общих вопросов : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А.В. Сытько. – Минск, 2004. – 131 л.
2. *Чернышева, М.П.* Взаимодействие и лексико-грамматических средств при выражении предположения в немецком языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / М.П. Чернышева. – Минск, 1995. – 149 л.

The object of the research is general questions with epistemic predicates in the main clause of an interrogative asyndetic subordinate clause. The proposition of these questions gets a different sense with the help of lexical and prosodic units. Several examples are analyzed to illustrate the function of prosodic means in differentiation of shades of epistemic modality.

Поступила в редакцию 26.10.10

ИССЛЕДОВАНИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Т.П. Кугейка

АМАНІМІЯ СЛОВАЎТВАРАЛЬНЫХ ФОРМ У БЕЛАРУСКАЙ МОВЕ

Статья посвящена одной из разновидностей словообразовательной омонимии – *омонимии словообразовательных форм*. Рассматриваемая проблема является актуальной еще и в связи с тем, что не стала предметом специального исследования в белорусском словообразовании. *Омонимия словообразовательных форм* обусловлена отличиями словообразовательных структур, которые представлены следующими видами: 1) одна лексема производная, а вторая – непроизводная; 2) образование от однокоренных основ разными способами словообразования и (или) разными формантами; 3) образование от однокоренных основ с помощью омонимичных словообразовательных формантов; 4) образование от однокоренных основ, а именно от возвратного и невозвратного глаголов. Омонимия словообразовательных форм реализуется не только между отдельными словами, но и между лексико-семантическими вариантами одной производной лексемы.

Сутнасць вылучэння *аманіміі словаўтваральных форм* абумоўлена тым, што пры фармальнай тоеснасці марфем, як каранёвых, так і афіксальных, існуюць адрозненні, якія заключаюцца не толькі і не столькі ў семантыцы фармантаў, колькі ў самім працэсе дэрывацыі. Разглядаемая з’ява не раз аналізавалася даследчыкамі, аднак некаторыя пытанні патрабуюць дадатковага вывучэння. Асабліва актуальная названая праблема для беларускага словаўтварэння, дзе ёй не надавалася значнай увагі.

Варта абазначыць канцэптуальныя паняцці, неабходныя для дакладнага разумення з’явы *аманіміі словаўтваральных форм*. *Марфемная структура слова* дэманструе выключна фармальны бок вытворнай адзінкі, адрозненні выяўляюцца толькі пры аналізе словаўтваральнай структуры, якая дае больш глыбокае ўспрыняцце бачнага выніку працэсу дэрывацыі. Пры гэтым П.А. Собалева зазначае, што “...словаўтваральная структура слова ў адрозненне ад яго марфемнага складу не з’яўляецца непасрэдна назіраемым лінгвістычным фактам...” [1, с. 22]. Такім чынам, *марфемная структура слова* – гэта сукупнасць складаючых слова марфем, якая ўласціва як вытворным, так і невытворным адзінкам. Пад *словаўтваральнай структурай слова* П.А. Собалева разумее “завершанае мноства крокаў дэрывацыі (дэрывацыйных крокаў), неабходнае для ўтварэння гэтага слова” [1, с. 12]. А.М. Ціханаў вызначае *словаўтваральную структуру слова* як “...фармальна-семантычныя адносіны вытворнага да ўтваральнага. Выразнікам сэнсавых адносін вытворнага і ўтваральнага з’яўляецца фармант (сукупнасць усіх словаўтваральных сродкаў, якія ўдзельнічаюць у стварэнні слова)” [2, с. 10]. Слова-

ўтваральная структура можа быць апісана толькі для вытворных адзінак. Можна пагадзіцца з думкай М.Д. Барчанковай аб тым, што “імкнучца да зняцця поліфарміі неабходна... толькі тады, калі адрозненне ў словаўтваральных структурах не суправаджаецца адрозненнем у значэннях вытворнага” [3, с. 111]. Аманімію словаўтваральных форм нельга нівельіраваць, таму што яна звязана з утварэннем слоў (або лексіка-семантычных варыянтаў) ад розных утваральных асноў і (або) пры дапамозе аманімічных словаўтваральных фармантаў.

З’явы словаўтваральнай аманіміі не заўсёды супадаюць са з’явамі аманіміі лексічнай, што абумоўлена рознымі ўзроўнямі іх рэалізацыі. Так, М.Д. Барчанкова зазначае, што “ні дэрывацыйная поліфармія і аманімія слоў, ні поліфункцыянальнасць фармантаў не парушаюць тоеснасць слова” [3, с. 119]. Таму асабліва актуальным нам падаецца наступнае сцвярджэнне П.А. Собалевай: “Нам уяўляецца цалкам справядлівай, разам з граматычнымі і лексіка-семантычнымі формамі слова (значэннямі), магчымасць гаварыць яшчэ і пра яго словаўтваральныя формы. У слова столькі словаўтваральных форм, колькі яму ўдаецца прыпісаць словаўтваральных структур” [1, с. 97]. Пры такім падыходзе лічым цалкам абгрунтаваным і мэтазгодным пашырыць і ўдакладніць вызначэнне лексіка-семантычных варыянтаў (ЛСВ) як сукупнасці ўсіх граматычных форм пэўнага слова, суадносных з адным яго значэннем, шляхам уключэння ў дэфініцыю магчымасці асобнага ЛСВ валодаць уласнай словаўтваральнай структурай і (або) аманімічным фармантам у гэтай структуры.

Такім чынам, аманімія словаўтваральных форм прадстаўлена адрозненнямі словаўтваральных структур, якія рэалізуюцца ў некалькіх разнавіднасцях: 1) адрозненне словаўтваральных структур, пры якім адна лексема з’яўляецца вытворнай з пэўным фармантам у яе складзе, а другая – невытворнай; 2) адрозненне словаўтваральных структур, якое ўзнікае за кошт утварэння ад аднакаранёвых асноў рознымі словаўтваральнымі спосабамі або адным спосабам словаўтварэння пры дапамозе розных фармантаў; 3) адрозненне словаўтваральных структур, звязанае з утварэннем ад аднакаранёвых слоў пры дапамозе аманімічных фармантаў; 4) адрозненне словаўтваральных структур, абумоўленае ўтварэннем ад аднакаранёвых асноў, а менавіта зваротнага і незваротнага дзеясловаў.

Сутнасць аманіміі словаўтваральных форм *першай* з вылучаных разнавіднасцей заключаецца ў тым, што два (ці больш) словы-амонімы пры аднолькавым фармальным складзе адрозніваюцца функцыянальным статусам пэўнага элемента ў марфемнай структуры слова, які ў адной аманімічнай лексеме з’яўляецца суфіксам, а ў другой – часткай кораня. Такія словы адносяцца да розных словаўтваральных гнёздаў. Напрыклад, *парка*¹ ‘дзеянне паводле дзеяслова парыць (у 1, 2, 4, 5, 6 і 7 знач.)’ і *Парка*² ‘адна з трох рымскіх багінь лёсу, якія пачыналі прасці, калі чалавек нараджаўся, пралі і пераразалі яго «ніць жыцця» [ТСБМ-4, с. 53]; *ярка*¹ ‘маладая авечка, якая яшчэ не ягнілася’ і *ярка*² ‘яравая пшаніца’ [ТСБМ-5:2, с. 502]; *суданка*¹ ‘гл.

суданцы' і *суданка*² 'аднагадовая травяністая расліна сямейства злакавых' [ТСБМ-5:1, с. 369]; *сербіянка*¹ 'тое, што і сербы' і *сербіянка*² 'цыганскі народны танец хуткага тэмпу' [ТСБМ-5:1, с. 119]; *плётка*¹ 'раменны, вяровачны і пад. бізун' і *плётка*² 'неправераная або лжывая чутка, якая перадаецца з вуснаў у вусны і звычайна шкодзіць чыёй-н. рэпутацыі' [ТСБМ-4, с. 274]; *лайка*¹ 'парода паўночных сабак, якія выкарыстоўваюцца для палявання, язды, аховы статкаў аленяў' і *лайка*² 'від мяккай скуры' [ТСБМ-3, с. 14]; *карынка*¹ 'чорны дробны вінаград без костачак' і *карынка*² 'памянш.-ласк. да карына; невялікая карына' [ТСБМ-2, с. 651]; *норка*¹ 'памянш. да нара; невялікая нара' і *норка*² 'драпежны пушны звярок сямейства куніцавых, які дае каштоўнае футра ад цёмна-карычневага да серабрыста-блакітнага колеру. // Футра гэтага звярка' [ТСБМ-3, с. 415]; *гарэлка*¹ 'прыстасаванне для спальвання гаручай вадкасці або газу з пэўнай мэтай' і *гарэлка*² 'моцны алкагольны напітак; сумесь віннага спірту з вадой' [ТСБМ-2, с. 36]; *лябёдка*¹ 'самка лебедзя' і *лябёдка*² 'машына для падымання і перамяшчэння грузу' [ТСБМ-3, с. 70]; *свінка*¹ 'памянш.-ласк. да свіння (у 1 знач.)' і *свінка*² 'дзіцячае інфекцыйнае захворванне – запаленне калявушняй залозы (залоз)' [ТСБМ-5:1, с. 91]; *полька*¹ 'гл. палякі', *полька*² 'танец у хуткім тэмпе, а таксама музыка да гэтага танца' і *полька*³ 'мужчынская стрыжка, пры якой валасы на скронях і на патыліцы злёгка падстрыгаюцца' [ТСБМ-4, с. 290]; *коска*¹ 'памянш.-ласк. да каса¹; невялікая каса¹', *коска*² 'памянш.-ласк. да каса²; невялікая каса²' і *коска*³ 'знак прыпынку, які раздзяляе словы, групы слоў і сказы' [ТСБМ-2, с. 716]; *кулёк*¹ 'памянш. да куль¹; невялікі куль¹', *кулёк*² 'памянш. да куль² (у 1 знач.)' // Невялікі мяшчак з паперы; пакунак', *кулёк*³ 'памянш. да куль³; невялікі куль³' і *кулёк*⁴ 'мужчынская кароткая верхняя адзежка прамога пакою з сукна або паўсукна без падкладкі (вядома больш на Віцебшчыне і Магілёўшчыне)' [ТСБМ-2, с. 752]).

Сустрэкаюцца прыклады, у якіх адно (або кожнае) з пары аманімічных слоў з'яўляецца ў сваю чаргу мнагазначным. У такіх выпадках аманімія словаўтваральных форм, абумоўленая адрозненнем словаўтваральных структур, назіраецца толькі паміж словамі-аманімімі, а ўсе лексіка-семантычныя варыянты (ЛСВ) у складзе мнагазначнага слова маюць аднолькавую словаўтваральную структуру, што звязана з семантычнай блізкасцю ЛСВ, многія з якіх утвораны шляхам метафарычнага або метанімічнага пераносу. Так, *раёк*¹ '1. Скрынка з павелічальным шклом для разглядання малюнкаў, а таксама паказ такіх малюнкаў на кірмашах XVIII–XIX ст., які суправаджаўся жартоўнымі тлумачэннямі. 2. Лялечны тэатр. 3. Верхні ярус глядзельнай залы ў тэатры', *раёк*² '1. Памянш.-ласк. да рой. 2. Ячэйка ў вуллі для вывядзення пчалінай маткі' і *раёк*³ 'радужная абалонка века' [ТСБМ-4, с. 562]; *канёк*¹ '1. Памянш.-ласк. да конь (у 1 знач.). 2. Разное ўпрыгожанне страхі, пераважна ў выглядзе конскай галавы. 3. Востры верхні край, грэбень страхі. 4. Любімая тэма размовы, любімы занятка каго-н.' і *канёк*² 'гл. канькі' [ТСБМ-2, с. 615]; *конік*¹ '1. Памянш.-ласк. да конь (у 1 знач.); невялікі конь. 2. Дзіцячая цацка, падобная на каня,

конскую галаву. 3. Дзіцячая гульня – язда вярхом на палачцы’ і *конік*² ‘1. Насякомае, якое скача і стракоча крыламі. 2. Птушка сямейства сітаўкавых’ [ТСБМ-2, с. 711]; *коцік*¹ і *коцік*², *гарадок*¹ і *гарадок*², *садка*¹ і *садка*², *балонка*¹ і *балонка*², *лейка*¹ і *лейка*², *саколка*¹ і *саколка*², *танкетка*¹ і *танкетка*², *берасцянка*¹ і *берасцянка*², *юшка*¹ і *юшка*², *рубка*¹ і *рубка*², *мушка*¹ і *мушка*², *лаўка*¹ і *лаўка*², *пачатак*¹ і *пачатак*², *садок*¹ і *садок*², *ваўчок*¹ і *ваўчок*², *медыятар*¹ і *медыятар*², *сабачка*¹ і *сабачка*², *бабка*¹ і *бабка*².

В.У. Вінаградаў зазначае, што “...галоўны і асноўны шлях развіцця гэтай катэгорыі амонімаў вызначаецца стратай значэння памяншальнасці ў назвы з суфіксам памяншальнасці (у назоўніках, утвораных шляхам метафарычнага пераносу значэння і спецыялізаваных). ...Дээтымалагізацыя памяншальна-ласкальных назоўнікаў – вельмі актыўны працэс, які прыводзіць да ўтварэння слоў з разнастайным сэнсавым зместам” [4, с. 88]. П.А. Собалева таксама сцвярджае, што такія выпадкі з’яўляюцца не чыста словаўтваральнай аманіміяй, а ўскладнены лексіка-семантычнай аманіміяй [1]. Аднак некаторыя вытворныя з адрозненнем словаўтваральных структур першай разнавіднасці зафіксаваны ў Тлумачальным слоўніку беларускай мовы (ТСБМ) у якасці мнагазначных слоў. На наш погляд, цалкам правамерна лічыць, услед за іншымі даследчыкамі, такія вытворныя назоўнікі не толькі словаўтваральнымі, але і лексіка-семантычнымі амонімамі. На карысць гэтага сведчыць той факт, што другія значэнні ў разглядаемых мнагазначных лексемах утвораны шляхам метафарычнага пераносу і настолькі страцілі семантычную сувязь з першым асноўным значэннем, што абсалютна не ўспрымаюцца як матываваныя той або іншай адзінкай. Так, *бабачка* ‘1. Памянш.-ласк. да *бабка*¹. 2. Гальштук у выглядзе банта’ [ТСБМ-1, с. 319] – 1 знач. – *бабка*¹ + **-к-(а)**, 2 знач. – *бабачк-(а)*; *пачка* ‘1. Тое, што і пачак. 2. У класічным балеце – кароткая, пышная, шматслойная спадніца балерыны’ [ТСБМ-4, с. 141] – 1 знач. – *пак*¹ + **-к-(а)**, 2 знач. – *пачка*; *кашка* ‘1. Памянш.-ласк. да каша (у 1 знач.). 2. Народная назва некаторых відаў канюшыны’ [ТСБМ-2, с. 671] – 1 знач. – *каша* + **-к-(а)**, 2 знач. – *кашк-(а)*; *цыганачка* ‘1. Памянш.-ласк. да цыганка. 2. Руская народная песня; скокі пад музыку да гэтай песні’ [ТСБМ-5:2, с. 256] – 1 знач. – *цыганка* + **-к-(а)**, 2 знач. – *цыганачк-(а)*; *шасцярня* ‘1. Зубчастае кола, якое перадае рух. 2. Запрэжка ў шэсць коней’ [ТСБМ-5:2, с. 357] – 1 знач. – *шасцярн-(я)*, 2 знач. – *шэсць* + **-ярн-(я)**.

Нявырашанае гэтага пытання адлюстроўваецца і ў непаслядоўнай падачы такіх слоў лексікаграфічнымі даведнікамі. Напрыклад, лексема *варонка* зафіксавана ў ТСБМ як адназначнае слова са значэннем ‘яма, утвораная разрывамі снарадаў, мін і пад.’ [ТСБМ-1, с. 464]. Аднак “Марфемны слоўнік беларускай мовы” адрознівае дзве словаўтваральныя структуры для абсалютна іншых значэнняў: *варонк-(а)* – *лейка* і *варон-к-(а)* – *варона* [Б-1989, с. 101].

Аманімія словаўтваральных форм *другой* разнавіднасці абумоўлена матывацыяй аднакаранёвымі ўтваральнымі асновамі і далучэннем розных

фармантаў, пры гэтым могуць адрознівацца і спосабы словаўтварэння. Напрыклад, *талстоўка*¹ ‘жан. да талстовец’ ад *талстовец* + **-к-(а)** і *талстоўка*² ‘шырокая, доўгая мужчынская кашуля ў складку з поясам’ [ТСБМ-5:1, с. 467] ад *Талстой* + **-оўк-(а)**; *двайнік*¹ ‘чалавек або прадмет, які мае поўнае ці надта блізкае падабенства з другім чалавекам або прадметам’ ад *двайны* (двойня) + **-ік** і *двайнік*² ‘двухпудовая гіра’ [ТСБМ-2, с. 157] ад *два* + **-айнік**; *перагаласоўка*¹ ‘паўторнае галасаванне’ ад *перагаласаваць* + **-к-(а)** (суфіксальны спосаб утварэння) і *перагаласоўка*² ‘чаргаванне галосных у каранях слоў пры захаванні нязменнасці зычных’ [ТСБМ-4, с. 171] ад *голос* (галосны) + **-оўк-(а)** + *пера-* (прыставачна-суфіксальны спосаб утварэння). Некаторыя даследчыкі (П.А. Собалева, А.М. Ціханаў) не ўключаюць такія выпадкі ў словаўтваральную аманімію, таму што вылучэнне розных суфіксаў здымае магчымасць для аналізу з’явы неадназначнасці. Аднак мы лічым мэтазгодным адносіць іх да аманіміі словаўтваральных форм на той падставе, што ў прыведзеных ніжэй прыкладах сутнасным з’яўляецца адрозненне словаўтваральнай структуры, у вызначэнні якой акцэнтавана ўвага на адрозненнях ва ўтварэнні адзінак, а не на тоеснасці марфемнай структуры.

Варта яшчэ раз адзначыць, што вылучэнне лексіка-семантычных амонімаў не заўсёды адпавядае аманіміі словаўтваральных форм. Гэта ўскладняе не толькі лексічную сістэму, але і разуменне характару матывацыі таго або іншага слова. Так, *ударнік*¹ ‘перадавы рабочы сацыялістычнай вытворчасці, які перавыконвае нормы. // Пра перадавое прадпрыемства’ ад *ударны*¹ + **-ік**, *ударнік*² ‘3. Музыкант, які іграе на ўдарных інструментах’ ад *ударны*² + **-ік**, а *ударнік*³ ‘1. Частка затвора агнястрэльнай зброі, прызначаная для ўдару па капсулі патрона. 2. Дэталь, прыстасаванне ў якім-н. механізме, інструменце для атрымання гуку ўдарамі’ [ТСБМ-5:1, с. 616] ад *удар* + **-нік**.

Некаторыя вытворныя з аманіміяй словаўтваральных форм другой разнавіднасці з’яўляюцца мнагазначнымі лексемамі. Яны адносяцца да аднаго словаўтваральнага гнязда і звязаны праз утваральную аснову, аднак знаходзяцца на розных ступенях утварэння. У такіх вытворных лексемах назіраецца адрозненне словаўтваральных структур не для слоў, а для асобных ЛСВ, адпаведна аманімія словаўтваральных форм выяўляецца ў межах адной лексічнай адзінкі. Напрыклад, *кураводка* ‘1. Жан. да куравод. 2. Тое, што і квактуха’ [ТСБМ-2, с. 758] – 1. *Разводзіць* і *куры* + **о** → *куравод* + **-к-(а)** → *кураводка*; 2. *Вадзіць* і *куры* + **-к-(а)** → *кураводка*; *карміцелька* ‘1. Жан. да карміцель. 2. Жанчына, якая корміць грудзмі чужое дзіця’ [ТСБМ-2, с. 643] – 1. *Карміць* + **-цель** → *карміцель* + **-к-(а)** → *карміцелька*; 2. *Карміць* + **-цельк-(а)** → *карміцелька*; *дзягцярка* ‘1. Жан. да дзягцяр. 2. Пасудзіна для дзёгцю’ [ТСБМ-2, с. 178] – 1. *Дзёгаць* + **-яр** → *дзягцяр* + **-к-(а)** → *дзягцярка*; 2. *Дзёгаць* + **-ярк-(а)** → *дзягцярка*; *стэндавік* ‘1. Рабочы на выпрабавальным стэндзе. 2. Спецыяліст па стэндавай стральбе’ [ТСБМ-5:1, с. 362] – 1. *Стэнд* + **-авік** → *стэндавік*; 2. *Стэнд* + **-ав-(ы)** → *стэндавы* + **-ік** → *стэндавік*.

Наступная *трэцяя* разнавіднасць аманіміі словаўтваральных форм адрозніваецца тым, што адпаведныя ёй лексемы пры ўтварэнні ад аднакаранёвых асноў характарызуюцца не толькі адрозненнем словаўтваральных структур, але і аманіміяй фарманта. Гэту групу складаюць пераважна вытворныя аманімічныя назоўнікі, дзе адзін з амонімаў абазначае асобу жаночага полу пэўнай нацыянальнасці (народнасці), а другі – які-небудзь прадмет рэчаіснасці (у шырокім сэнсе слова). Так, *кабардзінка*¹ ‘гл. кабардзінцы’ і *кабардзінка*² ‘народны мужчынскі танец на Каўказе, род лезгінкі’ [ТСБМ-2, с. 568]; *лезгінка*¹ ‘гл. лезгіны’ і *лезгінка*² ‘народны танец лезгінаў, а таксама музыка да гэтага танца’ [ТСБМ-3, с. 32]; *шатландка*¹ ‘гл. шатландцы’ і *шатландка*² ‘тканіна ў каляровыя клеткі’ [ТСБМ-5:2, с. 358]; *іспанка*¹ ‘гл. іспанцы’ і *іспанка*² ‘адна з цяжкіх форм грыпу’ [ТСБМ-2, с. 561]; *украінка*¹ ‘гл. украінцы’ і *украінка*² ‘гатунак пшаніцы’ [ТСБМ-5:1, с. 660]; *фінка*¹ ‘гл. фіны’, *фінка*² ‘1. Тое, што і фінскі нож. 2. Круглая шапка з футравым адкладным акалышкам. 3. Паўночная парода коней, пашыраная ў Фінляндыі. 4. Лёгкая шлюпка з вострай формай носа і кармы’ і *фінка*³ ‘тое, што і фіна’ [ТСБМ-5:2, с. 135]; *зямянка*¹ ‘часовае жыллё, зробленае ў зямлі (іншы раз выступае на паверхню)’ і *зямянка*² ‘гл. зямляне’ [ТСБМ-2, с. 523]).

Прыведзеныя вышэй лексемы адносяцца да аднаго словаўтваральнага гнязда, аднак знаходзяцца на розных ступенях утварэння. П.А. Собалева не лічыць такія вытворныя лексіка-семантычнымі амонімамі, таму што яны звязаны семантычна праз вяршыню гнязда. Пры гэтым даследчыца прызнае фарманты ў іх складзе аманімічнымі [1]. Непаслядоўна адлюстроўваюцца такія словы і ТСБМ. Напрыклад, *венгерка* (‘1. Гл. венгры. 2. Куртка з нашытымі папярочнымі шнурамі. 3. Бальны танец, запазычаны ў венграў. 4. Пашыраны сорт сліў фіялетавага колеру’ [ТСБМ-1, с. 476]) і *прышчэпка* – ‘1. Дзеянне паводле значэння дзеяслова прышчапіць (у 1, 2 знач.). 2. Прышчэпачны прэпарат. 3. Тое, што і прышчэп. 4. Заціскачка для прымацавання чаго-н.’ [ТСБМ-4, с. 503] – падаюцца як мнагазначныя лексемы.

Такім вытворным адпавядаюць наступныя словаўтваральныя структуры: *Украіна* → *украінец* → *украінка* і *Украіна* → *украінскі* → *украінка*; *Іспанія* → *іспанец* → *іспанка* і *Іспанія* → *іспанскі* → *іспанка*; *Шатландзія* → *шатландзец* → *шатландка* і *Шатландзія* → *шатландскі* → *шатландка*; *Кабардзіна-Балкарская ССР* → *кабардзінец* → *кабардзінка* і *Кабардзіна-Балкарская ССР* → *кабардзінскі* → *кабардзінка*; *Фінляндыя* → *фін* → *фінка* і *Фінляндыя* → *фінскі* → *фінка*; *Венгрыя* → *венгр* → *венгерка* і *Венгрыя* → *венгерскі* → *венгерка*; *Зямля* → *зямлянін* → *зямлянка* і *Зямля* → *земляны* → *зямлянка*; *лезгін* → *лезгінка* і *лезгінскі* → *лезгінка*; *прышчапіць/прышчэпліваць* → *прышчэпка* і *прышчэпа* → *прышчэпка*. Суфіксы ў названых словах таксама з’яўляюцца аманімічнымі, таму што выражаюць словаўтваральныя значэнні ‘жывая істота супрацьлеглага полу’ (мадыфікацыйнае значэнне) і ‘прадмет’ (мутацыйнае значэнне) (*прышчэпка* – значэнні ‘адцягненае дзеянне’ і ‘прадмет’). Толькі адзінкавыя вытворныя

гэтай групы маюць семантычна тоесныя фарманты – *укладчык*¹ ‘той, хто робіць уклад’ (у 1 знач.); *уладальнік грашовага ўкладу*’ ад *уклад*² і *укладчык*² ‘той, хто займаецца ўкладваннем чаго-н.’ [ТСБМ-5:1, с. 658] ад *укладваць*.

Апошнюю групу вытворных з аманіміяй словаўтваральных форм складаюць мнагазначныя назоўнікі, матываваныя аднакаранёвымі зваротнымі і незваротнымі дзеясловамі, за кошт чаго ўзнікае адрозненне глыбінных словаўтваральных структур. Такія вытворныя з’яўляюцца полісемантамі на лексічным узроўні, таму што яны выражаюць толькі адценні значэння, а не розныя значэнні. Яны адносяцца да аднаго словаўтваральнага гнязда, аднак знаходзяцца на розных ступенях утварэння. Фармант характарызуецца тоеснасцю значэння для ўсіх ЛСВ у кожным з прыведзеных ніжэй вытворных назоўнікаў. Так, *сховішча*; *схованка*; *сховань* ‘1. Хаванне, захоўванне чаго-н.; схоў. 2. Месца, дзе можна схавання ад каго-, чаго-н., дзе можна знайсці прыстанішча. 3. Якое-н. патаемнае месца, збудаванае для ўкрыцця каго-, чаго-н. 4. Пра што-н., дзе засяроджваецца, збіраецца што-н.’ [ТСБМ-5:1, с. 411–412] (1-ы і 3-і ЛСВ утвораны ад *схаваць*, 3-і – ад *схавацца*, 4-ы – шляхам пераносу); *схватка* ‘1. Сутыкненне ў баі, у барацьбе, у бойцы. / Пра барацьбу супрацьлеглых груп, напрамкаў і пад. / Пра барацьбу з сіламі прыроды, стихійнымі бедствамі, хваробай і пад. // Спрэчка, сварка. // Спартыўнае спаборніцтва (звычайна па розных відах барацьбы). 2. Сутаргавыя балючыя скарачэнні мышцаў жывата, маткі’ [ТСБМ-5:1, с. 408] (1-ы ЛСВ утвораны ад *схваціцца*, 2-і – ад *схваціць*); *хованка* ‘1. Месца, дзе можна знайсці прытулак, схавання ад каго-, чаго-н. // Спецыяльна зробленае ці прыстасаванае месца ці збудаванне для хавання ад каго-, чаго-н. 2. Скрытае, патайнае месца для захоўвання чаго-н. 3. Дзіцячая гульня, у якой той, хто водзіць, шукае астатніх удзельнікаў гульні, якія схаваліся’ [ТСБМ-5:2, с. 207] (1-ы і 3-і ЛСВ утвораны ад *хавацца*, а 2-і – ад *хаваць*).

Аднак у разглядаемай групе сустракаюцца лексемы, якія падаюцца ТСБМ як амонімы: *качалка*¹ ‘крэсла з выгнутымі палазамі, на якіх яно качаецца’ ад *кацацца* і *качалка*² ‘1. Круглая палка для раскачвання цеста або разгладжвання бялізны качаннем. // Прадмет падобнай формы. 2. Прыстасаванне для разгладжвання, качання бялізны’ [ТСБМ-2, с. 669] ад *кацаць*.

У некаторых вытворных спалучаецца аманімія словаўтваральных форм некалькіх вышэй разгледжаных разнавіднасцей. Так, можа назірацца адрозненне словаўтваральных структур, абумоўленае невытворнасцю адной з асноў і разам з тым утварэннем ад аднакаранёвых асноў пры дапамозе розных фармантаў – *сярэбранік*¹ ‘старажытная дробная сярэбраная манета’ ад *сярэбраны*, *сярэбранік*² ‘спецыяліст па серабрэнню рэчаў і чаканцы серабра’ ад *серабро* і *сярэбранік*³ ‘дуброўка (трава)’ [ТСБМ-5:1, с. 451]. Адрозненне словаўтваральных структур, звязанае з невытворнасцю адной з асноў, таксама можа ўзнікаць побач з аманіміяй фармантаў пры ўтварэнні ад аднакаранёвых асноў: *смолка*¹ ‘тое, што і смаленне’ ад *смаліць* (транспазіцыйнае словаўтваральнае значэнне), *смолка*² ‘1. Ласк. да смала (у 1 знач.). 2. Сумесь хваёвай або яловай смалы з пахучымі рэчывамі. 3. Сінтэтычнае

рэчыва, якое выкарыстоўваецца пры закаркоўванні бутэлек’ ад *смала* (мадыфікацыйнае словаўтваральнае значэнне), *смолка*³ ‘лугавая травяністая расліна сямейства гваздзіковых з ружовымі кветкамі і клейкімі зверху сцёбламі’ [ТСБМ-5:1, с. 222].

Такім чынам, узнікненне аманіміі словаўтваральных форм абумоўлена адрозненнямі словаўтваральных структур, якія могуць быць прадстаўлены некалькімі разнавіднасцямі. Аманімія словаўтваральных форм можа спалучацца з лексічнай аманіміяй і з аманіміяй словаўтваральных фармантаў. Аднак словаўтваральныя амонімы не заўсёды з’яўляюцца лексічнымі амонімамі. Аманімія словаўтваральных форм можа быць рэалізавана не толькі на ўзроўні асобных слоў, але і на ўзроўні асобных ЛСВ аднаго вытворнага назоўніка. Прапануецца вызначаць ЛСВ як сукупнасць усіх граматычных і словаўтваральных форм слова, суадносных з адным яго значэннем.

ЛІТАРАТУРА

1. *Соболева, П.А.* Словообразовательная полисемия и омонимия / П.А. Соболева ; Ин-т русского языка АН СССР ; отв. ред. В.П. Григорьев. – М. : Наука, 1980. – 294 с.
2. *Тихонов, А.Н.* Морфемный состав и словообразовательная структура слова в русском языке / А.Н. Тихонов // Актуальные проблемы русского словообразования I : учен. зап. ; М-во просвещения Узбекской ССР, Ташкентский гос. пед. ин-т им. Низами ; редкол. : Г.И. Икрамов [и др.]. – Ташкент, 1975. – Т. 143. – С. 7–13.
3. *Барченкова, М.Д.* Деривационная полиформия и омонимия / М.Д. Барченкова // Теоретические аспекты деривации : межвуз. сб. науч. тр. ; М-во высш. и ср. спец. образования РСФСР ; Перм. гос. ун-т им. А.М. Горького ; редкол. : Л.Н. Мурзин (гл. ред.) [и др.]. – Пермь, 1982. – С. 107–120.
4. *Виноградов, В.В.* Проблемы морфематической структуры слова и явления омонимии в славянских языках / В.В. Виноградов // Славянское языкознание: IV Междунар. съезд славистов, докл. сов. делегации, Прага, август 1968 г. / АН СССР, Советский комитет славистов. – М., 1968. – С. 53–119.

КРЫНІЦЫ ПРЫКЛАДАЎ

ТСБМ-4 – Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. – Мінск : БелСЭ, 1977–1984. – Т. 4 : П–Р ; рэд. Г.Ф. Вештарт, Г.М. Прышчэпчык. – 1980. – 768 с.

ТСБМ-5:2 – Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. – Мінск : БелСЭ, 1977–1984. – Т. 5, кн. 2 : У–Я ; рэд. М.Р. Суднік. – 1984. – 608 с.

ТСБМ-5:1 – Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. – Мінск : БелСЭ, 1977–1984. – Т. 5, кн. 1 : С–У ; рэд. М.Р. Суднік. – 1982. – 663 с.

ТСБМ-3 – Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. – Мінск БелСЭ, 1977–1984. – Т. 3 : Л–П ; рэд. П.М. Гапановіч. – 1979. – 672 с.
ТСБМ-2 – Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. – Мінск : БелСЭ, 1977–1984. – Т. 2 : Г–К ; рэд. А.Я. Баханькоў. – 1978. – 768 с.
ТСБМ-1 – Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. – Мінск : БелСЭ, 1977–1984. – Т. 1 : А–В ; рэд. М.П. Лобан. – 1977. – 608 с.
Б-1989 – *Бардовіч, А.М.* Марфемны слоўнік беларускай мовы / А.М. Бардовіч, Л.М. Шакун. – 2-е выд., перапрац. і дап. – Мінск : Вышэйш. шк., 1989. – 718 с.

The homonymy of derivational forms is determined by the differences in word-formative structures. *The homonymy of derivational forms* is realised not only between separate words but also between lexical-semantic variants of the same derivative word. Therefore, it is suggested making the definition of lexical-semantic variant more specific.

Поступила в редакцию 14.10.10

ПРОБЛЕМЫ ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

А.А. Ефремова

РАЗРЕШЕНИЕ МНОГОЗНАЧНОСТИ АНГЛИЙСКИХ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ ПРИ АВТОМАТИЧЕСКОМ ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Актуальность проблемы разрешения *многозначности* лексических единиц не вызывает сомнения: полисемия настолько значима для систем автоматической обработки информации, что ее невозможно обойти в лингвистических исследованиях. В статье проводится сравнительный анализ нескольких формальных подходов к устранению *многозначности* при переводе с одного языка на другой: разрешение многозначности с использованием *контекстологического словаря*, с помощью системы *таблиц решений*, а также с применением *тегированных параллельных корпусов текстов*.

Устранение *многозначности* лексических единиц (ЛЕ) – одна из центральных проблем, возникающих при автоматическом анализе текстов на естественном языке и их переводе на другие языки.

Рассматривая формальные подходы к разрешению *многозначности* при переводе с одного языка на другой с помощью компьютера, стоит сравнить несколько способов решения этой задачи: использование контекстологического словаря, применение системы таблиц решений, использование тегированных параллельных корпусов текстов.

Будем придерживаться мнения, что многозначность (или полисемия) – это результат обозначения одной языковой единицей (в частности, словом) нескольких качественно разнородных денотатов, не нарушающий, в отличие от омонимии, ее тождества [1, с. 19]. Многозначным (или полисемантическим) считается слово, имеющее на определенном синхронном срезе развития языка несколько планов содержания при одной форме их выражения, независимо от того, является идентичность формы случайным совпадением результатов вариативности планов выражения этимологически разных лексических единиц или же закономерным результатом семантического развития одной и той же лексической единицы [2, с. 16].

Например, английский юридический термин *act* называет какое-то *действие, деяние*, а также обозначает какой-то *документ: закон, акт, договор, запись*. Если обратиться к англо-русскому юридическому словарю, то английскому термину *act* в данном словаре даются следующие переводные эквиваленты [3, с. 16–21].

1. *действие, деяние* – поступать, действовать (*act in law* ‘юридическое действие’; *act of crime* ‘преступление’; *to act legally* ‘действовать законно’);

2. *закон* (*amended law* ‘закон с внесенными в него поправками’);

3. *акт, документ* (*act of state* ‘акт государственной власти, документ’);

4. (как наименование международного д о г о в о р а) (*international act* 'международный правовой акт');

5. з а п и с ь – заносить, делать запись (*act of sale* 'нотариальная запись о продаже').

Очевидно, что семантические поля русских эквивалентов 'акт', 'документ' и 'договор' пересекаются, что свидетельствует о многозначности входного термина *act*, и о том, что переводные эквиваленты обладают предметно-семантической связью.

Внимательно проанализировав переводные эквиваленты, можно также отметить двуязычную неоднозначность. Сущность двуязычной неоднозначности (омонимии) состоит в том, что ЛЕ входного языка имеет несколько эквивалентов в выходном языке. Значения же эквивалентов 'деяние' и 'закон' ('акт', 'документ', 'договор'), не пересекаются, у них нет общих семантических признаков, что свидетельствует о двуязычной омонимии входного термина *act*.

Предположим, что нужно перевести с помощью ЭВМ английский юридический текст, в котором встречается данный многозначный термин *act*. Рассмотрим п е р в ы й с п о с о б разрешения многозначности – перевод с помощью *контекстологического словаря*.

Если рассмотреть множество многозначных слов в исходном языке (ИЯ), то можно сказать, что выбор эквивалента в переводном языке (ПЯ) из числа возможных переводов каждого слова осуществляется не случайно, а детерминирован употреблением переводимого слова в той или иной конкретной ситуации, т. е. особенностями того отрезка текста, в котором он встречается. Некоторые особенности могут быть связаны с самим переводимым словом. Например, на перевод слова может влиять его грамматическая форма в тексте, а также окружающие слова (контекст).

Другими словами, каждому из значений, зафиксированных посредством отдельного слова или словосочетания эталонного языка, в ИЯ должна соответствовать некоторая форма, диагностирующая или детерминирующая это значение. Опираясь на форму, детерминирующую в каждом конкретном случае то или иное значение многозначного слова, ЭВМ при переводе должна выбрать определенное значение в ПЯ. Таким образом, переводы помогают эксплицировать то различие в значениях, которое фиксирует ИЯ, пользуясь в каждой конкретной ситуации строго определенным набором языковых единиц.

ЭВМ может выполнить данную задачу снятия многозначности с помощью построения словаря, где зафиксирован набор форм, помогающих различать значения данного многозначного слова, и набор переводов, однозначно соотнесенных с этими формами. В качестве рабочего метода для построения автоматического словаря для снятия полисемии многозначных слов принят метод *постепенного улучшения исходного конкорданса*.

Суть метода состоит в том, что за исходный принимают словарь, составленный на основании билингвы таким образом, что в нем представлена дистрибуция слов, частота их употребления и все, имеющиеся в данном объеме текстов значения каждого из слов, образующие словарные статьи

[4, с. 146]. Такой словарь называют **к о н к о р д а н с о м**. На основании этого конкорданса строятся алгоритмы распознавания значений каждого многозначного слова. Машинная проверка этих алгоритмов осуществляется на текстах, не вошедших в исходные билингвы.

Пользуясь знанием языка и предмета, а также обращаясь к толковым и переводным словарям, справочным пособиям, переводчик анализирует и дает перевод каждого слова конкорданса в каждом конкретном его употреблении, зафиксированном в конкордансе, т.е. осуществляет процесс подготовительной обработки конкорданса.

Из текста до этапа автоматического перевода берется следующая информация [4, с. 149]: морфологические признаки слов (аффиксы и окончания); принадлежность слов к лексико-грамматическому классу; сведения о синтаксических функциях (СФ) слов в предложении (о сочетаемости многозначного слова с другими словами, которые однозначно определяют перевод). Вся эта информация однозначно детерминирует (лексико-грамматическая детерминанта, лексическая детерминанта, синтаксическая детерминанта, морфемная детерминанта, морфологическая детерминанта) одно значение многозначного слова как требующее отдельного лексического эквивалента в выходном языке.

Далее составляется алгоритм, выполняющий следующие операции [4, с. 149]:

- из конкорданса выбираются только многозначные слова;
- перечисляются все слова, которые в данном конкордансе могут служить при переводе лексическими эквивалентами для отобранных слов;
- устанавливаются факторы, влияющие на выбор лексического переводного эквивалента в каждом конкретном случае, определяется их взаимосвязь;
- указываются типы дистрибуции, по которым устанавливается однозначное соответствие между исследуемым словом и переводным эквивалентом;
- представляется процедура идентификации типа дистрибуции и выбора лексического эквивалента для перевода в виде алгоритма перевода данного многозначного слова.

Разрешение лексической многозначности происходит в дальнейшем как работа с текстом составленного таким образом алгоритма, устраняющего многозначность данного слова.

Например, в английском юридическом тексте, который переводится с помощью персонального компьютера (ПК) на русский язык, встретилось следующее предложение: *The decision of the jury in this case depends on the **act** of God.* В данном предложении согласно алгоритму с помощью конкорданса находится многозначное слово *act*. В конкордансе у этого слова зафиксирован ряд переводных эквивалентов: 'акт', 'документ', 'запись', 'закон', 'деяние' и 'договор'. При установлении факторов, влияющих на выбор лексического переводного эквивалента, справа от переводимого английского юридического термина *act* на глубине двух слов выявляется лексическая детерминанта *God*. Эта детерминанта характеризует индивидуальную

сочетаемость слова *act* со словом *God* с наполнением конкретным семантическим содержанием, что соответствует переводу: ‘форс-мажор’. Список детерминант, характеризующих индивидуальную сочетаемость многозначного слова, также фиксируется в конкордансе.

Совокупность подобных алгоритмов и образует контекстологический словарь.

Проанализируем второй способ разрешения многозначности английских юридических терминов. Это алгоритм автоматического устранения неоднозначности при помощи *системы таблиц решений*.

Алгоритм снятия неоднозначности – это своего рода конгломерат используемых в современных лингвистических автоматах таких блоков снятия неоднозначности, как:

а) тезаурусный выбор актуального значения, базирующийся на компонентном анализе денотата и десигната ЛЕ;

б) исследования контекстного окружения многозначной ЛЕ. Аппаратом формализации правил снятия неоднозначности служит система *таблиц решений* [5, с. 123].

Предполагается, что процесс лексико-семантической актуализации определяется:

а) окружением многозначной лексической единицы в пределах ее непосредственных семантических отношений;

б) направлением валентности анализируемой лексической единицы;

в) характеристиками валентности, реализующими актуализацию одного из значений лексической единицы, т.е. семантическими признаками лексических единиц, на которые направлена *валентность* многозначной лексической единицы [5, с. 124]. Под *валентностью* в данном случае понимается способность слова сочетаться в тексте с другой языковой единицей, прежде всего с другим словом.

Каждая возможная комбинация условий процесса лексико-семантической актуализации представляется определенным правилом, с помощью которого осуществляется однозначный выбор переводного эквивалента многозначной лексической единицы [5, с. 126].

Итак, система таблиц решений, которая составляет основу алгоритма снятия неоднозначности, разрабатывается для множества ЛЕ, устранение многозначности которых осуществляется по единым правилам или одинаковым комбинациям условий. Система таблиц универсальна, поэтому в строках действий можно указывать не переводной эквивалент ЛЕ, а номер этого эквивалента в гнездах выходного словника.

Таким образом строится универсальная таблица решений, и создаются необходимые для ее работы словари. Для работы представленного далее алгоритма необходимы словари выходных переводных эквивалентов и словари, где указаны семантические подклассы имен существительных, глаголов и имен прилагательных, так как именно этими частями речи определяется переводной эквивалент многозначных слов.

Рассмотрим более подробно данный метод на примере перевода многозначного английского юридического термина *act* на русский язык. В таблице реализованы правила, исходя из условий метода. Все возможные условия представлены в табл. 1 (многозначная единица выделена жирным шрифтом).

Т а б л и ц а 1

Таблица разрешение многозначности
английского юридического термина *act*

		П Р А В И Л А				
A ₁	Многозначная лексическая единица	act	act	act	act	act
A ₂	Лексическая единица в составе данных конструкций	A+N	N+P+N	N+P+N	A+N	N+P+N
A ₃	Направление валентности лексической единицы	левая	правая	правая	левая	правая
A ₄	Части речи, на которые направлена валентность	имя прилагательное	предлог + имя существительное	предлог + имя существительное	имя прилагательное	предлог + имя существительное
A ₅	Семантические признаки (СемП) лексических единиц, на которые направлена валентность	СемП 'качество'	абстрактное понятие	орган власти, учреждение	СемП 'качество'	выполняемое действие
B ₁	закон	X				
B ₂	действие, деяние		X			
B ₃	документ			X		
B ₄	договор				X	
B ₅	запись					X

П р и м е ч а н и е . N – имя существительное; V – глагол; A – имя прилагательное; D – наречие; P – предлог; T – артикль; B₁–B₅ – переводные эквиваленты; A₁–A₅ – условия перевода; Правила 1–5 – возможные комбинации условий.

Программа перевода выполняется по следующему алгоритму: идет анализ первого правила, и если оно реализуется, т.е. слово *act* входит в структурную формулу *имя прилагательное + имя существительное (A+N)* и имеет левую валентность с семантическим признаком 'качество'

(например, *organic act*), то программа переведет эту многозначную ЛЕ как ‘закон’; а если какое-либо условие не реализуется, то сразу же начинается анализ правила № 2. Если многозначная ЛЕ имеет окружение, соответствующее структурной формуле *имя существительное + предлог + имя существительное* ($N+P+N$) и имеет правую валентность, направленную на ЛЕ с семантическим признаком ‘абстрактное понятие’ (например, *act of bankruptcy*), то слово *act* переводится как ‘действие’, ‘деяние’. Если, как и в правиле № 1, условия не реализуются, то осуществляется переход к правилу № 3. И так поэтапно выполняется алгоритм. Если перевод найден, то программа предлагает ввести следующее предложение. Если же ни одно из условий не реализовалось, то программа возьмет из словаря переводной эквивалент с самым употребляемым значением, т.е. ‘закон’.

Алгоритм включает следующие шаги:

- Ввод предложения.
- Проверка предложения на наличие многозначной единицы.
- Пошаговая проверка валентности многозначной единицы (левого и правого окружения).
- Пошаговая проверка наличия той или иной лексической единицы определенной части речи, на которую направлена валентность.
- Пошаговая проверка семантического признака лексической единицы, на которую направлена валентность.
- Выбор переводного эквивалента.

Проверив все возможные случаи, как было показано выше на примере, ЭВМ не приходит ни к одному из имеющихся решений, то она выбирает наиболее часто употребляемый переводной эквивалент, предлагаемый в словаре.

Т р е т и й с п о с о б разрешения многозначности юридических терминов при переводе с английского языка на русский – это использование *тегированных параллельных корпусов текстов* при статистическом машинном переводе.

После того как два параллельных корпуса выровнены на уровне предложений, можно попытаться извлечь из них информацию о переводных соответствиях двух языков. Характер информации, которая извлекается из параллельных текстов, зависит от того, какой метод перевода принят за основу. С целью устранения многозначности следует проанализировать надежность лексических соответствий. Для этого создаются лексические конкордансы.

Наиболее простым статистическим алгоритмом построения лексических конкордансов является метод И.Д. Меламеда [6]. Суть его сводится к выполнению следующей последовательности действий:

- Выбирается мера сходства S между словами языка $L1$ (ИЯ) и $L2$ (ПЯ). Обычно в качестве меры сходства используется частотность совместного присутствия слов в связанных фрагментах параллельных текстов.
- Вычисляется степень связи $S(v, w)$ для набора пар слов $(v, w) \in (L1 \times L2)$.
- Пары сортируются в порядке убывания степени связи.

- Выбирается пороговое значение t . Пары слов со степенью связи выше t включаются в конкорданс.

При статистическом подходе перевод осуществляется путем поиска такого русского предложения, которое максимизирует произведения безусловной вероятности русского предложения и вероятности английского предложения (оригинала) при условии данного русского предложения. Согласно теореме Байеса, это русское предложение является наиболее вероятным переводом английского.

В общем случае система статистического машинного перевода работает в двух режимах [7]:

1. *Обучение системы*: берется тренировочный корпус параллельных текстов, и с помощью линейного программирования находятся такие значения таблиц переводных соответствий, которые максимизируют вероятность (например) русской части корпуса при имеющейся английской, согласно выбранной модели перевода. На русской части того же корпуса строится модель русского языка.
2. *Эксплуатация*: на основе полученных данных для незнакомого английского предложения находится русское, максимизирующее произведение вероятностей, присваиваемых моделью языка и моделью перевода.

Вероятность выбора каждого переводного эквивалента определяется по его встречаемости в тренировочном корпусе.

Самой простой статистической моделью перевода является модель *дословного перевода*. В этой модели предполагается, что для перевода предложения с одного языка на другой достаточно перевести все слова, а расстановку их в правильном порядке обеспечит модель языка. Единственным массивом данных, которым оперирует эта модель, является таблица вероятностей попарных переводных соответствий слов двух языков. В нашем случае для английского юридического термина *act* и его переводных эквивалентов с учетом близкого по значению юридического термина *law* и его переводных эквивалентов эта таблица будет иметь следующий вид (табл. 2):

Т а б л и ц а 2

Вероятности попарных переводных соответствий для английских юридических терминов *act* и *law*, %

Термины-синонимы	Закон	Деяние, процедура	Документ	Акт	Право
<i>act</i>	35	38	16	11	0
<i>law</i>	47	8	0	0	45

Обучение модели производится на корпусе *параллельных текстов*, на уровне предложений с учетом значений, внесенных в конкорданс.

Правило Байеса применяется для того, чтобы можно было легко определить с помощью обучения языковую модель, которая является более точной по сравнению с моделью перевода. По сути, такой подход позволяет разделить задачу на две части – вначале применить модель перевода для поиска подходящих русских предложений, в которых упоминаются те же понятия, что и в английском предложении; затем воспользоваться языковой моделью, для которой имеются намного лучшие оценки вероятностей, чтобы выбрать наиболее подходящий вариант перевода.

Использование *параллельных текстов* позволяет при автоматическом переводе осуществлять не только анализ терминов, но и компонентный анализ терминосочетаний и их соответствий в предложениях исходного и переводного текстов, что дает возможность компьютеру различать значения терминов, входящих в данное словосочетание, а также позволяет проанализировать не только сами термины, терминологические словосочетания, но и устойчивые словосочетания с сохранением связей между словами, что важно для разрешения многозначности этих единиц.

Параллельные тексты помогают при переводе выявить разницу между словарным эквивалентом и переводным эквивалентом. Выявление переводческих эквивалентов при анализе корпуса именно параллельных текстов способствует выявлению переводческих соответствий, зафиксированных в официальных правовых документах.

Сегментированные фрагменты текстов, введенные в базу данных, позволяют найти необходимую информацию не просто в виде отдельных лексических единиц, но и в виде словосочетаний, предложений, абзацев. В тегированных же параллельных текстах для каждой лексической единицы уже содержится морфологическая, синтаксическая и семантическая и другая информация, что облегчает процесс автоматического перевода.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что именно массивы *тегированных параллельных корпусов текстов* могут быть успешно использованы в качестве инструмента разрешения многозначности английских юридических терминов при автоматическом переводе текстов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лещева, Л.М.* Лексическая полисемия: история изучения, актуальные проблемы и перспективы исследования / Л.М. Лещева. – Минск : МГЛУ, 1994. – 29 с.
2. *Лещева, Л.М.* Лексическая полисемия в когнитивном аспекте / Л.М. Лещева. – Минск : МГЛУ, 1996. – 246 с.

3. *Андрианов, С.Н.* Англо-русский юридический словарь / С.Н. Андрианов, А.С. Берсон, А.С. Никифоров. – М. : РУССО, 2002. – 512 с.
4. *Марчук, Ю.Н.* Проблемы машинного перевода / Ю.Н. Марчук. – М. : Наука, 1983. – 233 с.
5. *Билан, В.Н.* Снятие лексической и грамматической неоднозначности с помощью таблиц решений / В.Н. Билан // Проблемы автоматического экспериментально-фонетического анализа. – Минск : МГПИИЯ, 1986. – С. 123–128.
6. *Melamed, I.D.* Automatic Construction of Clean Broad-Coverage Translation Lexicons / I.D. Melamed // Proceedings of 2nd Conference of the Association for Machine Translation in the America. – Montreal, Canada, 1996. – P. 115–131.
7. *Рахимбердиев, Б.Н.* Эволюция семантики экономической терминологии русского языка в XX веке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.21 / Б.Н. Рахимбердиев. – М., 2003. – 120 с.

The article analyses different formal methods of solving lexical ambiguity of English law terms while translating them into Russian. In our opinion the corps of parallel tagged texts can become a useful contribution in this case.

Поступила в редакцию 28.10.10

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Л.С. Букаева

Р.Д. БРИНКМАН И ЛИРИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ
В НЕМЕЦКОЙ ПОЭЗИИ В 1970-е годы

Кризисное состояние немецкой лирики как литературного рода стало очевидным еще в конце 1960-х. Теоретики «нового реализма» начали активно разрабатывать вопросы инновации поэтики в 1970-е. В качестве ключевых слов они взяли *цивилизацию, идеологию, повседневность*. Постановкой акцентов на отчуждении современника в обществе потребления они преломили реальность через лирическое «я». «Фактичность воспринятого» они выразили через множество деталей, служивших точкой отсчета ассоциативности. Общая картина мира подверглась в их творчестве деконструкции. Основным приемом композиции стал *монтаж*. Образы лирики монтировались из понятий и деталей поверхностного взгляда лирического героя, утратившего способность к коммуникации. Содержание не реализовало смысл – он конструировался процессуально через восприятие читателя. Открытость стала главной особенностью лирики 1970-х. Эпатаж перерос в тему. Аллюзии, вторичные значения слов свидетельствовали, что поэзия больше не хотела развиваться в рамках реализма. Произошла ломка традиционной поэтики. «Прекрасное» и «возвышенное» ушли из эстетики рода. «Низменное» и «безобразное» повседневной жизни пришли им на смену.

Г. Хербургер и Р.Д. Бринкман¹ первыми обратили внимание на кризисное состояние немецкой лирики как литературного рода. Необходимы были перемены, способные возродить его к жизни. В центре теоретической полемики оказались форма и объем произведения: «длинное» или «короткое» стихотворение. Постулат о «длинном» стихотворении заложили в свою художественную концепцию многие авторы 1970-х. «Длинные» стихотворения Г. Хербургер определил как «сбор материала», как проникновение вглубь опыта. По поводу мотивации он писал: «Конечно же, я ищу причину, но мне не нужен закон рычага. Предпосылкой для стихотворения служит не столько знание чего-то, сколько переживание»² [1, S. 164].

Р.Д. Бринкман воспринял эту концепцию и пошел дальше: он не только отказался от привычного строя стихотворения, он менял традицию в целом. Действительность стала для него не просто объектом изображения. Она служила образцом для корректировки представлений. Отталкиваясь от собственной картины мира, поэт возводил субъективно воспринятую реальность в ранг мерки, которой оценивал выразительность лирического произведения. Образ реальности вырастал у него из множества деталей и оттенков. Не случайно В. Стеженский и Л. Черная писали о нем: «Бринкман необычайно, гипертрофированно наблюдателен. Он описывает предметы

¹ Бринкман Рольф Дитер (1940–1975) – поэт ГДР.

² Здесь и далее перевод наш. – Л.Б.

обихода с поистине поразительной точностью. Но гипертрофированная наблюдательность и приземленность расчлениают картину на множество герметически замкнутых “отсеков” и в то же время лишают ее реалистической достоверности. Пристально глядя в одну точку, рассматривая как бы под лупой каждую отдельную деталь, мы теряем очертания картины в целом» [2, с. 265].

Налицо прием *деконструкции*, который стал характерной чертой творческого метода поэта, избегавшего однозначного показа отношений между художником и миром, между литературой и обществом. Для него литературное развитие – это автономное движение. Целью стало самовыражение: он играл формой, языком, не ссылаясь на признанные эталоны, отказываясь от понятия возвышенного и обращаясь к теме обыденного, низменного. В стихотворении «Что за мирный полдень» („Oh, friedlicher Nachmittag“) на первом плане эмоции повседневности, их малый срез:

<i>Es sind überall die seltsamen</i>	<i>Везде странные</i>
<i>Erzählungen von einem gewöhnlichen Leben</i>	<i>рассказы об обычной жизни</i>
<i>ohne</i>	<i>без</i>
<i>Schrecken am Mittwoch, genau wie heute.</i>	<i>испуга в среду, как сегодня.</i>
<i>Der Tag</i>	<i>День</i>
<i>ist regenhell, verwehte Laute: oh friedlicher</i>	<i>светел после дождя.</i>
	<i>Унесенные ветром звуки:</i>
<i>Mittwoch mit Zwibeln, auf dem Tisch,</i>	<i>о, мирная среда с луковицами на</i>
	<i>столе,</i>
<i>mit Tomaten und Salat</i>	<i>с помидорами и салатом.</i>

[3, S. 1022]

Первым тон к смене дискурса на повседневность задал немецкой поэзии Г. Хербургер. Он использовал в своих рассуждениях термин *цивилизация* и призывал к «практичной» манере письма. Как представитель «нового реализма», он работал над созданием образа молодого, неустроенного героя, самоопределяющегося в обществе. Мотив поиска контактов (восстановления коммуникации как принципа развития) переняли у него Р.Д. Бринкман и многие авторы 1970-х. Поэтика развивалась теперь не в направлении реализма. Большинство лириков даже в ГДР выступили сторонниками умеренного модернизма и постмодернизма. Вербально озвученная «форма объективации содержания сознания, регулируемая доминирующим в той или иной социокультурной традиции типом рациональности» ломает в литературе десятилетия процедуру чтения («декодирования имманентного миру смысла») и обращает внимание на «прорыв из смысла в открытость» [4, с. 233].

Компромисс состоял в том, что реальность определялась как «фактичность воспринятого», но конкретность факта терялась в ассоциациях. Меняющуюся жизнь поэты отразили в создаваемых при помощи приема монтажа образах, где элементы социалистического и буржуазного мировоззрений воссоздали процесс познания мира лирическим «я». Мотивы отчуждения и молчания возобладали в тематике лирики. Это было даже не

молчание, а умалчивание чего-то существенного. Читателя отвлекали от этого важного детали обыденной жизни.

Картина из приведенного выше стихотворения, где на столе *помидоры и салат*, смущала читателя непоэтичностью. Он начинал искать в тексте слова-ключи с их вторичными значениями. Эпитеты *обычная* (жизнь) и *мирная* (среда) создали настроение ожидания чего-то, но без *испуга в среду*. Стало быть, именно *страхи* выступили темой, над которой размышлял поэт. В свою очередь *страхи* – порождение реальности человека, состоящей не только из повседневности. Проблемы непонимания и страхи суть производные политики, экологии и многого еще.

Формой проявления дистанцирования от политики выступила в семидесятые годы пейзажная лирика. Возрождение и здесь шло путем преломления тематики через повседневность. Своим творчеством этому содействовали С. Кирш, В. Кирстен, Е. Штритматтер, Х. Чеховски, П. Хухель и еще ряд видных поэтов десятилетия. Их ландшафты явили реципиенту противоречивость, напряжение, асимметрию мира, ставшие поводом для раздумий. Новая концепция природы позволила поэтам показать накопившийся негатив, а литературовед У. Хойкенкамп изобрела даже новый термин – *поэзия мусорной свалки*. Показ несоответствия, конфронтации нес в себе информацию на уровне аллюзии.

Знаменательна в этой связи антология В. Кирстена «Измененный ландшафт» („Veränderte Landschaft“, 1979). Уже в самом названии она экспонировала перемены, а включенные в нее произведения озвучили мрачные видения будущего, предъявили доказательства упадка природы современности. Отчетливо зазвучал мотив смерти. Следствием стало «отчуждение».

Обращаясь к современникам, немецкие лирики десятилетия ставили между понятиями *страха*, *мирового отчуждения* и *мировой боли* знак равенства. Новое поколение опиралось на традицию, заложенную П. Хухелем: он настаивал на развороте панорамы того, что оставалось в стороне от событий. Обрамленная сельским ландшафтом реальность легко обнаруживала свою противоречивость, возникавшую из опасных экологических просчетов на пути технического прогресса. Термин *новый провинциализм* приобрел своеобразную актуальность. Литератора, выстраивавшего цепочки рефлексий и ассоциаций, монтировавшего в образах разноплановый материал лирической субъективности, теоретики видели частью этого существующего во временном измерении мира. Г. Хербургер размышлял:

*Dort waren wir,
kürzlich Vorfahren,
jetzt Nachkommen
Irgendwo
in der langen Geschichte
dieser Welt*

*Мы были там,
недолго, в качестве предшественников,
теперь мы потомки.
Мы были где-то здесь
в длинной истории
этого мира.*

[5, с. 996].

и занимающее нас, если только оно хорошо увидено и точно воспроизведено, способно перерасти в стихотворение, даже когда речь идет о простом обеде» [7, с. 9].

Так поэт определил «повседневность», назвал ее темой времени. Но и в отношении формы он допускал значительные послабления, став одним из зачинателей новой нелитературной тенденции: свободные ритмы, отказ от конечной рифмы, постоянные переносы, создающие эпическую интонацию, экономное использование образности тропов. Он фактически завершил то, что В. Хёллерер направлял против «идеологии», а Д. Веллерсгоф – против «метафизики». Р.Д. Бринкман утвердил мнение, что «вещи, понятые как позитивистская тоталитарность, просто существуют для писателя, чтобы быть воспроизведенными. Искусство и цивилизованная реальность сближаются до идентичности» [7, S. 60]. «Низменное» и даже «безобразное» закрепились как центральные понятия в эстетике литературного рода. Р.Д. Бринкман экспонировал это следующим образом:

*Der Herbst mit seinen
toten Fischen auf dem*

*Осень и ее
мертвая рыба на*

*Grund der Flüsse ist
wie die Bude mit der alten
Frau, die sitzt und liest*

*дне рек ассоциируются с
будкой старухи-торговки. Она сидит и
читает ежедневную газету, пока кто-
нибудь*

die Tageszeitung, bis jemand

*kommt und eine von den kalten
Frikadellen kauft, die in der
Fettbespritzten Glasvitrine
liegen*

*придет и купит одну из холодных
котлет,
выставленных
в забрызганной жиром витрине.*

[3, S. 1021]

В качестве главного требования Р.Д. Бринкман (в русле «новой лирической субъективности») озвучил призыв не удалять из поэзии истинные потребности человека. Неверным он считал и полный уход авторов от общих проблем в узколичное мироощущение, ставшее теперь «наслаждением, самовыражением и самоанализом» [7, S. 81]. Настроение общества хорошо уловили Г. Хербургер в сборнике «Цели» („Ziele“, 1977), К. Микель в «Избранных стихотворениях» („Ausgewählte Gedichte 1945–1978“, 1979). Р.Д. Бринкман иронизировал:

*Wolken über dem Dach, blau, und
Stille in den Zimmern, friedlich und still
und
genauso offen wie Porree, wie Petersilie
grün ist
und die Erbsen heiß sind*

*Над крышей облака, голубизна,
тишина в комнатах. Все мирно,
тихо и
понятно, как и то, что порей, и
петрушка зелены, а
горох горяч.*

[3, S. 1022]

Горячим *горох* может быть только на обеденном столе. Стало быть, темой вновь выступает быт каждого дня. Но ключевыми здесь оказываются слова *мирно*, *тихо* и *понятно*. Фактически поэт вновь противопоставляет «понятный» быт непонятному, порождающему страхи миру. В структуре текста возобладали слова с их вторичными значениями, позволяющими домысл. Отчуждение оказалось где-то на заднем плане, завуалированное *голубизной* неба, «зеленью» петрушки и порея. Но оно осталось основным мотивом, реализуемым при помощи аллюзии и иронии.

Целью письма Р.Д. Бринкман считал озвучивание всего, что было не таким, как ожидалось. Эпатаж перерос в тему. Стихотворение для лирика – средство показа реальности и себя в ней. Автопортрету – составляющей «новой реальности» – отведено особое место:

Selbstbildnis im Supermarkt
für Dieter Wellershoff

*In einer
großen
Fensterscheibe des Super-
markts komme ich mir selbst
entgegen, wie ich bin.*

*Der Schlag, der trifft, ist
nicht der erwartete Schlag
aber der Schlag trifft mich
trotzdem. Und ich geh weiter
bis ich vor einer kahlen
Wand steh und nicht weiter
weiß.*

*Dort holt mich später dann
sicher jemand
ab*

[3, S. 1021]

Автопортрет в супермаркете
Дитеру Веллерсгофу

*В одном
большом
оконном стекле супер-
маркета я иду себе
навстречу такой, какой я есть.*

*Шок, который я испытываю,
это не то, чего я ждал,
но я испытываю именно шок,
несмотря ни на что. Иду далее*

*пока не натыкаюсь на голую
стену и не знаю, что делать
далее.*

*Позже меня там
кто-нибудь да заберет.*

В стихотворении остро ощутима растерянность лирического героя. Символами его непонимания окружения и своего предназначения выступают *шок* и *голая стена*. Текст открыт. Смысл текста конструируется лишь процессуально на уровне читателя. Движение представляется здесь чисто механическим и завершается столкновением с *голой стеной*. Самопознание и самоидентификация человека в обществе, символически обозначенном как *супермаркет*, завершаются испугом (*шок*). Зеркальное отражение без прикрас, воспринятое неосознанно, передает главное: лирический герой сам себя не знает и не понимает. Потерявшийся в этом мире глобализации и потребления, он не имеет цели.

Р.Д. Бринкман как художник слова пытался осознать задачу писателя, уяснить его функцию в современном обществе. Донести до читателя через деталь повседневности правду жизни казалось ему наиболее верным, аутентичным решением. Выступая за расширение сознания посредством лирики, он шел по пути мирного поиска поэтических средств изображения и интерпретации. В противовес ему другие коллеги по перу, например Г.М. Энценсбергер, звали реципиента в 1970-е годы к протесту, несогласию, сопротивлению реальности. Ломка старого (в данном случае традиции), чтобы расчистить место для нового, тоже одна из концепций творчества десятилетия:

<i>Wut und Geduld sind nötig, in die Lungen der Macht zu blasen den feinen tödlichen Staub, gemahlen von denen, die viel gelernt haben, die genau sind, von dir</i>	<i>Требуются ярость и терпение, чтобы наполнить легкие власти смертельной пылью, измолотой теми, кто многому научился у тебя, кто как и ты.</i>
---	---

[8, S. 903].

Протест Р.Д. Бринкмана был иным: лирика должна раскрепощать, преодолевать, расширяя рамки старого критического мышления. Под «новой чувствительностью» („Neue Sensibilität“) он понимал способность поэта сделать естественным объектом изображения свободную от предписаний, переживаемую и детально рассматриваемую тривиальную жизнь. Творчество он интерпретировал как процесс познания себя и окружения, в результате которого возникает стихотворение. Чувственный опыт и способность абстрагироваться, обобщить становились антиподами. Попытка скорректировать эмоциональную парадигму стихотворения 1970-х посредством увиденной, узнанной реальности превратилась в свою противоположность. Из поэтического арсенала традиции ничего не осталось:

*Hier steht ein Gedicht ohne einen Helden.
In diesem Gedicht gibt es keine Bäume. Kein Zimmer
zum Hineingehen und Schlafen ist hier in dem
Gedicht. Keine Farbe kannst du in diesem*

*Gedicht hier sehen. Keine Gefühle sind
in dem Gedicht. Nichts ist in diesem Gedicht
hier zum Anfassen...*

[9, S. 15]

*Здесь вот стихотворение без героя.
В стихотворении нет деревьев. Нет в стихотворении
помещения,
чтобы войти и поспать.
Никаких красок ты в этом
стихотворении не можешь разглядеть. Никаких чувств
нет в стихотворении. Ничего в этом стихотворении нет,
что можно было бы воспринять.*

Стихотворение служит своеобразной характеристикой не только поэзии, но и мира культуры, в пространстве которой развиваются литература и ее роды: лирика, эпика и драматургия. В этом отношении актуальна мысль У.Эко о том, что «знаки культуры, в которой мы живем, перманентно открыты для интерпретации – любая человеческая деятельность связана с интерпретацией знаков и практически исчерпывается ею» [10, с. 164].

В противовес традиции интеллектуализации творческого процесса Р.Д. Бринкман в 1970-е годы выдвигал на первый план спонтанность литературного созидания. Желание освободить деятельность литераторов от мистификации вело к упрощенному пониманию письма. Произведение стало для поэта формой закрепления непосредственно воспринятого. Из стихотворения вместе с «прекрасным» и «возвышенным» исчезла тайна, столь необходимая ему по убеждению классиков. Даже неожиданные повороты тематики десятилетия экспонировали что-то знакомое (узнавание через деталь), но недосказанное и не идентифицированное до конца.

В стихотворении преследовалась цель фиксировать прочувствованное, пережитое, но всегда обнаруживался намек на какой-то скрытый смысл, спрятанный за привычным значением слова, потому что «истина скорее создается, чем находится», а «момент объективности в истине возникает лишь в процессе вербализации, посредством которого становится возможным обеспечение ее общезначимости. То, что представляется нам истиной, всегда выражено и зафиксировано в языке...» [11, с. 749]. Поэт побуждал к интерпретации:

*Schnee: wer
dieses Wort zu Ende
denken könnte
bis dahin
wo es sich auflöst
und wieder zu Wasser wird*

*das die Wege aufweicht
und den Himmel in
einer schwarzen*

*blanken Pfütze
spiegelt, als wär er
aus nicht rostendem Stahl*

*und bliebe
unverändert blau*

[3, S. 1020]

*Снег: кто
это слово до конца
додумает,
вплоть до момента
его растворения
и нового превращения в воду,*

*которая размочит дороги
и отразит небо
в черной*

*блестящей луже,
словно оно
из нержавеющей стали*

*и останется
неизменно синим.*

Вариативность таких произведений произвольна и монотонна. Они – случайный возврат к пришедшим на память моментам. Ни психологически, ни социально они ничего конкретного не выстраивают. Переживания схожи, но ведь никто не ждал, что они будут одинаково выражены. Язык перестал быть медиумом между личностью и реальностью – он просто «*флаг*, ...который сигнализирует о приемлемости использования определенного словаря» [11, с. 749]. Лирические срезы действительности служат размышлению: «Каждый человек имеет право на свою истину, поскольку это позволяет ему ориентироваться в мире, отличать хороших людей от плохих, социальную справедливость от нравственного беззакония» [11, с. 751]. Раздумьем над истиной можно назвать и следующее стихотворение Р.Д. Бринкмана:

*Meinetwegen Rosen
was uns entging mit der Zeit
Unglück der ausgeworfene
Köder worauf
man verfiel*

*Пусть будут розы.
То, что мы постепенно упустили из виду,
было несчастьем и приманкой,
на которую
попадают.*

[3, S. 1020]

Языковое пространство становится в лирическом тексте полем игры со значением, а размещенный в языке текст существует только в дискурсе (Р. Барт). Это действительность будней, преломленная через лирическое «я». «я» и «моя» жизнь. Интерпретация все чаще становится основным источником смысла. Маркерами интертекстуальности у поэта выступили аллюзии, иностилевые вкрапления, наличие «чужого слова» (термин М.М. Бахтина). «Розы» как символ прекрасного – «приманка» для того, кто ждет от поэзии наслаждения формой и содержанием. Поэт намекает, что прекрасное просто иллюзия.

Значительным явлением в творчестве Р.Д. Бринкмана стал еще в конце 1960-х сборник «Пилоты» („Die Piloten“, 1967), озвучивший его уже тогда менявшееся отношение к традиции реализма на фоне модернизма и постмодернизма. В нем реализация «поверхностного взгляда» чем-то близка к «поп-арту». Обращение литератора к массовой культуре, к снимку, к фильму по своей природе неореалистично. Фрагментированный дискурс оставляет ощущение хаоса, выражающееся в предложении через перечисления, прерывистости, избыточности. Сложность вербализации, на которую натолкнулась лирика, понималась не как проблема идеологии, а как проблема языка.

Поиск собственного места в обществе потребления 1970-х поэт тематизировал посредством интересовавших его объектов и явлений окружающего мира. Провокации (например, секс как тема) противопоставили массовую культуру с ее особенностями традиции классической поэзии. Развитие лирики 1960-х, а затем и 1970-х, которую Р.Д. Бринкман

ярко представлял, убедительно отразили антологии. Не случайно Готфрид Бенн в своей характеристике литературной жизни этих десятилетий назвал ее «эпохой афоризмов и антологий» [12, S. 618].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Wolf, G.* Besprechungen / G.Wolf // NDL. – 1968. – № 9. – S. 158–170.
2. *Стеженский, В.* Литературная борьба в ФРГ/ В. Стеженский, Л. Черная. – М. : Сов. писатель, 1978. – 430 с.
3. *Brinkmann, R.D.* Meinetwegen Rosen / R.D. Brinkmann // Das Buch deutscher Gedichte ; Hrg. K.O. Conrady. – Düsseldorf : Artemis & Winkler, 2008. – S. 1020–1022.
4. *Можейко М.А.* Дискурс / М.А. Можейко, С. Лепин // Постмодернизм : энцикл. : науч. ред. А.А. Грицанов, М.А. Можейко. – Минск : Интерпрессервис ; Книж. Дом, 2001. – С. 233–237.
5. *Herburger, G.* Vergnügen / G. Herburger // Das Buch deutscher Gedichte ; Hrg. K.O. Conrady. – Düsseldorf : Artemis & Winkler, 2008. – S. 993–996.
6. *Herburger, G.* Dogmatisches über Gedichte / G. Herburger // Kursbuch. – 1967. – № 10. – S. 153–230.
7. *Brinkmann, R.D.* Die Piloten / R.D. Brinkmann. – Köln : Kiepenheuer & Witsch, 1969. – 121 S.
8. *Enzensberger, H.M.* Gedicht für die Gedichte nicht lesen / H.M. Enzensberger // Das Buch deutscher Gedichte ; Hrg. K.O. Conrady. – Düsseldorf : Artemis & Winkler, 2008. – S. 902–907.
9. *Brinkmann, R.D.* Westwärts 1& 2 / R.D. Brinkmann. – Reinbek bei Hamburg : Rowohlt Taschenbuch Verl. GmbH, 1975. – 150 S.
10. *Коротченко, Е.П.* Гиперреальность / Е.П. Коротченко // Постмодернизм : энцикл. ; науч. ред. А.А. Грицанов, М.А. Можейко. – Минск : Интерпрессервис ; Книжн. Дом, 2001. – С. 164–165.
11. *Хомич, Е.В.* Случайность, ирония и солидарность / Е.В. Хомич // Постмодернизм : энцикл. ; науч. ред. А.А. Грицанов, М.А. Можейко. – Минск : Интерпрессервис ; Книжн. Дом, 2001. – С. 748–756.
12. *Baumann, Ch.* Anthologien erforschen? Versuch über Spezifik und Geschichte von Anthologien zur DDR-Literatur / C. Baumann. – Weimarer Beiträge. – 1989. – №.4. – S. 618–637.

The lyrical poet R.D. Brinkman, who was an outstanding literary figure of the 1970s, stood on the positions of New Realist. He introduced a new conception of reality which was based on fact and detail. In poetry the Beautiful and the Sublime were replaced by the Lowly and the Ordinary.

Поступила в редакцию 19.11.10

АНТИУТОПИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА В РОМАНЕ К. ИШИГУРО «НЕ ОТПУСКАЙ МЕНЯ»

Статья посвящена рассмотрению антиутопической картины мира в романе современного английского писателя К. Ишигуро «Не отпускай меня», где автор размышляет об этической стороне научного прогресса, о быстротечности времени и смысле жизни, о человечности и жертвенности. Это псевдо-Bildungsroman, в котором спокойная и сдержанная повествовательная манера акцентирует контраст между обыденностью и антигуманностью происходящего и оттеняет трагизм судеб его героев.

Жанр антиутопии имеет в английской литературе довольно долгую историю. Он ведет свою генеалогию от «Путешествий Гулливера», где Свифт подвергает сомнению веру своих предшественников Т. Мора и Ф. Бэкона в счастливое будущее человечества. В отличие от Бэкона, который связывал свои надежды с научно-техническим прогрессом, Свифт выражает крайний скептицизм в отношении возможности науки способствовать разумному устройству общества. Тема доверия к науке, особенно актуальная в XX веке, стала своего рода жанровым признаком антиутопии. Она пронизывает практически все творчество Г. Уэллса, присутствует в романах Дж. Балларда, Д. Лессинг и других английских писателей. К антиутопии с полным правом можно отнести и роман современного британского писателя японского происхождения Казуо Ишигуро (р.1954) «Не отпускай меня» (“Never Let Me Go”, 2005).

По своим внешним жанровым признакам роман К. Ишигуро «Не отпускай меня» – типичный роман воспитания (Bildungsroman), так как речь в нем идет о становлении человека, формировании его личности в процессе обучения, аккумуляции житейского опыта, выходе во взрослую жизнь. Как принято в классическом романе воспитания, в «Не отпускай меня» отсчет идет от детских лет героев. Вначале их жизнь вписывается в образ обычных детства, отрочества и юности с типичными для их возраста чувствами и занятиями. Герои показаны маленькими детьми, затем школьниками пансиона Хейлшэм и «студентами», занятыми написанием научной работы, в Коттеджах (английское слово *Cottage* очень похоже на *College*), куда из пансиона они отправились ожидать своего назначения или, скорее, предназначения. Далее же происходит искажение: едва став взрослыми, герои начинают уходить из жизни: детей-клонов, как оказывается, готовят не к жизни, а к смерти.

Таким образом, мы имеем дело с псевдороманом воспитания: в нем есть воспитание личности, приготовление к жизни, за которым следует не сама жизнь, а медленное угасание и смерть. Роман воспитания начинает «перекрываться» антиутопией, в которой личностное становление героев отменяется, ибо клон личностью не признается даже его воспитателями;

следовательно, и никакого становления у него быть не может. Однако о том что, он имеет дело с антиутопией, читатель догадывается далеко не сразу, так как многие жанровые признаки «классической» антиутопии в романе становятся очевидными лишь к концу повествования. Страшный смысл романа выявляется по мере развития повествования, пробиваясь поначалу лишь в настораживающих намеках. Рассказчица Кэти сама долгое время пребывает в неведении по поводу практики по клонированию и трансплантации органов. Закрытый пансион, в котором она выросла, оказывается «теплицей», созданной кучкой энтузиастов, попытавшихся хоть как-то противостоять жестокости общества и выращивать клонов в человеческих условиях. Трагическая атмосфера нагнетается постепенно при помощи активного использования автором разных приемов антиципации. Повествователь постоянно намекает на неполное знание чего-то важного (*мы немного знали о себе и кем мы были на самом деле; мы знали, что отличаемся от обычных людей, но мы не знали, что это значит* и т.д.). Не совсем ясным как для читателя, так и для героев романа в пору их детства является поведение окружающих. Почему воспитатели говорят, что курение для их воспитанников намного более опасно, чем для других людей? Почему им так настойчиво внушают, как важно творчество? Почему «мадам», женщина, которая регулярно приезжает, чтобы забрать в некую галерею их лучшие работы, боится их словно пауков, а мисс Люси в разговоре с Томми начинает вдруг дрожать от какого-то внутреннего негодования? Ретроспективно описывая различные ситуации из детства, рассказчица постоянно отмечает свою неспособность понять их до конца в ту пору. Но при этом подчеркивается наличие у героев предчувствия, какого-то подсознательного знания своей участи. При помощи поэтики антиципации подобное ощущение создается и у читателя, который понимает, что перед ним не обычное описание жизни детей из закрытого пансиона, но при этом до конца не может объяснить себе все эти странности.

Говоря об антиутопичности романа, отметим также тот факт, что фамилии героев содержат лишь начальную букву (*Kathy H., Graham K., Reggie D., Susie K.*). Со временем читатель понимает, что за этим сокращением стоит отсутствие фамилии у главных героев, не имеющих семей. Подобное усечение имени Н. Морженкова рассматривает как отсылку к кафкианскому художественному миру, для которого характерна подобная утрата имен, знаменующая стирание персоналистичности и превращение человека из личности в некий функционирующий механизм (*Йозеф К.* из романа «Процесс», *землемер К.* из «Замка») [1, с. 40–41]. «Разыменованье» героев в романе Ишигуро имеет схожую семантику. К тому же усеченное имя актуализирует образ усеченного тела, из которого извлекаются его части. Очевидно антиутопичной выступает и «бездомность» героев – ни у кого из них нет не только своего частного пространства, но и настоящего дома.

В пользу антиутопического характера романа говорит и контраст между обыденностью и антигуманностью происходящего. С одной стороны, мы видим вполне обычную школу, обыденную жизнь, а, с другой, все это подчинено единой цели – убийству воспитанников, пусть и ради высшей цели – спасения других жизней. Впечатление обыденности подчеркивается спокойным и кажущимся бесстрастным тоном главной героини романа Кэти, в рассказе которой весь ужас сложившейся практики убийства клонированных людей ради органов описывается как нечто, не вызывающее откровенного протеста. На лексическом уровне это проявляется в постоянном использовании контекстуальных эвфемизмов – *to complete, to go, to switch off* вместо *умереть*, *donation* вместо *трансплантация органов*. Клоны, как показывает Ишигуро, это не метафора рабства, они не мятежники, которые вследствие своего угнетенного положения готовы подняться и протестовать. Они существа, живущие в мире, где никто не ожидает от них противостояния. Они покорны и смиренны – именно такими их создали. Они даже гордятся своей миссией, видят в ней исполнение долга. Подобное поведение можно определить как проявление истинного христианского смирения, приятия своей участи. В этом контексте смерть является достойным уходом из недостойного мира. Клонам отказано в душе, при этом им уготовлен путь мученичества и жертвенности. Лишь однажды Томми открыто выражает отчаяние по поводу predetermined ему судьбы. Вероятно, эпизод, в котором он убегает ночью в поле, где неистово кричит от безысходности, можно рассмотреть как аллюзию на библейский сюжет о молитве Христа в ночном Гефсиманском саду. «Да минует меня чаша сия» – это молитва Иисуса-человека, а не всемогущего Бога. Ночной вопль Томми – крик отчаявшегося человека, а не бездушного клона.

Ишигуро явно интересуется способностью человека смириться с жестокой судьбой [2]. Читателю кажется странным, почему двое влюбленных людей, Кэти и Томми, просто не сбегут в никуда и не спрячутся, ведь над ними нет тотального контроля и они свободны в своих передвижениях. Вместо этого они покорно соглашаются со своей судьбой и идут на смерть. Наверное, это объясняется тем, что их воспитателям удалось настолько сломить их и подчинить их себе, с одной стороны, а также сделать совершенно неприспособленными к самостоятельной жизни, т.е. зависимыми от незримых создателей, с другой.

Герои не убегают, так как побег для них не выход, им просто некуда бежать – перед ними расстилается лишь враждебный и незнакомый мир, в котором их никто не ждет. Побег всегда связан с преодолением определенной границы, переступив которую можно оказаться в ином измерении. Вместо этого герои в «романе “Не отпускай меня”», делают то, что мы все делаем; они, исполняя свой долг, пытаются придать нашей жизни некий смысл», – говорит Ишигуро [3]. Антиутопичной чертой романа является и отсутствие типичного для этого жанра эксцентричного героя, открыто противостоящего антиутопичному миру.

Очевидно, что в романе «Не отпускай меня» при помощи системы образов, субъектной организации текста и синтеза различных жанровых форм создается выразительная художественная интерпретация традиционных антиутопических топосов, в результате которой возникает ситуация открытого читательского выбора, провоцирующая на активный диалог с текстом.

Центральный мотив превращения человека из индивидуальности в серийный продукт «поддерживается» целым рядом образов вещей и мест, утративших в антиутопическом мире свои изначальные функции. Это и заброшенная автобусная остановка, куда герои приходят, ища уединения; и забетонированный бассейн в семейном доме отдыха, превращенном в реабилитационный центр для клонов; и старая ферма, на которой вместо животных держат людей; и застрявшая посреди болот обветшавшая рыбацкая лодка. Эти образы-символы привносят мотив отчуждения, актуализируя антиутопические черты. Вышеприведенные пространственно-временные образы несут в себе целый ряд оппозиций: старый мир и новый мир, обыденное и страшное, движение и статис, жизнь и смерть.

Есть, однако, в романе одна деталь, которая не согласуется с традиционной моделью жанра антиутопии. Это его хронотоп – действие романа не отнесено в будущее, как, например, в «1984» Дж. Оруэлла или «Машине времени» Г.Дж. Уэллса, а происходит в Англии в 1990-х годах. Как известно, в 1996 году в Англии была клонирована овечка Долли, которая умерла в феврале 2003 года. Факт ее рождения вызвал резкую критику и опасения, что в скором времени может быть проведено клонирование человека. На этом фоне роман приобретает чрезвычайную актуальность. В некотором смысле, как показывает автор, ученики Хейлшема ничем не отличаются от овечек: их растят в сельской местности, в изоляции от общества, поощряя здоровый образ жизни, а потом пользуются ими как бездушными существами. Таким образом, повествование разворачивается вокруг вопроса об этичности использования достижений современной науки в области клонирования человека с целью трансплантации органов. Без преувеличения можно сказать, что в современном контексте эта тема является одним из ключевых фокусов, вокруг которого происходит рефлексия современной культуры. Писатель сам пояснил свой выбор места и действия романа. Отвечая на вопрос о наличии элементов утопии и научной фантастики в романе «Не отпускай меня», Ишигуро сказал: «Мне никогда не хотелось, чтобы действие происходило в будущем. <...> Меня не очень интересуют футуристические пейзажи. Кроме того, у меня не хватает сил придумывать, какими в будущем будут машины, магазины или подставки для кружек. И мне не хочется писать то, что по ошибке может быть воспринято как “предсказание”. Мне просто хотелось написать рассказ, в котором каждый читатель узнает отголоски своей жизни» [4]. Признавая, что в романе присутствуют утопические и фантастические ноты, Ишигуро, однако, называет роман «альтернативной историей», наподобие той, что

было бы, если бы Гитлер победил или Кеннеди не был убит. Роман, по мнению Ишигуро, – это альтернативная Британия, которая могла существовать в конце XX века, если бы события в научном мире развивались иначе [4].

Затрагивая проблему этичности научного прогресса, автор акцентирует внимание на условности грани между человеком и «нечеловеком» и вместе с читателем размышляет над вопросом: что делает нас людьми, личностями? Ученики в Хейлшеме ведут себя как обычные дети: дразнят и обижают друг друга, дерутся, играют в футбол, делятся секретами. Их мечты относительно профессиональной жизни нарочито просты – стать продавцом, водителем, клерком в офисе. Имитируя жесты актеров из телесериалов, герои пытаются компенсировать свое незнание обыденной жизни, которой живут люди. В контексте романа слово *ordinary* приобретает явно положительную коннотацию, фактически становясь синонимичным *happy*.

Единственное, что их отличает от обычных людей, это то, что у них нет будущего, которое по горькой иронии у них отнимаем мы, люди. В конце романа Кэти спрашивает, почему все считают, что у клонов не должно быть души? Они умны, талантливы. Мало того, у них есть чувства: они страдают, сопереживают, влюбляются, ревнуют, дружат, испытывают угрызения совести. Из чего же тогда еще складывается душа, если не из этого? Ишигуро подводит к вопросу, какое мы имеем право думать, что эти молодые люди – Кэти, Рут, Томми – бездушные и бесчувственные существа? А если они могут чувствовать не только физическую, но и душевную боль, то имеем ли мы право отбирать у них жизнь? Выступив в роли Творца и создав клонов по своему образу и подобию, человек не осознавал своей ответственности и не был готов к тому, что клоны станут во всем на него похожим, даже своими чувствами.

Примечательно, что Кэти мимоходом упоминает имена знаковых фигур литературы и искусства XX века (Джойса, Кафки, Пикассо), отсылка к которым свидетельствует о соответствующем интеллектуальном уровне рассказчика. Она вспоминает, что обитатели Коттеджей, куда направлялись будущие доноры, за завтраком любили поговорить о поэзии и обсудить произведения Кафки и Пикассо. Но при этом рассказчица не дает подробности этих бесед, что неизбежно привело бы к переходу на «высоколобый» стиль, который мог бы разрушить общую стилистическую тональность задушевности. Однако при этом нельзя не отметить определенный смысловой эффект, создаваемый этими аллюзиями. Даже если не признавать наличия у клонов души в теологическом смысле, то с точки зрения гуманистической морали разбирать на органы существа, размышляющие за завтраком о Кафке и философии, есть не что иное, как «воплощение кафкианского страшного мира» [1, с. 39].

Холодности и расчетливости науки в романе противостоят преданность, продемонстрированная клонами друг к другу и к своим воспитателям, их умение всех прощать, даже тех, кто отправил их на заклание. Но венчает все это любовь, на которую оказываются способны и клоны, верящие в ее

великую силу. Именно она толкнула Кэти и Томми рассказать о своих чувствах бывшим воспитателям, и тем самым, возможно, отсрочить донорство и, соответственно, смерть. Они, как дети, схватились за эту соломинку и, крепко держась за руки, раскрыли перед наставниками свои сердца, с надеждой заглядывая в их глаза и моля о шансе. «Как и мы все, – говорит Ишигуро, – герои романа вопреки всякой логике верят, что любовь способна изменить нависшую над вами судьбу» [3]. Это была неисполнимая иллюзия, их сковали боль и разочарование от осознания своего бессилия, но и они не ожесточили сердца молодых людей: они поняли, что если любовь и не может отсрочить их смертный час, то она дает им нечто большее – внутреннюю свободу. Зная, что незримые «хозяева» полностью подчинили их себе и дергают за веревочки, словно марионеток, Кэти и Томми, однако, почувствовали, что единственно, над чем те не властны – это любовь, она принадлежит только им двоим. А любовь – это сила, поддерживающая нас в самые трагичные моменты жизни.

Специфика романа во многом обусловлена контрастом между трогательной человечностью образов клонов и страшной бесчеловечностью их судьбы. Это несовпадение роли «неодушевленного биоматериала» [1, с. 33], отведенной героям в обществе, с человечностью и глубиной их самоощущения придает повествованию особый трагизм. Он также акцентируется субъектной организацией текста – наделением словом персонажа, который с точки зрения общественной морали не считается человеком, т.е. не имеет права голоса.

В романе также затрагивается вопрос: стоит ли клонов обучать, ведь они все равно умрут. Зачем было давать им прекрасное образование, развивать их духовный мир, чтобы потом они еще явственнее чувствовали несправедливость общества, его жестокость и бессердечность, с одной стороны, и свое полнейшее бессилие, с другой.

Повествование пропитано духом пессимизма и обреченности. «Мне всего лишь 50, но чувствую, как стремительно ускользает мое время, – комментирует Ишигуро. – Не могу избавиться от мысли, что роман “Гордость и предубеждение” был написан кем-то, несколькими годами моложе Зэди Смит¹. Роман “Война и мир” был написан кем-то, кого с легкостью можно отнести к Лучшим молодым российским писателям. <...> Дело не в том, что я скоро умру, но я понимаю, что с возрастом я могу утратить некоторые из своих способностей и я могу уподобиться тем писателям, к которым относятся с уважением за их прошлые заслуги. Я такого не хочу» [4]. И добавляет: «Я осознал, что мы не в состоянии контролировать свою жизнь. Жизнь может взять и бросить вас неизвестно куда. Вы должны облагородить то место, которое занимаете, потому что жизнь коротка, и вы не можете предотвратить смерть» [3].

Роман «Не отпускай меня» – это и не научная фантастика, не морализирующая проповедь, не антинаучный памфлет. В нем не описываются

¹ З. Смит (р. 1975) – английская писательница, автор романов «Белые зубы» («White Teeth», 2000), «Человек-автограф» («The Autograph Man», 2002), «О красоте» («On Beauty», 2005).

механизмы создания клонов, поддержания их жизни после операций, акцент сделан на них как на живых существах, способных чувствовать. Это скорее обращенный к нам призыв, занимаясь наукой, не забывать о совести и ответственности. Это произведение о «человечестве и человечности» [5, с. 21], вызывающее у читателя чувства шока, сострадания, стыда и вины.

Роман, подтверждает Ишигуро – это предупреждение о будущем науки [6]. Автор задается вопросом: способно ли общество стать жестоким и бессердечно пользоваться научными открытиями, как это произошло в романе? Говоря о клонах-донорах, об ухудшении их самочувствия после операций по выемке органов, автор умалчивает о реципиентах органов, не упоминает о спасенных жизнях. Это сделано намеренно, ибо это роман не о торжестве науки, а скорее показ ее оборотной стороны.

Люди создали клонов, чтобы продлить свою жизнь. Горькая ирония – убивая кого-то, они хотят жить дольше. Клоны вынуждены прожить полноценную жизнь всего за несколько десятилетий – жить быстро и полноценно. Их жизнь – это бомба с часовым механизмом. Они живо ощущают надвигающийся конец. Поэтому, когда Кэти говорит, что ей и другим клонам очень повезло, что им позволили прожить несколькими годами дольше, это некое напоминание нам наслаждаться каждым днем, потому что завтра мы можем умереть.

Оставаясь верным себе, даже в рамках антиутопии Ишигуро размышляет не столько о судьбах человечества, сколько о человеке и смысле существования. По его словам, его всегда занимала кратковременность человеческой жизни, которая неминуемо ставит вопрос о том, что же в ней самое важное [6]. Сфокусировавшись на этой проблеме и поэтому прибегнув к уловке монтажа, Ишигуро отвел героям, в основном, не более 30 лет. Имея полноценные детство и отрочество, им приходится в очень сжатые сроки пройти через юность, зрелость и старость – время переосмысления и подведения итогов. Внешне они остаются молодыми людьми, но психологически, а после начала передачи органов, и физически, они превращаются в умирающих стариков. Такая компрессированная жизнь – это своеобразное сито либо библейский огонь, отделяющий зерна от плевелов – важное и вечное от преходящего и бренного. Остается лишь то, что делает нас людьми: любовь, преданность, дружба, самопожертвование, теплота и, как ни удивительно, боль, очищающая человеческую душу и готовящая его покинуть этот мир. «Книга близка к притче, – считает Ишигуро. – Этот антиутопический мир – для меня метафора, простая и универсальная. Метафора того, что у нас всех жизнь имеет свои границы, и мир, где жизнь длится только 30 лет – это новый взгляд на вопросы, которыми мы все задаемся: что мы делаем в нашей жизни здесь? Что самое важное? И, конечно, не делаем ли мы что-то не вовремя? Не слишком ли поздно мы осознаем, что в жизни является самым важным?» [3]. Автор призывает читателя поразмыслить о способности человека смириться с тем, что его время ограничено, что он будет делать, узнав, что у него осталось мало времени, как он переоценит свою жизнь, что станет для него первоочеред-

ным, какие дела ему захочется довести до конца. Этот роман писателя о том, так ли мы прожили свою жизнь, были ли мы достойными людьми.

Роман – своеобразный вклад в споры о клонировании. Ишигуро посмотрел на происходящее глазами самих клонов, «мнение» которых никогда, естественно, не учитывается. Герои не комментируют свою жизнь, не жалуются, все, что мы видим, это описание их жизни, утраченных надежд, не сбывшихся ожиданий, не реализованных мечтаний. Читатель сам делает выводы – пусть не научные, но человеческие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Морженкова, Н. Особенности повествовательной структуры в романе К. Ишигуро «Не отпускай меня» / Н. Морженкова // Тропа. Современная британская литература в российских вузах ; науч. ред. К. Хьюитт [и др.]. – Пермь : ГУОВПО «Пермский гос. ун-т», 2008. – Вып. 2. – С. 32–41.
2. Spiegel Interview with Kazuo Ishiguro [Electronic resource]. – Mode of access : <http://radiofreemike.com/nonfiction/interview-with-kazuo-ishiguro>. – Date of access : 17.03.2010.
3. Interview with K. Ishiguro [Electronic resource]. – Mode of access : http://www.pittsburghlive.com/x/pittsburghtrib/s_322215.html. – Date of access : 23.03.2010.
4. A Conversation with K. Ishiguro [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.bookclubs.ca/catalog/display.pperl?isbn=9780676977110&view=auqa>. – Date of access : 01.06.2010.
5. Kemp, P. Never Let Me Go by Kazuo Ishiguro / P. Kemp // The Sunday Times. – 2005. – 20 Feb.
6. Interview with K. Ishiguro [Electronic resource]. – Mode of access : http://www.123people.co.uk/ext/frm?ti=person%20finder&search_term=judy%20bridgewater&search_country=GB&st=person%20finder&target_url=http%3A%2F%2Fwww.youtube.com%2Fwatch%3Fv%3DgiBWfml6okc§ion=video&wrt_id=53. – Date of access : 01.06.2010.

The article dwells on the dystopian picture of the world in the novel *Never Let Me Go* by the contemporary British writer Kazuo Ishiguro in which its author reflects on the ethics of science, on the transience and sense of life, humaneness and self-sacrifice. It is a pseudo-Bildungsroman where the calm and reserved narration highlights the contrast between the ordinariness and the anti-human character of the events and stresses the tragic fate of the characters.

Поступила в редакцию 24.11.10

НАШИ АВТОРЫ

- Бартош Наталья Николаевна – аспирант кафедры грамматики французского языка МГЛУ. Тел. 288-22-15.
- Букаева Людмила Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лексикологии немецкого языка МГЛУ. Тел. 284-81-31.
- Голикова Жанна Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка гуманитарных факультетов БГУ. Тел. 227-18-95.
- Гриценко Елена Сергеевна – доктор филологических наук, проректор по научной работе Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Тел. (8-10-7831) 436-18-40.
- Долматова Екатерина Дмитриевна – преподаватель кафедры фонетики английского языка МГЛУ. Тел. 288-18-02.
- Дулина Наталья Олеговна – доцент кафедры итальянского языка МГЛУ. Тел. 288-25-71.
- Ефимова Елена Владимировна – аспирант кафедры фонетики английского языка МГЛУ. Тел. 288-18-02.
- Ефремова Алла Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусского и иностранных языков Академии МВД Республики Беларусь. Тел. 289-21-50.
- Кардубан Юлия Николаевна – аспирант кафедры лексикологии английского языка МГЛУ. Тел. 288-25-63.
- Кирилина Алла Викторовна – доктор филологических наук, проректор по научной работе Московского института лингвистики. Тел. (8-10-7495) 616-26-41.
- Кожарина Татьяна Владимировна – аспирант кафедры лексикологии французского языка МГЛУ. Тел. 288-22-15.
- Козлова Светлана Владимировна – аспирант кафедры лексикологии французского языка МГЛУ. Тел. 288-22-15.
- Крот Лариса Григорьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики английской речи МГЛУ. Тел. 288-18-02.
- Кугейко Татьяна Петровна – аспирант Института языка и литературы им. Я. Коласа и Я. Купалы НАН Беларуси. Тел. 284-27-18.
- Курбаленко Наталия Валериевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры грамматики и истории немецкого языка МГЛУ. Тел. 284-81-31.
- Минина Виктория Генриховна – доцент кафедры теории и практики перевода Института предпринимательской деятельности (г. Минск). Тел. 247-08-77.
- Неборская Лариса Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры грамматики и истории немецкого языка МГЛУ. Тел. 284-81-31.
- Ниживинская Ольга Владимировна – аспирант кафедры фонетики английского языка МГЛУ. Тел. 288-18-02.
- Салимова Заррина Бахруллоевна – аспирант кафедры грамматики французского языка МГЛУ. Тел. 288-22-15.
- Стахнова Ольга Владимировна – аспирант кафедры лексикологии испанского языка МГЛУ. Тел. 284-81-16.
- Сысоева Татьяна Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры речеведения и теории коммуникации. Тел. 288-25-71.
- Сытько Анна Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры фонетики немецкого языка МГЛУ. Тел. 284-81-31.
- Чиркун Анна Борисовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лексикологии испанского языка МГЛУ. Тел. 284-81-16.

ВЕСТНИК МГЛУ

Серия 1. Филология

№6 (49), 2010

Научно-теоретический журнал

Ответственный за выпуск *А.М. Горлатов*

Редакторы *Л.М. Малинина, А.И. Гуторова*
Корректор *С.О. Иванова*

Журнал зарегистрирован
Министерством информации Республики Беларусь 26 апреля 2010 г.
в Государственном реестре средств массовой информации за № 1333

Адрес редакции: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск
E-mail: vestnik@mslu.by

Подписано в печать 16.12.10. Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Ризография. Усл. печ. л. 10,70. Уч.-изд. л. 12,14. Тираж 100 экз. Заказ 92.

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования “Минский государственный лингвистический университет”. ЛИ №02330/0548503 от 16.06.2009 г.
Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.

Индекс подписки 75017/750172